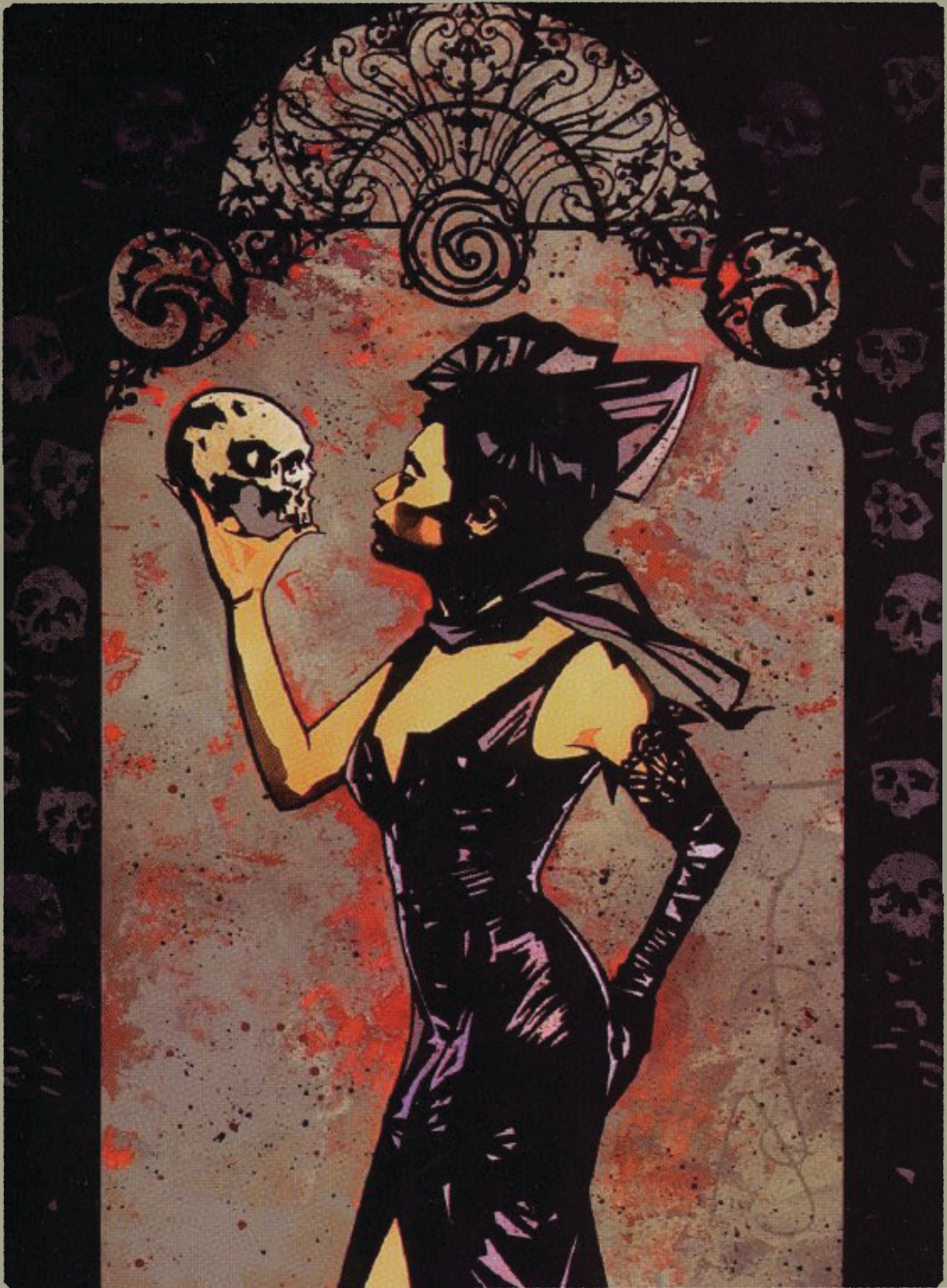

CLAN NOVEL:

Giovanni

JUSTIN ACHILLI

VAMPIRE
THE MASQUERADE

CLAN NOVEL:

Giovanni

JUSTIN ACHILLI

Гіованні

Часть 1

Вегас

Часть 2

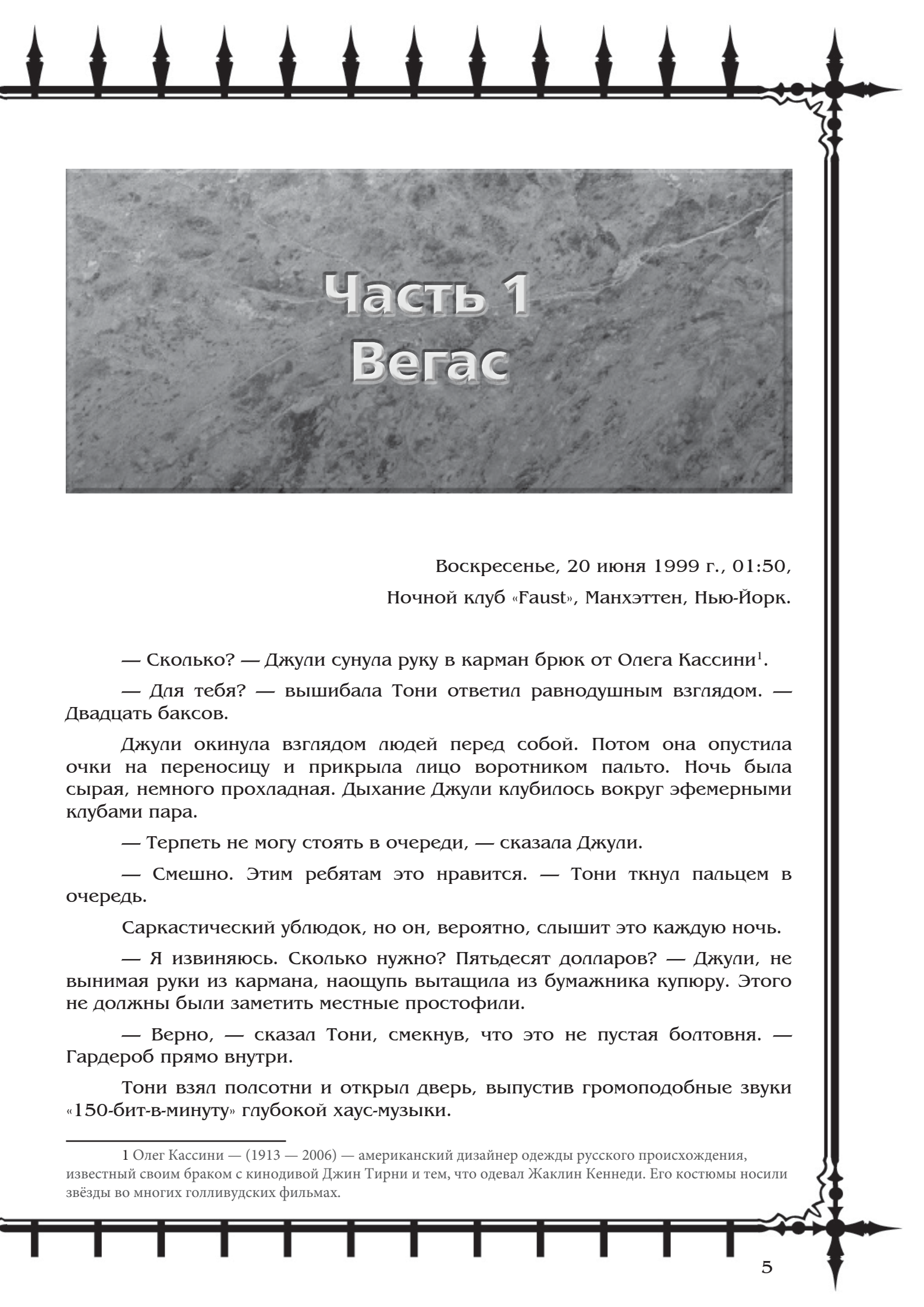
Вырой себе яму

Часть 3

В эпицентре

Часть 1

Вегас

Воскресенье, 20 июня 1999 г., 01:50,
Ночной клуб «Faust», Манхэттен, Нью-Йорк.

— Сколько? — Джули сунула руку в карман брюк от Олега Кассини¹.

— Для тебя? — вышибала Тони ответил равнодушным взглядом. — Двадцать баксов.

Джули окинула взглядом людей перед собой. Потом она опустила очки на переносицу и прикрыла лицо воротником пальто. Ночь была сырая, немного прохладная. Дыхание Джули клубилось вокруг эфемерными клубами пара.

— Терпеть не могу стоять в очереди, — сказала Джули.

— Смешно. Этим ребятам это нравится. — Тони ткнул пальцем в очередь.

Саркастический ублюдок, но он, вероятно, слышит это каждую ночь.

— Я извиняюсь. Сколько нужно? Пятьдесят долларов? — Джули, не вынимая руки из кармана, наощупь вытащила из бумажника купюру. Этого не должны были заметить местные простофили.

— Верно, — сказал Тони, смекнув, что это не пустая болтовня. — Гардероб прямо внутри.

Тони взял полсотни и открыл дверь, выпустив громоподобные звуки «150-бит-в-минуту» глубокой хаус-музыки.

¹ Олег Кассини — (1913 — 2006) — американский дизайнер одежды русского происхождения, известный своим браком с кинодивой Джин Тирни и тем, что одевал Жаклин Кеннеди. Его костюмы носили звёзды во многих голливудских фильмах.

Какая-то девушка в очереди закатила истерику, но Джули оказалась внутри прежде, чем услышала это. Похлопав по выпуклому бумажнику с поддельным удостоверением личности, Джули передала пальто гардеробщице. Та улыбнулась, протягивая номерок 231, и подмигнула. Джули послала ей воздушный поцелуй и направилась к бару.

— Отвертку «Абсолют»! — крикнула она бармену, надеясь, что ее услышат за шумом.

Сегодня вечером список А¹ был в полном составе: золотая молодежь, спидхеды, эффектные трансвеститы и другие красивые люди расхаживали по танцполу и веселились в кабинках, которые усеивали мезонин клуба.

Бинго. Глаза Джули выловили в зале цель.

— Эй ты, в темных очках, с тебя семь баксов.

Джули бросила десятку в бар, взяла напиток и двинулась к дальней стене полного людьми зала.

Фрэнки Джи сидел за столом возле танцпола. Джули нужно было пройти мимо него, чтобы попасть в уборную. Она посмотрела на будку Ди-Джея, где пара андрогинов в блестящих рубашках порхали взад-вперед, прижимая к ушам наушники и выворачивая ручки на микшерах. Здесь висел тяжелый сигаретный дым, пахло алкоголем, оседал вездесущий бас звуковой системы. Все это делало кислород ценным товаром.

Опустошив бокал в руке, Джули протолкнулась к концу зала, к туалету. Под первой кабинкой она увидела пару женских ног на коленях, стоящих перед явно мужской парой туфель. Вторая кабинка была незанята. Пара молокососов в мешковатых штанах стояла перед желобом для писсуара.

— Могу я помочь, мэм? — спросил уборщик, мексиканец или пуэрториканец, которому было лет сто, если не больше.

— Кажется, я забыла здесь кепку вчера вечером.

— Ах, да, мэм. Я понял.

Уборщик открыл шкафчик под раковиной и достал бейсболку «Нью-Йорк Янкис», в которой лежал коричневый бумажный пакет, перетянутый бечевкой. Джули дала мужчине «на чай» двадцатку. Он посмотрел на нее с напряженной улыбкой, объяснив, что если что-то пойдет не так, то он даст сигнал, потерев нос большим пальцем. Солнцезащитные очки Джули скрыли отвращение в ее глазах.

Она отступила в открытую кабинку, не обращая внимания на хлюпающие звуки и хриплые стоны за соседней дверью. Бросив кепку на пол, Джули разорвала пакет и кинула обрывки бумаги в унитаз. Она взяла пистолет и засунула его за пояс брюк, похлопав по нему, чтобы убедиться, что он не слишком выпирает из-под пиджака. Чтобы держать уборщика в неведении, она сделала несколько громких отрывистых вдохов. Пусть

¹ Список А — список лекарственных средств, отнесённых к наркотикам или ядам (здесь в значении синекдохы).

думает, что она — кокаиновая фанатка.

Джули вышла из кабинки, мальчики около писсуара уже ушли. Уборщик улыбнулся и после того, как она умылась, подал ей полотенце. Джули уже собиралась уходить, но мужчина остановил ее:

— Плохая карма!

— Что?

— Плохая карма! Оставь чаевые.

— Пошел ты! Я только что дала тебе чаевые!

— Это раньше. Чаевые за полотенце. Совет: нет чаевых, плохо, невезение.

— Вот тебе совет: заткнись! — Джули вырвалась из уборной, прищемив уборщика дверью. В зале клуба дым по-прежнему застилал ей глаза.

Фрэнки Джи все еще сидел за своим столиком у зеркальной стены. С ним были два парня из его банды и рядом с каждым из них сидела размалеванная шлюха. За столом стояло двадцать, может, тридцать стаканов — смешанные напитки, рюмки, бокалы мартини. Полноценная вечеринка. Все смеялись.

Джули направилась к столу, не пытаясь оставаться незамеченной. Она расталкивала людей, двигаясь сквозь тела на танцполе, как Моисей сквозь море.

В футе от стола она остановилась. Головорезы, как и женщины, посмотрели на нее с выражением досадно прерванного веселья. Фрэнки Джи заглянул в свой стакан, полный... водки?.. со скрученной лимонной кожурой.

— Мы знаем тебя, пташка? — спросил один из громил.

— Ты знаешь моего босса.

Девушки вскочили с мест. Блондинка перелезла через заднюю стенку дивана, чтобы сбежать. Они знали, что намечается потасовка, и она не будет кулачной; это дерьмо вот-вот должно было стать серьезным.

— Кто твой босс? У него кишка тонка нанять парня? — парировал другой бандит. — Большой Пол?

— Пошел ты, сопляк! Ты не Гамбино¹. Большой Пол умер десять лет назад.

— Я сейчас вызову тебе «скорую», сучка, — сказал первый.

Он полез в карман пиджака, но Джули оказалась проворнее. Схватив пистолет, она выпустила три пули прежде, чем мужчина успел выхватить свое оружие. Еще четыре выстрела — в другого, одна из пуль разнесла ему четверть черепа. Осталось десять пуль. Джули услышала крик, краем

¹ Гамбино — преступная семья, является одной из «пяти семей», контролирующей организованную преступную деятельность в Нью-Йорке.

глаза она увидела людей, которые бежали мимо нее, отчаянно пытались выбраться, пока их тоже не подстрелили.

Фрэнки Джи просто сидел.

— Ах, ты хуесоска! Ты только что убила двух отличных парней!

— Они не принесли тебе много пользы, Фрэнки.

— Пожалуй, ты права. Нахуй их.

Десять выстрелов в грудь Фрэнки. Мужчина перевалился через спинку дивана, когда шквал прижал его к кожаному сиденью. Зеркало рядом с кабинкой залилось кровью.

Джули обошла вокруг стола, чтобы посмотреть на свою работу.

Но что-то было не так. Фрэнки Джи лежал, скрючившись, и с улыбкой смотрел на Джули. Потом он поднялся. Поднялся на ноги. И посмотрел на свою грудь. Десять дыр, безошибочно узнаваемых, ясных, как день.

— Ты ебанутая! Ты убила моих парней и испортила мою рубашку?! — Фрэнки сунул палец в одну из дырок. — Хорошая кучность, однако.

— Какого черта? — заикаясь, пробормотала Джули, направляя бесполезный пистолет на Фрэнки. Этого не бывает. Люди не встают с четвертью фунта свинца. Джули почувствовала тупой, стягивающей в узел ужас внизу живота. Он должен был умереть. Плохая карма.

— Как ожидаемо, — сказал Фрэнки, глядя Джули в глаза. — Я должен признать, однако, я не ожидал большего от третьесортного киллера, как ты. Джо был прав. Ты вторая на этой неделе. Что за хуйня с вами, психами? В последнее время вы лезете изо всех щелей...

Что это за парень? Его великолепный костюм, оскверненный его собственной кровью; его девушки и вооруженные парни; сто-тысяче-долларовый мерседес на парковке. В нем не было ничего, чего Джули не могла ожидать, кроме... этого. Дьявол выбирает своих слуг мудро. В Фрэнки было что-то... нечестивое.

Призывая эту нечестивую силу, Фрэнки ударил Джули кулаком в челюсть, который, казалось, имел за собой мощь пятилитрового V123. Джули пролетела буквально десять футов и врезалась в отдельно стоящий стол, рухнув позади опрокинутых стульев. Она приподнялась на руки, кровь заливала ей глаза, одаривая ощущением, будто уши слезают с головы. Фрэнки Джи навис над ней, нагнулся, схватил за воротник и поднял с пола.

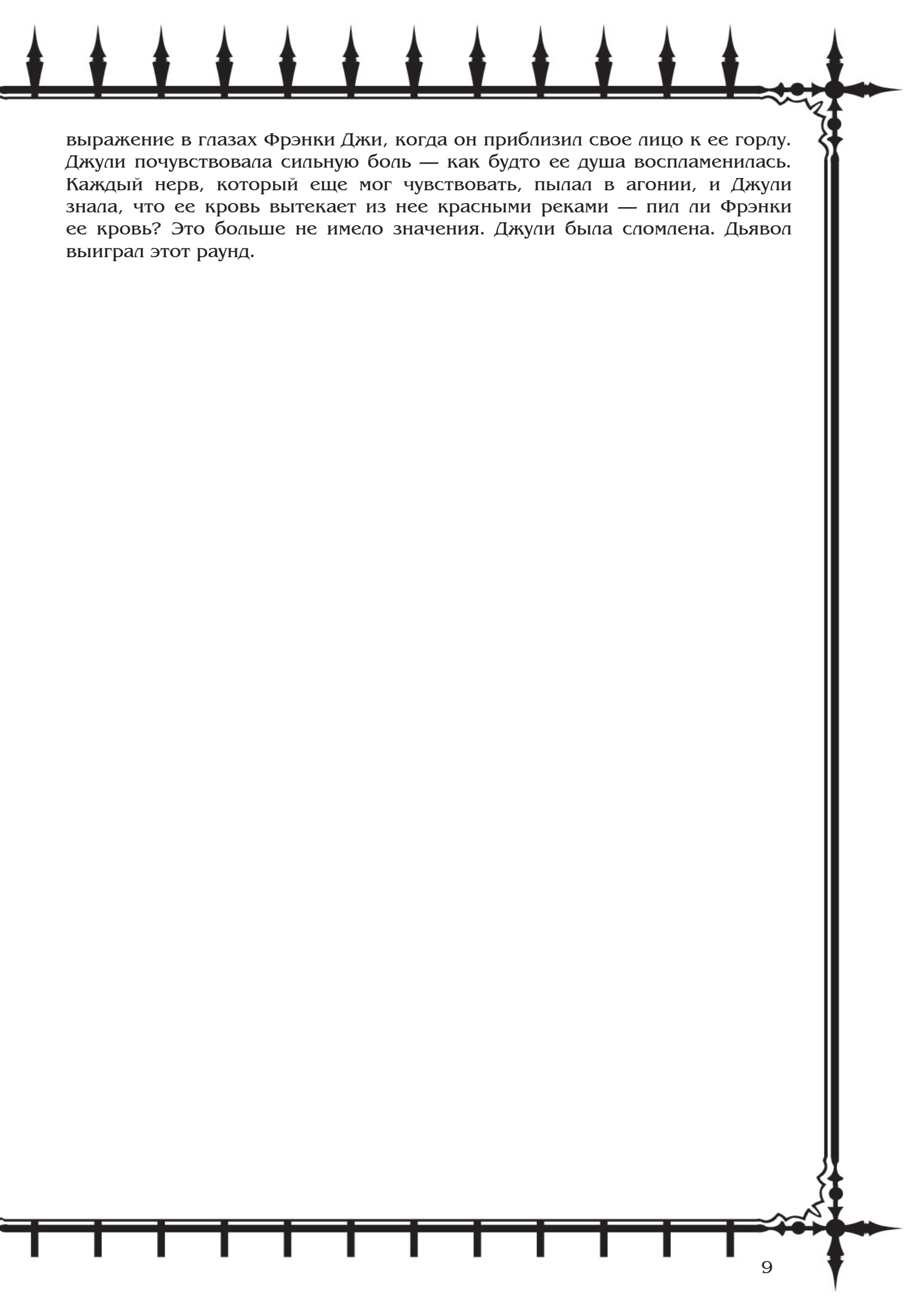
— Пит! Иди сюда! — крикнул Фрэнки.

— Да, Фрэнки, что случилось?

Джули удивилась, почему этот парень не был потрясен, как и остальные, которые запаниковали и убежали.

— Скажи Тони, что он уволен.

Пит убежал. Последним, что она увидела, было похотливое

выражение в глазах Фрэнки Джи, когда он приблизил свое лицо к ее горлу. Джули почувствовала сильную боль — как будто ее душа воспламенилась. Каждый нерв, который еще мог чувствовать, пылал в агонии, и Джули знала, что ее кровь вытекает из нее красными реками — пил ли Фрэнки ее кровь? Это больше не имело значения. Джули была сломлена. Дьявол выиграл этот раунд.

Воскресенье, 20 июня 1999 г., 5:00.

Личный автомобиль, Манхэттен, Нью-Йорк

Николай улыбнулся. Иногда простейшие уловки работали лучше сложных схем.

— Привет.

Сброс.

И так продолжалось несколько раз. Николай понимал, что сводит Бенито Джованни с ума своей бесконечной, хотя, может быть, и старомодной шуткой. Наконец, Бенито рассердился. Четвертый — или это был шестой? — раз Николай позвонил Джованни, тот ответил в очень грубом тоне.

— Что еще?

«О, хорошо сработано, Бенито, — подумал Николай. — Теперь заставь меня защищаться. Тем не менее, ты еще не доставил мне удовольствия. Еще один огненный обруч, пес!»

— Я жду. Что еще?

Николай рассмеялся.

— Откуда ты знаешь, что это я? — спросил Николай.

Действительно ли Бенито знал это? Или же Николай решил просто сжалиться над бедным некромантом, учитывая то, о чем он собирался его просить?

— Если бы ты видел всю ситуацию пару лет назад, Бенито. Если бы только мне не нужно было делать то, что я собираюсь сделать, — Николай лукаво улыбнулся про себя, изо всех сил стараясь стереть злорадный тон, звучавший в его голосе. Ну, и черт с ним. Он собирался насладиться этим.

— Значит, ты схитрил? — не мешкая ответил Бенито. — И теперь без стыда показываешь свою грубую натуру?

На лице Николая проявилась озадаченность. Хитрость? Таковы были правила торга. Хитрость всегда играла свою роль. Неужели этот упрямый дурак не понимал, что Николай взломал код Джованни? То, что он знал изолированный префикс зоны PSC в защищенной сети, которую Джованни использовали для своих мобильных телефонов?

«Дон Джованни, вы играете в глупую игру, которую не можете выиграть».

Конечно, Бенито понимал, что со временем ночи становятся все длиннее и зауряднее, что его коллега волен веселиться там, где того захочет. Вечность тяготит души проклятых, так говорил Николаю кто-то из старейшин во время его жестокого ученичества у Тремер. Лишь достойные выбирают, чем занять свое время, чтобы не тратить его впустую. Во всем остальном смех — разве не величайшее лекарство от скуки?

Достаточно.

— Мисс Эш и ее компания... ты не сможешь присутствовать. Я нуждаюсь в тебе. Отмени свои планы. *Делай, что тебе говорят.* — Лаконично, но эффективно.

Николай повесил трубку, не дожидаясь ответа Бенито, и перешел к более важным вещам. Ему нужно было успеть на самолет.

Воскресенье, 27 июня 1999 г., 19:57

«Roma Classico» Импорт/Экспорт, Бруклин, Нью-Йорк

Фрэнки Джи сказал «Лас-Вегас», значит, это должен был быть Вегас. Его точные слова были: «поговорить с Майло и найти Бенито». Чез Джованни Телло думал, что это будет легко.

Чез разговаривал с Энни, девушкой, которая занималась организацией поездки, и она обо всем должна была позаботиться.

— Ты красивая девушка, Энни, но немного не в своем уме, если хочешь болтаться среди таких крепких парней, как Фрэнки, мать его, Джи. Многие из вас, современных детишек, любят связываться с плохими парнями. Ты думаешь, это делает тебя крутой. Но это не так, Энни. Это просто рано убивает тебя.

Чез закурил сигарету и выпустил клуб дыма над головой Энни.

— Пошел ты, Чез. Я могу о себе позаботиться. Кстати, твои гангстерские штучки полное фуфло. Держу пари, Дэвид кинет тебя как дурную привычку; тебя, твой костюм и чемодан.

Дэвид был парнем Энни. Чез, наклонив голову, чтобы выдохнуть дым, посмотрел на Энни прищуренными глазами.

— Дэвид — кусок дерьма, Энни. Он выглядит как гребаная метла с этими ужимающими рубашками и гигантскими штанами, которые он носит. Вы маленькие мальчики и девочки, ваши понты ни черта не значат. Однажды ночью, однажды, ты, наконец, вырастешь и поймешь, что потратила всю свою энергию и молодость на то, чтобы быть тупицей. Если к тридцати годам у тебя не будет ни костюма, ни чемодана, ты ни хрена не стоишь. — Чез для пущего эффекта постучал себя по виску. — Когда-то я был таким же молодым, как ты. Я думал, что знаю все. У меня была та невежественная непобедимость, которую дает молодость. И знаешь, что? Я вырос. Я ненамного старше тебя, Энни, — сказал Чез, внутренне ухмыляясь. Ну, может, он выглядел ненамного старше Энни. — Этот мозг до сих пор помнит всякое дерьмо, вроде глупой юности.

— Черт возьми, Чез, тебе нужны эти билеты или нет? Я не могу звонить в турагентство, когда ты орешь на меня. Теперь заткнись, чтобы я могла это сделать.

Энни со скукой посмотрела на Чеза, жуя жвачку с открытым ртом.

Чез, однако, и не был заинтересован в том, чтобы эта маленькая сучка отвечала ему взаимностью.

— Энни, ты, наверное, забыла. Может, ты немного запуталась? Я твой, гребаный босс, насколько тебе известно! Да-да, ты работаешь на Фрэнки Джи, но и я тоже, и моя ниша несколько весомее, чем у пизды в обтягивающей юбке, ответившей на объявление в этом месяце. Еще раз так со мной заговоришь и я, блядь, вышибу мозги из твоего поганого рта!

Энни, несмотря на красоту, была всего лишь еще одним глупым ребенком. Чез гадал — сколько времени пройдет прежде, чем с ней что-нибудь случится. Что-нибудь вроде Фрэнки Джи или его самого.

— И проследи, чтобы самолет приземлился по крайней мере за три часа до рассвета, Энни.

Энни щелкнула жвачкой, закатила глаза и отмахнулась от Чеза.

— Девочка, ты не знаешь, с кем связываешься. Дай мне телефон. Дай мне чертов телефон, Энни.

Чез схватил трубку и набрал номер.

— Джерри? Чез. Мне нужна услуга. Ты знаешь Энни здесь, в офисе? Рыжеволосая девушка. — Чез уставился на Энни, которая скрестила руки на груди и скривила губы.

— Да, ты помнишь ее парня? Парень, которого мы послали к Салли забрать эту штуку? Да, он. Найди его. Найди его и отрежь оба мизинца. Пришли их сюда, в офис для Энни. Положи пальцы в какие-нибудь шкатулки для драгоценностей. Энни должна понять, что я здесь не валяю дурака. Спасибо. — Он уронил телефон на колени Энни.

— А теперь достань мои билеты!

Он затушил сигарету о ее стол и бросил окурок в мусорное ведро.

Позже вечером прибыли билеты. — Кто, черт возьми, развозит билеты по ночам? — Чез ни у кого не спрашивал. — К черту, кого это волнует?

Фрэнки, Виктор и Чез выпили по стакану вите и анисовки. Фрэнки проинформировал их о том, что нужно сделать. Виктор, гуль на службе у Чеза, должен был встретиться с контрагентом — Ротштейном¹ в Лас-Вегасе и оказать необходимое давление, чтобы найти некоего Бенито Джованни, пропавшего без вести пять ночей назад, а то уже и шесть. Если Майло Ротштейн окажется слишком крепким орешком, Чез тоже надавит на него. Если и это его не сломает, Майло придется крепко вздремнуть. Ни оружия, ни свидетелей, ни полиции.

Лас-Вегас был зудящей промежуточной не-мертвых — вампиры из Камарильи пытались навязать городу свой бредовый порядок; анархипанки из Калифорнии сеяли здесь смуту; у Джованни было здесь столько же оперативников, как и во всем Бостоне; последователи сета содержали какой-то причудливый храм под песками пустынной долины. Вегас. Яркие огни, большой город. Население было достаточно большим, чтобы вместить, может быть, дюжину вампиров, однако сама природа города привлекала их в тридцать раз больше. Бенедик, князь города, не возражал, пока эти временные вампиры действовали в соответствии с традициями. Не то, чтобы он был ярым сторонником Камарильи, скорее, он понимал цель всех этих старых и, казалось бы, произвольных законов.

¹ Отсылка к семье Арнольда Ротштейна (1882 — 1928) — американского предпринимателя и азартного игрока, ставшего значительной фигурой в еврейской мафии Нью-Йорка. Он был также наставником Лаки Лучиано — американского мафиози итальянского происхождения.

Бенедик готов был предоставить место еще примерно десяти сородичам, желающим устроить в Вегасе убежища. Однако не Джованни. Для такой немногочисленной фракции они были слишком сильной головной болью Бенедика. Местная ветвь семьи, Ротштейны, претендовала на долю в городе с тех пор, как Багси Сигел¹ в голову пришла идея построить рай для азартных игр посреди пустыни. Бенедик был не промах — у него было множество знакомых, которые постоянно держали его в курсе перемен в Вегасе, но он не мог состязаться с Джованни. К его чести, он вел эту «гонку» довольно ровно. Многие из Сородичей Лас-Вегаса подозревали, что, если бы Бенедик не пришлось беспокоиться о второстепенных, неотложных деталях княжества, он бы вытеснил Ротштейнов много лет назад.

Это были лишь отрывочные сведения, которые Чез Джованни Телло взял с собой в Лас-Вегас во время поездки «на поиски Майло и Бенито».

Фрэнки Джи попросил Чеза сделать все по правилам — явиться к князю по прибытии, прямо заявить, что он планирует там делать, сделать это и улететь домой.

— Если повезет, — утверждал Фрэнки Джи, — эти гребаные Ротштейны никогда не узнают, что ты там, кроме Майло. Если тебе не предоставится честь с ними беседовать, то и не нужно. Пусть Виктор сделает всю работу.

— Понял, Фрэнки. А если все пойдет не по плану? — спросил Чез.

— Не угрожай им. Нахуй уйди с дороги. Не позволяй им переиграть себя, и не выводи никого из игры, если этого можно избежать. На Майло мне наплевать. Черт, если Майло пострадает, никто не расстроится. Но не ходи туда думая, что ты обязательно разберешься с Майло. Ты просто подстраховка.

— Ты босс, Фрэнки.

Чез знал, были люди выше Фрэнки. Он не совсем понимал, как устроена иерархия — очевидно, «семейное дело» Джованни вышло за привычные рамки организованной преступности. Не раз Чез чувствовал себя маленькой рыбкой в очень большом пруду. В конце концов, если вампиры — что было достаточно сложно понять, даже если он был одним из них — старше Фрэнки дергали его за ниточки, насколько далеко в прошлое произрастали эти корни? Он и раньше общался с Джованни, которые не были членами американской Коза Ностры, но он не знал, кем они были на самом деле и на кого работали.

Двоюродный брат Чеза Роберт как-то сказал ему, что если он избавится от мафиозной части семьи, правила станут совсем другими. На самом деле, большая часть семьи, которая не была связана с мафией,

¹ Бенджамин Сигельбаум, более известный как Багси Сигел (1906 — 1947) — известный в 1920—1940-х годах американский гангстер еврейского происхождения, один из основателей Лас-Вегаса. Был убит по приказу криминальных боссов.

свысока смотрела на «гумбо¹», которые были счастливы «тратить» свою нежизнь, играя в гангстеров. У этих остолопов были свои интересы и цели, от которых мафиозная часть семьи, казалось, получала только доход. Все работало исправно как часы, как и всегда: крупные шишки Джованни получали свою прибыль от тех, кто сам управлял рэккетом, в обмен на защиту. Однако Роберт сказал также, что все это больше похоже на инвестиционную компанию, и что Коза Ностра — всего лишь одна запись в какой-то старой гвинейской бухгалтерской книге. Ни Чез, ни Роберт даже не знали, как Джованни оказались связаны с мафией, учитывая, что семья имела свое наследственное поместье на севере, в Венеции, в то время как умники все еще были централизованы на Сицилии.

Однако размышление об этих проблемах не входило в список текущих дел, которые необходимо было разрулить Чезу. Сделать дело Бенито, и пусть деньги текут. Легко, как отрезать кусок пирога.

Рейс Delta 2065 в Атланту стал Рейсом 893 в Лас-Вегас, который прибыл за несколько минут до полуночи. Чез и Виктор путешествовали налегке, намереваясь остаться всего на две ночи, максимум — три. Майло Ротштейн ожидал их вечером во вторник, 29-го.

В самолете они убивали время разговорами. Сгорбившись, Чез прошептал гулю.

— Фрэнки Джи вызывает у меня ебаное отвращение, Виктор. У меня — всего, что я для него делаю. Видишь ли, Фрэнки не просто творит дерьмо, он делает это с большим восклицательным знаком. Если ты перейдешь дорогу Фрэнки, то он не просто унизит тебя, он сделает это перед твоей семьей или твоими парнями.

— Однажды, когда я был просто гулем, сосущим кровь из сиськи Джованни, Фрэнки заставил меня привести одного парня, который занял деньги и пропустил несколько выплат по счетчику², когда делал свои последние платежи. Этот парень был просто гребаным ребенком, и он должен был около шестиста долларов. К черту это — мелочи, верно?

— Но не для Фрэнки Джи. Он велел ему сесть на стул, и я приклеил этого тупого сукина сына к стулу скотчем. Когда Фрэнки начал говорить, мальчишка сделался призрачно-белым, если ты понимаешь, о чем я. Как призрак, блядь, белый. Я подумал, он насмотрелся гангстерских фильмов, и считал, что Фрэнки собирается сделать из него криминальное чтиво³. Что касалось меня, я думал, что Фрэнки даст ему пощечину, заберет все деньги, которые у парня есть в кошельке, может быть, сломает большой палец или два и отпустит нахуй. Мне это казалось забавным, Виктор. Я смеялся

¹ Гумбо — фонетическое написание термина «кумпо». Так люди из Южной Италии сокращали слово «cumprage» — «крестный отец». Впоследствии слово расширилось для трактовки как «друг» или «близкий приятель». Является также этническим оскорблением итальянских американцев.

² В ориг. «vig» — дань уважения главе мафии в виде регулярных выплат, процентные выплаты по займу.

³ Криминальное чтиво — кинофильм режиссёра Квентина Тарантино. В фильме рассказывается несколько историй, в которых показаны ограбление кафе, философские дискуссии двух гангстеров, спасение девушки от передозировки героином и боксёр, которого задели за живое.

над тем, как был напуган этот мальчишка, потому что я знал, что дерьмо, происходящее в его голове, намного хуже, чем все, что собирается сделать Фрэнки. На мой взгляд, это хорошо работает. Ты до чертиков пугаешь парня, который тебя надул, и отпускаешь его — он думает, что ему только что повезло больше всех на свете, и он больше никогда не будет с тобой связываться.

— Но Фрэнки смотрит на вещи по-другому.

— Фрэнки Джи говорит ему: «Что ты, блядь, думаешь, я сделаю с тобой, парень? Ты думаешь, я сломаю тебе колени? Я выстрелю тебе в лицо?» Фрэнки весь светился в улыбке, а я смеялся немного громче, потому что мальчишка действительно покрылся холодным потом. «Ты должен мне шестьсот баксов и пытаешься сбежать от этого? Это весьма безответственно с твоей стороны». И это вдруг начинает вонять паленым.

— Фрэнки говорит мне: «держи его гребаные глаза открытыми, Чез». Я так и делаю. Мне приходится обхватить его голову и как бы разжать его веки. Я думаю, он понимал, что дерьмо вот-вот станет достаточно серьезным, и он изо всех сил пытался закрыть глаза. Но у него не выходило, потому что я провел пальцем под его веком и оттянул назад, как в том фильме, где заставляют преступного ребенка смотреть нацистские фильмы¹.

— Как бы там ни было, но я заставил его открыть глаза. И вот мы находимся на том складе. Фрэнки останавливает фургон. Кто-то сзади открывает дверь и выталкивает девушку. Она в довольно хорошей форме — они ее не били или что-то в этом роде, но она связана телефонным шнуром или той веревкой, которой обычно поднимают жалюзи, понимаешь? Фрэнки хватает ее и тащит к этому парню. Это его девушка или сестра — я не знаю. Потом Фрэнки Джи достает охотничий нож, нож Боуи, или что-то в этом роде и начинает размахивать им, как будто он действительно собирается причинить девушке боль.

— Тогда все и сделалось по-настоящему хреново. Если бы это касалось меня, я бы уже давно остановился. Мальчишка уже откладывал кирпичи, просто от того, что оказался втянутым во все это. Мы ведь уже поймали и связали его — он был готов отдать все, что у него было, и продать в рабство свой зад за все остальное. Но потом появилась его девушка — максимальная концентрация дерьма, понимаешь? Его разум несся со скоростью миллион миль в час, задаваясь вопросом, как — не если, а как — Фрэнки собирается убить его и девушку. Я бы отпустил их прямо там и позволил ребенку думать, что чудо спасло ему жизнь. Но Фрэнки был зол из-за того, что его пытались надуть. Он хотел, чтобы парень это ясно понял. Сделать заявление, понимаешь?

Чез сделал паузу.

¹ Отсылка к кинофильму Стэнли Кубрика «Заводной апельсин». Картина рассказывает о молодом преступнике, получающем удовольствие от актов «ультранасилия». Попав в тюрьму, герой соглашается подвергнуться экспериментальной коррекционной терапии, что позволит ему досрочно выйти на свободу. В ходе терапии его пристегивают к креслу, закрепляют веки и вынуждают в течение долгих часов смотреть на киноэкран, на котором беспрестанно демонстрируют акты насилия.

— Виктор, Фрэнки трахнул эту девушку ножом. Тринадцать раз ударил ее ножом в киску. В первый раз ее глаза чуть не вылезли из орбит. Но этого было мало — он добавил еще дюжину.

— Мальчишка был не в своем уме, когда это начало происходить. Он дергался на стуле и плакал, его щеки надувались и выпирали над скотчем. Он опрокинулся, потому что даже я не смог смотреть на это дерьмо, и отпустил его. Я знал о тринадцати ударах, потому что, блядь, слышал, как этот нож издавал тот отвратительный хлюпающий звук.

— Затем, как только Фрэнки закончил колоть, он покончил со всей этой ситуацией. Он освободил мальчишку тем же самым ножом, мы с ним сели в фургон, и мудила за рулем увез нас. Он даже не стал связываться с мальчишкой, вывалив всю тяжесть ситуации прямо между ног этой девушки.

— Я не пытаюсь тебя напугать, Виктор. Я просто хочу, чтобы ты знал, как это работает. Во что ты ввязываешься. Я не хочу вызвать слезы, сентиментальность или что-то в этом роде, но я говорю тебе чистую правду, когда говорю, что часть тебя умирает, когда ты ввязываешься в это.

— Черт, только вчера я отрезал пальцы парню Энни, потому что она мне грубо ответила. Насколько это хреново? Теперь я жалею, что сделал это, Виктор. Но я чувствую, что-то внутри любит такое дерьмо, как будто это делает меня счастливым.

— Я знаю, что ты еще не один из нас, но вопрос об этом может всплыть после того, как мы вернемся из Вегаса. Тебе нужно серьезно подумать об этом дерьме. Миру это не нужно, но Фрэнки может попытаться взвалить это на твои плечи. Просто помни, что ты не сможешь остаться тем, кто ты есть. Ты станешь чем-то совершенно другим, и единственная надежда, которая у тебя останется, — это цепляться за память о том, кем ты был раньше. И это чертовски трудно сделать.

— Я знаю, я знаю. Я здесь повторяю одно и то же. Я веду себя... Как это? Загадочно? Но у нас есть секреты, которые мы должны хранить. Просто помни, что ты не хочешь знать эти секреты, как бы хорошо это ни звучало. Я уверяю тебя.

Виктор сглотнул, не желая говорить. Чез подозвал стюардессу и заказал для него виски со льдом.

Вторник, 22 июня 1999 г., 23:43

Лоджия¹ мавзолея, Венеция, Италия

Изабель заглянула в головокружительный воздушный колодец, из которого не доносилось ни холодного порыва ветра, ни спертого воздуха. Этот дом, лоджия, родовое гнездо вампиров клана Джованни, простоял буквально тысячелетие. За прошедшие столетия дом разросся — точнее, зарылся, закрутился сам в себя и заполз под старые подвалы и подполья в жуткой пародии на генеалогическое древо семьи Джованни. Сейчас, когда Изабель стояла на верхней ступени лестницы, спускавшейся в недра дома, семья пристроила уже не менее тридцати этажей, большая часть особняка уже давно находилась под землей, чем на ней.

Раскопки подземелий проводились, чтобы вместить не только стремительно растущие ряды активных членов клана (от небольшой горстки при их создании во времена — Возрождения?), но и трупы, пепел и другое наследие Джованни, как мертвых, так и не-мертвой нежити.

Несостоявшиеся сородичи Джованни и падшие отпрыски клана одинаково находили свое последнее пристанище под мавзолеем, который имел сложный код классификации, понятный только хранителям склепа. Прах Екатерины Джованни, которая руководила чрезвычайно прибыльным делом семьи во время вавилонского плена и последовавшего раскола римских и авиньонских пап четырнадцатого века, занимал урну в нише рядом с сохранившимся языком и гениталиями Марко Гракха Джованни, который отказался от важного союза с Пустынным лисом² и бежал из песков северной Африки. Только хранители понимали такое расположение останков, но почти все Джованни знали обстоятельства гибели своих предков.

Поклонение предкам (и, как часто бывало, осквернение) играло очень важную роль в повседневных делах членов клана. Даже гули и смертные Джованни, которые вполне могли не знать о кровососущей природе самой мрачной тайны семьи, знали, по крайней мере, небольшую часть истории Джованни. Начиная с их скромного старта как предвестников зарождающегося постсредневекового среднего класса Западной Европы, через богатство, вызванное спекуляцией на войне и крестовых походах, от их слабых отношений с римской и испанской инквизицией, до славы эпохи исследований. Семья Джованни претендовала на широкую и грандиозную историю, в которой не было места для их молодежи.

Именно история семьи беспокоила Изабель Джованни в эту ночь. С тех пор, как Джованни разрослись и стали известны, их

¹ Лоджия — в итальянской архитектуре Ренессанса — крытая внешняя галерея или коридор, ограниченная от внешнего пространства колоннами, аркадой, балюстрадой или перилами. Является связующим элементом между наружным пространством и внутренними интерьерами, внешней гостиной комнатой, помещением для приемов и торжеств.

² Пустынный лис — прозвище Роммеля, Эрвина Йоханнеса Ойгена (1891 — 1944) — немецкого военачальника, генерала-фельдмаршала и командира войск Оси в Северной Африке.

неустанно преследовали призраки прошлого, иногда — буквально. Ибо с известностью Джованни пришла развращенность, самым очевидным симптомом которой было их изучение черной магии, нигромантии. По мере развития истории, по мере того как Джованни накапливали все больше и больше богатства, их вкусы становились все более и более извращенными. На пути к своему разврату Джованни получали удовольствия от поступков, презираемых обществом в целом. Анналы Джованни изобиловали литаниями содомитов, педерастов, энтузиастов инцеста, копрофилов, трупоедов, нюхачей, рабовладельцев, похитителей и практиков множества других отклонений. Эти обычаи сохранились до наших дней, так велико было богатство Джованни и так укоренилась их скука, что бросить вызов можно было только пренебрегая серьезными социальными нравами.

Сама Изабель при жизни родила ребенка от своего брата, ублажала отца, теток и дядей, курила восточный опиум с миланскими жиголо прежде, чем трахнуть их до изнеможения, и перерезала сухожилия тем из красных рубашек¹ Гарибальди, кто заслужил ее неудовольствие. Но в семейных анналах не было записано каждое деяние, совершенное во имя унижения или ради удовлетворения амбиций Джованни. Так смерть дочери Изабель на самом деле не была результатом хронических колик, и любой, кто осматривал бы тот крошечный белый гроб, нашел бы только кости овцы. Но даже эти извращенные вкусы не могли достаточно долго подавлять ненасытную похоть Джованни, поэтому нигромантия пустила в них прочные корни. По мере того как семейное древо все больше разрасталось, так же росло и семейное мастерство в мертвой магии. То, что началось с вызова слабых духов, превратилось в кустарную промышленность, а затем расцвело в полноценный навык. Клан Джованни не испытывал никаких этических проблем. Его грубые эпикурейские вкусы допускали такие вещи, как обработка внутренностей и совокupление с трупами.

На самом деле, у нигромантии была цель, выходящая за рамки простого ублажения: провоцируя призраков, Джованни могли ими овладеть. Их невидимые рабы, превратившиеся в слуг, были серьезным подспорьем в сделках. Они выведывали секреты из якобы безопасных офисов или мучали контрагентов кошмарами и куда более реальными ужасами. Призраки предоставляли огромные возможности, недоступные тем, с кем Джованни вели бизнес (или другие дела). Когда человек торговал с Джованни, он, как правило, торговал с целым роем его невидимых союзников.

Однако в последнее время эти невидимые союзники начали капризничать, что расстроило видных членов клана. И еще бы! Их ранее надежные и вездесущие «kozyри в рукаве» внезапно стали раздражительными или, что чаще всего, просто пропадали без вести. Как будто собрание призраков было созвано... в другом месте. В то время как когда-то Джованни мог легко призвать сонм призрачных

¹ Красные рубашки (1860) — название, данное добровольцам, которые следовали за Джузеппе Гарибальди в Южной Италии во время его экспедиции по объединению Италии. Название пошло от цвета их рубашек или свободных облегающих блузок.

духов, их силы претерпели какое-то необъяснимое ограничение, которое теперь позволяло им призывать только одного за раз, если вообще что-то из этого получалось. Танатологи клана предположили, что в Землях теней, хтоническом духовном мире мертвых, происходят существенные изменения. Однако ходили слухи и о том, что настали последние ночи; как и предсказывали старшие семьи сородичей — грядет Геенна, и предки Джованни уже обратились против них.

Изабель Джованни причисляла себя к сородичам, обеспокоенным внезапным бессилием некромантов. Менее чем через месяц она должна была стать связующим звеном между бостонской ветвью империи Джованни и несколькими важными представителями Камарильи, вампирской организации, с которой Джованни стремились поддерживать нейтралитет. Без ее ресурсов было просто не обойтись. Итак, в поисках ответов на эту загадку, Изабель пришла в то место, где она знала, что может рассчитывать на действие своей мертвой магии. С тех пор, как был построен мавзолей — с тех пор, как его первый склеп был выскоблен из илистой скалы под сырой Венецией — духи семьи наблюдали за ними, а позже и за всем кланом.

Изабель Джованни спустилась на несколько десятков лестничных пролетов, чтобы пасть ниц перед костями своей бабушки Джулии. При жизни Джулия никогда не была сородичем, поэтому ее кости хорошо сохранились, однако она была “чувствительна” к миру духов.

Стоя на коленях, одетая в легкий шерстяной халат и склонившись перед нишей, в которой покоились останки Джулии Джованни Абруцци, Изабель прошептала имя своей бабушки.

И снова.

И вновь.

Но, похоже, тайные дела призраков взяли верх, и Джулия не явилась. Как бы то ни было, ее наверняка занимало что-то более важное. Однако Изабель нуждалась в ней, и у нее не было выбора.

Когда духи не прислушивались к призыву некроманта, единственной альтернативой было — заставить — их появиться. Самый верный способ сделать это — разозлить призрака, позже его можно будет умиротворить и поговорить конструктивно. У Изабель были некоторые табу, но, как и всегда в представлении Джованни, цель оправдывала средства.

Изабель забрала кости Джулии из ниши и сложила их на полу. Факелы в гробнице мерцали, оставляя во тьме кратковременные клубы черного дыма. Поверх горсти костей Изабель поместила нижнюю челюсть черепа. Обойдя трижды против часовой стрелки вокруг она перекрестилась левой рукой и трижды прошептала имя Джулии.

И снова — ничего.

Расстроенная Изабель разметала груды костей, снова собрала их и поместила в неправильную нишу. Повернувшись спиной к нише, она раскрыла складки халата, чтобы обнажить себя, добавив непристойное

прикосновение, которое привлекло бы внимание призрака своей пошлостью.

Это сработало.

Холодный ветер бурно ворвался в склеп, погасил факел и превратил дым в длинное худое лицо с запавшими глазами.

— Поганый отпрыск! — закричало оно голосом, который звучал так, словно доносился со дна пропасти. — Я не зря проигнорировала твой призыв! Как ты смеешь предполагать, что твои эгоистичные желания имеют приоритет над моими целями?

— Мне очень жаль, бабушка, но мне крайне необходим твой мудрый совет. — Изабель знала, что лесть никогда не повредит, когда имеешь дело с разгневанными душами. Только указание на чрезмерную значимость и нужду могли успокоить призрака, поскольку многие из них в той или иной мере все еще были связаны с материальным миром.

— Что тебя беспокоит? Говори! — делалось очевидным, что по ту сторону Савана, в Землях Теней что-то назревало.

— Меня беспокоит эта срочность, бабушка. Что происходит в вашем мире?

— Ах, значит, те, кто ходят по Землям плоти, заметили... — начала Джулия, но с тревогой осеклась.

— Да, бабушка, заметили, — Изабель оставила комментарий, чтобы он повис в воздухе, подталкивая призрака к более подробному рассказу. Но ничего не произошло.

— Что-то под предлогом смерти принуждает вас? — она рискнула спросить снова.

— Могущественные силы сотрясают царство смерти, — прошептала Джулия, и ее речь сделалась тише. — Я не могу больше ничего сказать, истина ускользает от меня. Но я уверена в том, что мне довелось видеть. Наши армии передвигаются каждую ночь. Тьма всюду кружит и завихряется так, как никогда прежде. Раскаты грома и молний производят слишком много шума. Грядут великие перемены.

— Бабушка, помоги мне. Я совсем ничего не понимаю, — умоляла Изабель.

Джулия разъярилась мгновенно, дымные чарты ее лица приняли зловещий оттенок.

— Я сказала все, что могла, мой несносный потомок! Прикройся! Мертвые не обязаны рассказывать вам о наших личных делах! Однако я предупреждаю тебя, презренная шлюха, что старое зло обрело новое тело. Даже если война в подземном мире не искоренит вас, это сделают те, кто спят в гробах! Августо проклял свой выводок дважды: ваше нездоровое общение с теми из нас, чья жизнь давно угасла — лишь одно из несчастий. Нож предательства горяч, особенно для холодных, бессмертных сердец...

— Старуха, ты говоришь загадками! — Изабель решила сменить тактику. Джулия либо находилась под влиянием темной половины своего сознания, либо намеренно пыталась что-то утаить. Изабель знала, что узы, связывающие призраков с миром живых, предметы, которые сковывали их и мешали им обрести истинный покой после смерти, имели огромное значение. Кости Джулии были всем, что осталось от нее, и единственными известными Изабель оковами, которые связывали призрака с миром живых. Кровь Джованни, которая безжизненно текла в жилах Изабель, обладала огромным потенциалом для разврата, и она надеялась, что ее собственная извращенность превосходит таковую у призрака бабушки.

— Ты не оставляешь мне выбора.

Изабель грубо вытащила кости из ниши в стене; они застучали по полу, рассыпаясь, как клавиши жуткого ксилофона. Она сбросила мантию и вскрыла одну из вен на руке, брызнув холодной мертвой кровью на кости и свою наготу.

— Похотливая шлюха, — взвизгнула дух, на что Изабель непристойно скривилась в лице.

Медленно, страстно она упала на колени, растянувшись на четвереньках над разбросанной грудой костей, как мертвая женщина-любовница.

— Просто поговори со мной откровенно, бабушка, и я остановлюсь. — Изабель провела пальцами по отдельным костям, насмехаясь над лаской, с которой смертные ласкали друг друга во время актов страсти. Каждый жест был нечист, руки гладили фаллические останки скелета, пачкая их кровью. С каждым похотливым движением по своему безжизненному телу Изабель приводила в ярость давно умершую бабушку, оскверняя кусочки слоновой кости ее наследия. Она лизала их, пробуя на вкус свою собственную бессмертную силу; она протыкала ими себя, проводя по ране на руке, груди, безволосой промежности. В своих кошунственных действиях она отдавала предпочтение одним, а других отбрасывала в сторону — отвергнутые и бессильные инструменты, не доставлявшие ей никакого удовольствия. Но за этими адскими, распутными действиями разум Изабель оставался холодным. Даже самые плотские действия не могли удовлетворить жажду крови. Секс подобно смертным — как бы искусно он ни пародировался — не доставлял ей оргазмической радости. Эти пошлости нужны были только для того, чтобы продемонстрировать свое превосходство над призраком.

При каждом воспоминании об унижительном смертном экстазе, который это вызвало бы, будь Джулия жива, призрак ее испытывал судорожную дрожь: остатки ее земного тела служили сейчас всего лишь средством для вожделения другого. Мстительная решимость призрака увяла, когда ее внучка, плод ее некогда живых смертных чресел, прижала тазовую кость к собственному лобку, подражая движениям любовника над своей обнаженной подругой.

— Хватит, распутница! Я скажу тебе то, что ты хочешь знать.

Заканчивай эту демонстрацию!

Изабель приготовилась к уколу вины, который, как она знала, должен был возникнуть после такого ужасного поступка. Так развратно развлекаться с трупом женщины, которая помогла тебе появиться на свет! Совершать такие грубые и плотские жесты с частями тела! Немыслимо!

Однако это чувство вины так и не пришло. Она добилась послушания призрака — взяла то, чего хотела — и не чувствовала угрызений совести. В предыдущие ночи она, кажется, думала бы об этом безостановочно, но не в этот раз. Она просто выиграла время. Вот и все.

— Духи мертвых ведут войну, внучка, — сказала Джулия, в то время как Изабель встала и накрылась мантией. — Борьба между фракциями — это не монополия, в которую играют сородичи. В царстве мертвых надвигается буря, которая угрожает не только захлестнуть наш мир, но и отравить тот, в котором существуете вы. Некоторые из вас поселились здесь, построили каменный город, который они кощунственно назвали в честь одного из первых городов Бога. Они неуютны в этом мире, как и я в вашем. Похоже, что наконец пришло время, когда владыки нашего мира решили изгнать их из подземного царства. Но эти владыки слишком недальновидны, чтобы понять, к каким последствиям это приведет. Буря — она вспыхнула уже сейчас, ибо слишком долго сдерживался Его гнев. Она заберет нас. И она пересечет саван¹. Ваш мир познает возмездие того, кто больше людей или тех, кто ходит среди них. Бог будет судить многих, прежде чем ночь Его гнева настигнет вас в полной мере. Да будет Он милостив к таким недостойным, как ты. А до тех пор мы должны готовиться.

¹ Саван — нечто, что разделяет Земли теней и Земли плоти.

Вторник, 29 июня 1999 г., 3:14
Дворец Цезаря, Лас-Вегас, Нивада

Самолет прибыл в срок, благополучно доставив Чеза и Виктора в международный аэропорт Мак-Карран. Оттуда они добрались в отель, быстро промчавшись по городу на такси.

— Я ненавижу этот город, — лениво сказал Чез еще в такси.

— Почему?! — спросил Виктор.

— Вот увидишь.

Регистрация в отеле также прошла гладко. Чез решил попытать счастья в казино, возможно, заработав несколько долларов и посмотрев, не предвещают ли ему дурные знаменования какие-нибудь катастрофические случайности.

«Если бы карты и кости были хоть одним знамением, эта поездка была бы удачной», — решил Чез. Он выиграл шестьсот долларов в блэкджек, половину из которых отдал дилеру. Двести долларов выиграл в крэпс, половину из которых отдал крупье.

— Я просто развлекаюсь, — объяснил он, изящно отводя их вопросительные взгляды.

В конце концов, не то чтобы он действительно нуждался в деньгах. Кроме того, это была бы хорошая легенда для прикрытия, если бы что-то важное случилось, пока они были в городе, и они заработали бы на этом несколько долларов — он мог бы сказать, что выиграл по-крупному, и большие чаевые подтвердили бы это.

Это была предпоследняя смена за столом, и выпивка (тайком замененная напитками соседних игроков — они следили за своими картами и фишками, но никогда за коктейлями) все еще текла рекой. Очень скоро, однако же, пришло «плохое время», когда все спортивные игроки ушли отдыхать, и в казино, как тараканы, полезли отчаявшиеся. Бедные, бледнолицые страховые агенты и менеджеры среднего звена из Айовы, их жены бросали монеты в игровые автоматы, в то время как сами они тщетно пытались отыграть выплату по ипотеке в следующем месяце за счет удачной сделки или броска костей.

Легкая добыча для казино и куда более легкая добыча для вампиров, таких как Чез.

Не то чтобы ему приходилось беспокоиться о пропитании. Город был полон подобного отчаяния; это было подводное течение, которое проходило через весь город, касаясь как нефтяных баронов, так и бродяг. В один момент любой из них мог стать любимчиком леди Удачи, а в следующий — остаться без гроша в кармане, пьяным валяться на тротуаре перед домом. Единственное, что разделяло их как индивидуумов, — это то, где они находились на спектре судьбы.

Блядь. Семерка. Вылетел. Чез оставил крупье двадцатку и вышел из-за стола. Все равно было поздно. Где был Виктор?

Чез отправился к лифту, чтобы вернуться в их гостиничный номер. В кабине лифта провел рукой по волосам и посмотрел на себя в зеркало на стене. Громко фыркнул, от чего старуха, поднимающаяся вместе с ним, вздрогнула. Она вышла на девятнадцатом этаже.

«Леди, — подумал про себя Чез, — вы только что ехали в лифте с дьяволом и никогда не узнаете об этом. Вам повезло, что вы остались живы».

Он ухмыльнулся, слегка скривив рот, но искренне, и откинулся на поручень.

Этаж двадцать шестой.

Он вставил электронный ключ в замок и услышал жужжание тумблера, затем открыл дверь.

Виктор вскочил, голый, с кровати, его член обмяк, а глаза и нос покраснели. Лопнули кровеносные сосуды. Перед ним была девушка лет семнадцати, согнувшаяся на четвереньках, с грубыми белыми линиями на заднице и тонким облаком белой пудры, которая медленно оседала на ее бедрах и кровати. Под ней лежала другая девушка, на этот раз на спине, с плоской грудью и такими большими зрачками, что Чез мог видеть их с порога.

— Черт, Чез, я думал, ты не вернешься еще пару гребаных часов.

— Виктор, ты тупой кусок дерьма! Какого хрена ты притащил сюда этих шлюх?

— Эй, мистер, мы не проститутки, мы эскорт, — сказала та, что была сверху, теперь стоя прямо, хотя и на коленях и все еще оседлав свою партнершу.

— Сука, заткнись нахуй, или я выколю твои гребаные глаза и выебу тебя в мозг. Ладно, дамы, вечеринка окончена. Одевайся. Давай, одевайся. Собирайтесь. Пора уходить.

Чез хлопал в ладоши и лаял на девушек, подталкивая их к движению. Они реагировали вяло, но явно были взвинчены, из-за кокаина или... крэка или что там у них было... Они вели себя дерзко, чтобы посмотреть, что будет дальше.

— Я, блядь, серьезно. Виктор, оденься, блядь. Прикрой эту штуку, ладно? Господи Иисусе.

— В чем, нахуй, проблема, Чез? Я имею в виду, да ладно, мы в Вегасе; это дерьмо легально.

Виктор потянул верхнюю девушку обратно к кровати, наклонил ее, втирая белый порошок с ее задницы в свои десны одной рукой, и работая над своим членом другой, готовясь взять девушку сзади. Тощая плоскогрудая блондинка, к слову сказать, хихикнула и искоса посмотрела

на Чеза, похлопывая подругу по бедру.

— Да, давай, Чееез... — Она протянула его имя, сделав из него невозможное трехсложное слово. — Ты в Вегасе.

— Заткнись нахуй, шлюха. Я приезжал в Вегас еще в те времена, когда ты была только искоркой в глазах своего папочки. — Он оглядел ее, заметив следы на ее руках, когда она извивалась под другой шлюхой.

— Давай, детка. Тебе нравится грубость? — Она улыбнулась, выползая из-под другой девушки и делая шаг к Чезу. Желтые зубы. Сигареты и героин. Плохие новости.

«Только не это, — поймал себя на мысли Чез. — Что? Ты же это не серьезно».

Тем не менее, он не мог отрицать правду — должно быть, в гневе он не обратил на нее внимания. Он чувствовал, как кровь девушек взывает к нему, слышал, как она пульсирует в их венах. Он выглянул в окно: за всем этим неонам и галогеном сверкали молнии пустыни.

Чез встряхнулся.

— Ты даже не знаешь, что такое грубо, девочка. А теперь собирайся, забирай свою сестру с собой и убирайся нахуй обратно на улицу.

— Виктор, — воскликнула тощая девушка. — Я думаю, что твой друг — педик. Правда, здоровяк?

Она наклонилась, грубо сжав в руках промежность Чеза.

— Тебе нравятся мальчики? Я в некотором роде похожа на мальчика... У меня даже есть фаллоимитатор в сумке, который я могла бы использовать, чтобы...

Чез оттолкнул ее, на этот раз борясь с желанием, которое могло закончиться только неприятностями. Виктор даже не обратил на это внимания. Он двигал бедрами взад и вперед позади девушки на кровати, которая похотливо смотрела на Чеза; ее рот был открыт, крупные зрачки почти закрывали радужки глаз. Чез почувствовал мускусный запах секса, который смешивался с резким привкусом того, что, как он теперь понял, было кокаином.

Достаточно. Он почувствовал, как поднимается красная волна.

Его горло сжалось; ему пришлось с силой выдавливать из себя слова.

— Виктор, у этих шлюх был сутенер?

Виктор все еще тыкал пахом в задницу другой девушки.

— Блядь, — Виктор хмыкнул. — Что? Блядь, что?

— Сутенер, ты никчемный ублюдок. Ты купил этих шлюх у сутенера?

Давление нарастало... Перед глазами таяла красная пелена...

— Нет, нет. Они были... — Виктор ворчал. — Они были одни.

Хорошо. Никому не будет никакого дела, если их найдут по кусочкам.

— Я же сказала вам, мистер Чееез, — пропищала тощая, — мы эскорт, а не кто...

Чез оскалился. Он сорвал телефон с тумбочки, схватив трубку и базу одной большой рукой. Шнур, прикрепленный к стене, натянулся и оторвался, подняв облако гипсокартонной пыли. Чез обрушил всю эту конструкцию на голову тощей девушки. Снова. Три раза. К четвертому ее голова сдалась, как спелая дыня, кровь хлестнула из разбитого черепа, брызгая на ковры, пачкая стены, заливая покачивающиеся груди другой девушки. Ее похотливый взгляд тут же сменился ужасом.

Даже Виктор прекратил свое пылкое спаривание, его глаза побелели, а рот приоткрылся. Он вышел из девушки, за ним потянулся след смазки.

— Черт, Чез, что ты...

Чез развернулся, высоко подняв телефон, как будто так же хотел ударить по голове Виктора. Его взгляд был диким, лицо искажено, а рот оскален злобными клыками.

— Отъебись, Виктор.

Он выронил телефон, когда гуль слабо поднял руки, чтобы отразить нападение, которого так и не случилось.

В мгновение ока Чез схватил другую девушку за шею, поднял ее с кровати и с силой ударил головой о потолок. Она погасла, как огонек.

Чез вонзился ей в горло, чуть выше того места, где шея соединялась с ключицей. Кожа разошлась, и из раны хлынула кровь, потоками стекая по ее обнаженному телу, смешиваясь с маленькими пятнами белого порошка, который все еще покрывал ее бедра. Он пил глубоко, огромными глотками, которые, как он знал, довели бы ее до припадка, будь она все еще в сознании. Вкус ошеломил его, этот соленый привкус и насыщенная консистенция, почти как металлическое бургундское.

А потом он остановился. Слишком много убило бы ее, а она уже собиралась стать проблемой. Он небрежно лизнул грязную рану, и она закрылась. Затем он бросил ее на пол, как мешок с мусором.

Виктор съежился, голый и дрожащий, в углу. Его лицо было бледным, а рот все еще приоткрыт от шока. Но в нем не было гнева. Не было и сожаления. Только неверие.

Тем временем Чез вытер полотенцем кровь, запятнавшую его. Затем он сменил костюм и поправил часы, мельком взглянув на циферблат.

— Убери это, Виктор, — сказал Чез как можно спокойнее. — Затем встретимся в казино. У тебя есть сорок минут.

Вторник, 29 июня 1999 г., 5:22
Дворец Цезаря, Лас-Вегас, Нивада

Чез стоял расстроенным в вестибюле. Он мог сравнить себя с одним из этих людей-тараканов. Взбесился в Вегасе, немного перешел границы, и теперь приходилось беспокоиться о том, как это исправить. Даже несмотря на то, что Виктора заставили делать грязную работу, это все равно была его операция. Один убитый, может быть, двое — черт возьми! Почему? Ему даже не нужна была кровь! Просто плохая ситуация, и он потерял контроль, не так ли? Он ненадолго попытался утешить себя мыслью, что они заслуживают смерти. Они, вероятно, избili бы Виктора и оставили бы его в ванне, полной льда, с клейкой лентой на спине и кровавой дырой там, где раньше была его почка. Или они украли бы багаж, деньги и все остальное в номере, а затем купили бы Китай на прибыль.

Но Чез знал, что он хватается за соломинку. Он знал, что облажался, и это был всего лишь еще один шаг на пути в ад, в картонный сарай дьявола. Его голова упала на руки. Господи, он даже выглядел как один из людей-тараканов.

Сквозь пальцы, проходя мимо бара, он увидел, как в помещение вошел Виктор. Спустившись с яруса, Виктор приблизился, в его взгляде читалась паранойя наркомана, сдерживаемая только знанием о том, что если он сломается, все станет еще более ужасным, чем уже было. Он выглядел измотанным, мешки под глазами покраснели от наркотиков и усталости.

— Все сделано? — прорычал Чез, косясь краем глаза.

— Да. Дело сделано. В комнате чисто. — Сопение. — Телефон пропал, полотенца, простыни и все это дерьмо на пути в Лонг-Бич.

— А девочки?

— Я позаботился о той, которую вынесли на носилках. Сказал медикам, что у нее какое-то амфетаминовое помешательство, которое должен подтвердить анализ крови. О, и она бессвязно бормочет о том, что кто-то кого-то разрывает, что, я думаю, они отметут как наркотическое слабоумие.

— Ты вызвал скорую помощь? Как, черт возьми, тебе удалось так быстро от них сбежать?

— Это гребаный Вегас. Я дал им по сто долларов каждому. Они думают, что я просто какой-то Джон-наркоман, который хочет сбежать от своей грязной шлюхи, не задавая вопросов.

— Хорошо. А другая девушка?

— Эм... Если ты окажешься здесь в стейк-хаусе, я бы не стал заказывать что-то из меню. По крайней мере, до завтра. Я позвоню по телефону, и все должно проясниться к тому времени, как ты встанешь

вечером.

Чез заставил себя вздохнуть и поджал губы. Слава гребаному Богу, с этим было покончено. Оставалось только ждать завтра, чтобы поговорить с командой Ротштейнов...

— Вот, блядь, почему я ненавижу Вегас, Виктор.

Вторник, 29 июня 1999 г., 5:36
Дворец Цезаря, Лас-Вегас, Нивада

— О, черт. — Чез захрипел, когда кровь попросилась назад, вверх по его горлу, вырываясь изо рта и носа. — Черт. Виктор. Блядь, Господи Иисусе, Виктор, я чувствую себя не очень хорошо.

Виктор знал — обычно все происходило не так. Правда, он не мог с уверенностью сказать, что именно: дурная кровь или что-то еще?

— Осторожно! Этот человек болен. Язва желудка. Я его адвокат, и у него проблемы с сердцем! — Что угодно. Просто чтобы убрать этих людей к чертовой матери с дороги.

Чез споткнулся, его ноги стали как желе. Его зрение сузилось до туннеля, и все, все в туннеле, казалось, смотрели на него. Он мог чувствовать каждый выступ на своем отпечатке пальца, каждую нитку своей рубашки. Он чувствовал, где кровь, которой его вырвало, была жидкой, а где вязкой и свернувшейся. Обрывки речей людей-тараканов проникли в его слух, но он по-прежнему не обращал внимания на сильный шум вокруг себя.

— Облажался, — сказали голоса.

— Посмотри, какой беспорядок.

— Они застрелили его?

— ...Счетчик карт...

— ... Слишком много выпил...

— ...Гангстеры!

— ...Кто-то должен что-то сделать...

— ...Этот человек удалил...

— ...Не смотри, Глэдис...

Он нащупал гвоздики, которыми были прикреплены подошвы к его ботинкам; ощутил мелкие выгибы там, где ковер был уложен поверх неровностей пола. Поднялся еще один приступ кровавой рвоты, и все посмотрели на него. Испуганная официантка отскочила с его пути, и двое вышибал неодобрительно посмотрели на него, когда они помахали ему — кто, черт возьми, держал его за руку? — из казино и в вестибюль.

Виктор. Это был гребаный Виктор. Чез всмотрелся, его глаза сузились до щелочек, когда он сосредоточился на лице Виктора. Виктор втолкнул Чеза в лифт. Два таракана с сальными волосами, одетые в дешевые брюки и спортивные куртки, увернулись, чтобы выйти из кабины.

— Господи, Чез, что, черт возьми, с тобой случилось? — Каждая деталь лица Виктора выделялась, когда Чез смотрел на него: поры, отдельные мельчайшие пряди волос, которые составляют его бороду,

морщинки в уголках рта и в уголках глаз. Все еще красные ободки его ноздрей.

— Это чертов крэк шлюхи. Или мескалин. Эта шлюха, должно быть, трипповала. Черт, Виктор, отведи меня в комнату, пока я... — Еще больше рвоты, брызгающей на рубашку Виктора и на зеркальную стену кабины лифта. Чез схватил Виктора за ворот рубашки — интересно, сможет ли он определить количество нитей, пощупав отдельные волокна. — Чертова комната, Виктор. Блядь.

— Успокойся, Чез. — Виктор подталкивал Чеза в спину, как для того, чтобы тот не врезался в стену, так и для контроля ситуации. — У меня все под контролем. Виктор главный, ты меня слышишь? Не сопротивляйся, потому что мне придется удерживать тебя, и ты, вероятно, убьешь меня, черт возьми.

Они ворвались в гостиничный номер, несколько неловких солнечных лучей уже пробивались сквозь складку там, где сходились шторы. Кровавый пот выступил на лбу Чеза и проступил сквозь рубашку там, где она еще не была испачкана кровью — тошнотворной.

— Черт возьми, Виктор, мы... — рвота, — закончили?

— Одну минуту, Чез. Одна гребаная минута. Почти на месте.

Виктор пинком распахнул дверь ванной, отметив, что пол все еще был немного влажным в том месте, где ему пришлось вытирать его полотенцами ранее. Ну что ж, это должно было сработать. Он втолкнул Чеза в ванную, небрежно бросив его в ванну. Быстро подумав, он повесил табличку «Не беспокоить» на внешней стороне двери и закрыл рычажный замок, который работал как дверная цепочка.

«Форт, блядь, Нокс¹», — ухмыльнулся он.

Он закрыл дверь ванной, убедившись, что положил покрывало перед щелью под дверью.

Когда Чез впал в судорожное бессознательное состояние, дьявол промелькнул в его голове. Дьявол — повелитель тараканов.

¹ Форт Нокс — военная база США.

Вторник, 29 июня 1999 г., 23:56

Дворец Цезаря, зал заседаний сената, Лас-Вегас, Невада.

Майло Ротштейн сидел на одном конце огромного стола из мореного дуба в окружении своих фактических адвокатов. Лакей-носферату князя Бенедикта, Монтроуз, сидел слева от него, выглядя как ободранный и скрюченный военнопленный в дизайнерской одежде. Один из младших Ротштейнов Джованни сидел справа от него, нервный и плохо информированный. Он знал, что если ситуация выйдет из-под контроля, его, вероятно, бросят на съедение волкам. Он был там только потому, что научился проницательной способности тщательно изучать ауры других людей. Изначально он научился своему «маленькому трюку», как называл его Майло, чтобы использовать его в качестве преимущества во время охоты в казино и на улицах. Однако это оказался эрзац-подарок, поскольку он сделал его ценным товаром в мелких ссорах между семьей и другими вампирами, которые хотели, чтобы Лас-Вегас был только их игровой площадкой.

На дальнем конце стола расположился Виктор Сфорца, он постучал ручкой по лежащему перед ним блокноту. Чез стоял позади него, играя на их уловке с рупором и силовиком.

Неонат Джованни наклонился к Майло и прошептал: «Тот, кто встал, — вампир. Я не уверен насчет того, кто сидит за столом. Он играет, близко прижимая карты к груди¹. Я предполагаю, что он либо сородич, либо гуль».

Майло кивнул.

— Чем обязаны честью этого визита, мистер Сфорца?

Виктор встал, поправляя галстук.

— Что ж, мистер Ротштейн, наш работодатель, Фрэнсис Джованни, обеспокоен тем, что его знакомый пропал без вести. Мистер Джованни предполагает, что он, возможно, нашел здесь убежище, или что вы, возможно, знаете, куда он отправился... Куда ушел, я имею в виду.

Майло улыбнулся и посмотрел мимо своих сцепленных пальцев на колени.

— И зачем другу вашего работодателя приходиться ко мне?

— Потому что мистер Джованни знает, что вы имели с ним дело в прошлом.

Это заставило Майло приподнять брови.

— Такая осторожная речь! В любом случае, что именно меня связывает с Бенито?

Виктор выстрелил в ответ прежде, чем Чез успел предупредить его кашлем.

¹ «Play one's cards close to one's chest» — вести переговоры в осторожной и конфиденциальной манере (дословно – играть, прижимая карты к груди).

— Я никогда не говорил «Бенито». Вы должны знать, о чем мы говорим, иначе имя этого человека не пришло бы вам в голову, не так ли?

Чез напрягся. Мяч всегда был на поле Майло, но он решил нанести первый удар, чтобы посмотреть, что могут предложить его гости. Чез подозревал, что это подстроено, что вражда между Фрэнки Джи и Ротштейном в прошлом разрешилась по доверенности. Желая, чтобы кровь прилила к его конечностям, он почувствовал, как в нем разгорелась неживая сила.

— Нет, мистер Сфорца, боюсь, вы не видите истинного положения вещей. Я точно знаю, почему вы здесь, и моя очевидная оплошность должна была показать, что я знаю больше, чем вы думаете. Если бы простая недооценка была вашей единственной ошибкой, вы могли бы выйти из этой встречи раньше.

Урод Монтроуз увидел, как Чез ошетинился, и попытался встать. Майло протянул руку, как бы успокаивая его или удерживая на месте. Почти незаметно прищурив глаза, Монтроуз посмотрел на Майло. Чез уловил эту минутную демонстрацию и поспешил сложить кусочки пазла воедино в своем уме: Монтроуз не был доволен Ротштейном. Ротштейн мог знать, где Бенито, но у него была какая-то причина держать это в секрете, что могло вызвать напряжение между ними. Тихий парень, которого не представили, был либо опорой, либо отвлекающим маневром. Скорее последнее, учитывая его видимый дискомфорт. Но тогда это могло быть частью... Чез остановил свои мысли, решив не сомневаться в себе. Лучше позволить всему идти своим чередом, чем действовать вполсилы.

Виктор отступил, хороший ход.

— Я не хотел вас оскорбить, мистер Ротштейн. Я пришел по просьбе моего работодателя, который, похоже, думал, что этот вопрос будет легко решен на дружественных условиях. Возможно, я недооценил вас, но ваша манера казалась оборонительной. Я прошу прощения за свою самонадеянность.

Это, казалось, успокоило Ротштейна, но Монтроуз оставался взволнованным. Чез немного расслабился, проклиная себя за то, что так быстро призвал силу своей мертвой крови. Он знал, что этот порыв останется в нем, но попытался заметно сжаться. Встроенные в комнату лампы дневного света на мгновение замерцали под желтым светом основного освещения. Монтроуз приподнял изогнутую бровь.

Виктор продолжил.

— Мы ищем Бенито, но только для того, чтобы расплатиться с моим работодателем. Я боюсь, что если вы дадите ему повод думать, что, возможно, укрываете долг, он не воспримет это как акт товарищества.

Чез поморщился — Фрэнки ничего не сказал ему о долге. Либо он держал Чеза в неведении, либо Виктор придумывал это на лету. Он надеялся, что это второе, потому что если бы Фрэнки послал его сюда, чтобы он играл роль дублера перед гребаным гулем, не дав ему полной

картины...

— Мне очень жаль, мистер Сфорца, но я не могу вам помочь.

Заявление Майло вывело Чеза из задумчивости.

— Бенито Джованни останавливался здесь ненадолго более двух недель назад, но остался только на одну ночь, прежде чем уйти.

— Я понимаю. Что ж, тогда я сожалею, что потратил ваше время впустую. Мой работодатель будет разочарован, но, возможно, ваша недавняя встреча с Бенито позволит ему получить новые представления.

Виктор встал, сделал вид, что что-то нацарапал в своем блокноте, и повернулся, чтобы уйти.

— Спасибо за гостеприимство, мистер Ротштейн. Мы с моим коллегой просим еще один вечер, чтобы завершить наши дела, и предоставить нам достаточно времени, чтобы вернуться домой, не опасаясь солнечных лучей.

«Хорошая игра, — подумал Чез. — Пусть они думают, что ты сородич».

Виктор, конечно, умел выдумывать на ходу.

— Конечно. Где вы остановились?

Чез бросил короткий взгляд на Виктора. Либо Ротштейн не знал о возникшей прошлой ночью проблеме, либо он снова пытался усыпить их бдительность.

— Мы остановились здесь, во Дворце Цезаря. В башне, шестой этаж. Великолепный вид на Стрип¹, — небрежно заметил Виктор, застегивая пиджак, собираясь уходить.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — подумал Чез про себя, — не пытайся попасть на Остров Сокровищ».

Монтроуз, по-видимому, нашел там свое убежище, согласно информации, полученной до того, как отношения между Ротштейнами и фракцией Фрэнки Джи приобрели свое нынешнее состояние.

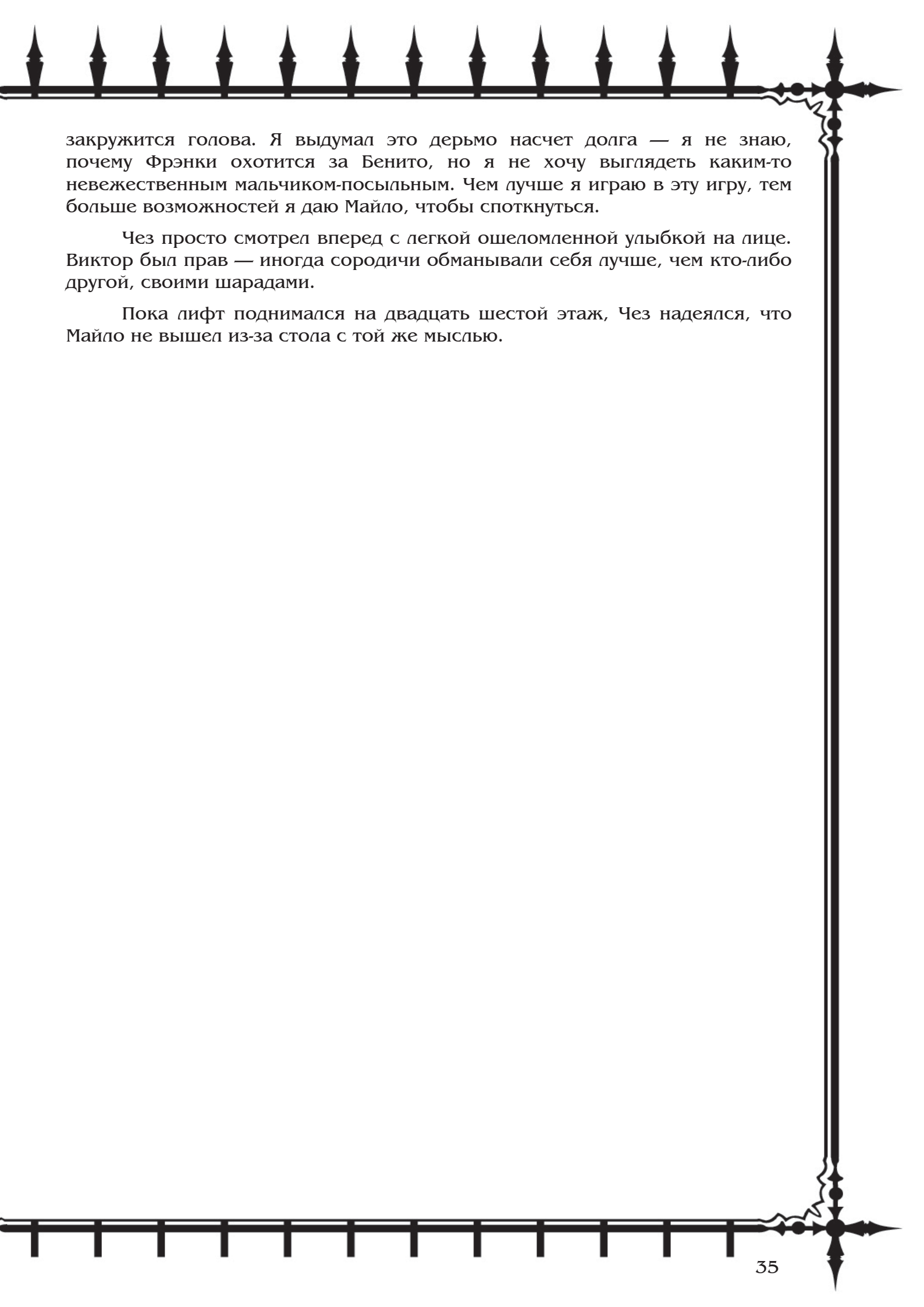
Но ему не о чем было беспокоиться. Виктор держал рот на замке.

Когда они вышли, направляясь к лифту, Чез хлопнул Виктора по плечу.

— Неплохо. Ты даже одурачил меня на минуту. Если повезет, он тебя недооценил. Или, может быть, даже переоценил тебя, что отвлечет внимание от... Ну, от того, на ком это должно быть.

— Черт, Чез, тебе стоит отдать мне должное, — ответил Виктор. — Можно заключить сделку, не отрезая кому-то нос. Я просто ненавижу разговаривать с сородичами, которые верят в то, что они говорят другим людям о себе. Половина разговора — это лесть, а другая половина — это попытка заставить проглотить наживку. Такие сородичи, как Майло Ротштейн, говорят по кругу; вам просто нужно надеяться, что у них

¹ Лас-Вегас-Стрип — семикилометровый участок бульвара Лас-Вегаса. Здесь находится большинство крупнейших гостиниц и казино.

закружится голова. Я выдумал это дерьмо насчет долга — я не знаю, почему Фрэнки охотится за Бенито, но я не хочу выглядеть каким-то невежественным мальчиком-посыльным. Чем лучше я играю в эту игру, тем больше возможностей я даю Майло, чтобы споткнуться.

Чез просто смотрел вперед с легкой ошеломленной улыбкой на лице. Виктор был прав — иногда сородичи обманывали себя лучше, чем кто-либо другой, своими шарадами.

Пока лифт поднимался на двадцать шестой этаж, Чез надеялся, что Майло не вышел из-за стола с той же мыслью.

Курортный отель и казино Уильяма «Си» Редда, Мескиг, Невада

Дэн Нуссбаум подошел к стойке бара. Бармен заметил, что у него был «этот взгляд» — взгляд, который означал, что бармену сейчас представится честь услышать какую-то историю. Может быть, историю развода, может быть, какую-то другую историю о несчастье. Или, может быть, что-то действительно странное, что вы иногда слышали от уродца, который слишком странен, чтобы его можно было увидеть под яркими огнями больших игорных городов.

Дэн попросил счет.

— Что у тебя на уме, друг? — подтолкнул бармен. Лучше поскорее покончить с этим.

— Я думаю, что видел уже многое. Однако время от времени что-то еще бросается в глаза. Я имею в виду, я предполагаю, что я пресыщен. Папа говорит, что да. Хотя я думаю, что он просто старый. Я видел наркоманов, трансвеститов и детей, которые угоняли машины своих родителей. Папа, должно быть, видел всего этого в десятки раз больше, чем я, но это все еще шокирует его. Я думаю, это его возраст.

— У семьи есть заправка с удобной стоянкой на 95-м шоссе США, за пределами города — Вегаса — у полигона ВВС. Под «семьей» я подразумеваю себя и папу. Мама умерла от рака шесть лет назад или около того. Дарлин живет в Лос-Анджелесе; она никогда не звонит и не пишет.

— Так или иначе, я вижу то, про что говорю — это просто приходит ко мне. Посреди ночи, до того, как слоты станут горячими, после завтрака, когда угодно. Это приходит отовсюду.

— Как и в тот раз. Я стою за прилавком, просматриваю журнал о бейсболе. У меня есть букмекер в Вегасе. И тут входит этот действительно странный парень. Сейчас ночь, но он в темных очках. Он входит в парадную дверь, и его длинные волосы развеваются за ним — ему даже приходится немного наклониться, чтобы протиснуться под дверной проем. Я чувствовал исходящий от него запах кожи и марихуаны, как будто он не принимал душ день или два.

— Он кивает, когда входит; я думаю, что нет смысла быть недружелюбным. Я смотрю мимо него на стоянку, улыбаясь ему, как «добро пожаловать». Там, под неоновыми огнями металлического навеса, припаркованный среди облака насекомых и дорожной пыли, стоит Катласс. Спереди, со стороны пассажира, отсутствует колпак. На переднем сиденье сидит женщина, но она спит или чем-то озабочена, смотрит вперед или, может быть, спит.

— Парень немного слоняется по магазину, и я не обращаю на него внимания. Если ему что-то понадобится, он крикнет. Большинство людей на этой дороге просто хотят уладить свои дела и вернуться на шоссе.

— Он подходит к прилавку из прохода с закусками и кладет передо мной свои вещи: коробку черных мешков для мусора, рулон клейкой ленты и пачку Твинки¹.

— Восемь шестьдесят три, говорю я. Ты наемный убийца? Я пошутил над ним.

— Он вытаскивает пару купюр из своего засаленного кармана и бросает их на столешницу.

— Вампир. Сдачу оставь себе. У тебя есть сортир? — вот что он говорит в ответ.

— Да, сэр, прямо за углом. Я протягиваю ему руль Импалы 64-го года с ключом, свисающим с него.

— Он выходит, открывает свой багажник, бросает туда свои вещи — резко — и что-то громко кричит. Девушка не двигается, так что, я думаю, он разговаривал не с ней. Он захлопывает багажник, но тот отскакивает, и он снова захлопывает его. Должно быть, что-то мешало. — Дэн Насбаум рассмеялся в свое пиво.

— Парень неуклюже огибает здание и возвращается через две минуты. Он заходит внутрь, кладет руль на стойку и уходит. Я моргаю, и он исчезает, ничего, кроме задних фар и облаков пыли. Но это не мое дело.

Бармен невозмутимо вымыл несколько кружек. Во всех хороших историях была, по крайней мере, одна мертвая бывшая подруга. Но, может быть, это то, что было в багажнике...

¹ Твинки (англ. Twinkies) — американский кекс-закуска (снэк).

Среда, 30 июня 1999 г., 00:52

Дворец Цезаря, комната 2604, Лас-Вегас, Невада

Чез и Виктор вернулись в свой номер и обнаружили, что на телефоне мигает лампочка сообщения. Без сомнения, это был Фрэнки Джи с каким-то новым откровением или просьбой остановиться где-нибудь по дороге домой.

Чез проверил сообщение на стойке регистрации: срочно перезвонить Фрэнки в Нью-Йорк. Что-то в этом его встревожило — ничто никогда не выводило Фрэнки из себя настолько, что ему нужно было немедленно что-то предпринять. Он был из тех, кто, если бы его трахнули, сидел бы и размышлял, позволяя своему изворотливому уму придумать подходящую месть, подпитываясь холодной ненавистью. Фрэнки был из тех парней, которые возвращались к тебе через шесть недель после того, как ты его надул. Он устроил бы из этого большое шоу — что-то, что вы считали незначительным, тлею в голове Фрэнки, и теперь вам собирались отплатить сполна.

Поэтому Чез немедленно позвонил в офис Фрэнки.

— Привет, Фрэнки. Это Чез. В чем проблема?

Он лениво гадал, почему Энни не отвечает больше на телефонные звонки.

— Это все больше, чем я думал, Чез. По-видимому, Бенито должен людям более важным, чем я. Я только что получил известие от некоторых старых городских крыс, что нам лучше быть чертовски осторожными с этим дерьмом.

— Что ты имеешь в виду? Что, он в дыре по ту сторону доски?

— Нет, ничего подобного. Я — мелкая сошка по сравнению с некоторыми из этих старых ублюдков, ты понимаешь, что я имею в виду? Я не сказал им, что ты там, но если Бенито где-то рядом с Лас-Вегасом, эти ребята пошлют к тебе бригаду.

— Ну, и что ты хочешь, чтобы я сделал? Ротштейн говорит так, будто нихрена не знает, но я почти уверен, что в этом замешан кто-то еще. С ним была одна из его пешек, чтобы встряхнуть нас, но был еще и урод. Настоящий кусок дерьма, этот Носферату. Фамилия Монтроуз тебе что-нибудь говорит? — Чез процарапал гостиничной ручкой по блокноту на тумбочке, чернил нет.

— Нет, мне — ничего, но для гумбо, может. Держите глаза и уши открытыми для кого-то по имени Изабель. Она какая-то важная шишка из старой семьи из Венеции.

— Изабель Джованни?

— Насколько я могу судить. Она будет там, как я уже сказал, если Лас-Вегас вообще чего-то стоит.

— Ротштейн говорит, что Бенито пришел и ушел. Он был здесь, но потом исчез. Никто не знает, где он.

— Хорошо, эти старые ублюдки все на уши встали из-за него. Где бы он ни был, он должен оставаться там.

— Ты же не хочешь, чтобы мы оставались здесь дольше, не так ли?
— Чез вспомнил предыдущую ночь, выходку Виктора и свою собственную встречу с уникальным брендом лакированного посредственного порока Лас-Вегаса.

— Ну, раз уж ты уже спросил, то да. Ты останешься там еще на пару ночей, посмотрим, выберется ли туда кто-то из старой команды.

— Блядь, Фрэнки, это не приведет к тому, что у меня будут проблемы с ними, не так ли? Я имею в виду...

— Эй, ты делаешь то, что я тебе говорю, ты меня слышишь? Не смей, блядь, плакаться мне, как девчонка из-за того, что я прошу тебя остаться еще на несколько ночей. В чем, черт возьми, твоя проблема, Чез? Ты становишься мягким?

Этот вопрос заставил Чеза лихорадочно соображать. Коза ностра, особенно Джованни, не была тем, после чего люди спокойно уходили на пенсию. Ты заканчиваешь, когда становишься либо кучей пепла в тюрьме, либо кучей пепла на улице, либо кучей пепла в духовке твоего собственного гребаного убежища. Если бы Фрэнки решил, что он становится мягкотелым, он мог бы убрать его со сцены прежде, чем у него появился бы шанс что-нибудь испортить. Он попытался переключить с себя внимание.

— Нет, Фрэнки, я не это имел в виду. Я думаю, что если эти другие парни делают свое дело, они навряд ли желают, чтобы кто-то лез в их дела. Семья или нет, их грязное белье все равно остается их грязным бельем, и я не хочу совать в это свой нос, чтобы не испортить их и нашу операцию.

— Хорошо, что ты думаешь, Чез, но позволь мне позаботиться об этом. Вы с Виктором остаетесь там и смотрите в оба. У меня есть подозрение, что это нечто большее, чем они хотят показать. Они уже сделали это большим, когда вмешались, переступив через мою голову; но, как ты и сказал, это их проблемы. Если они не могут справиться со своей проблемой, что ж, может быть, я смогу найти кого-то, кто сможет, и в конечном итоге они будут мне должны, уяснил?

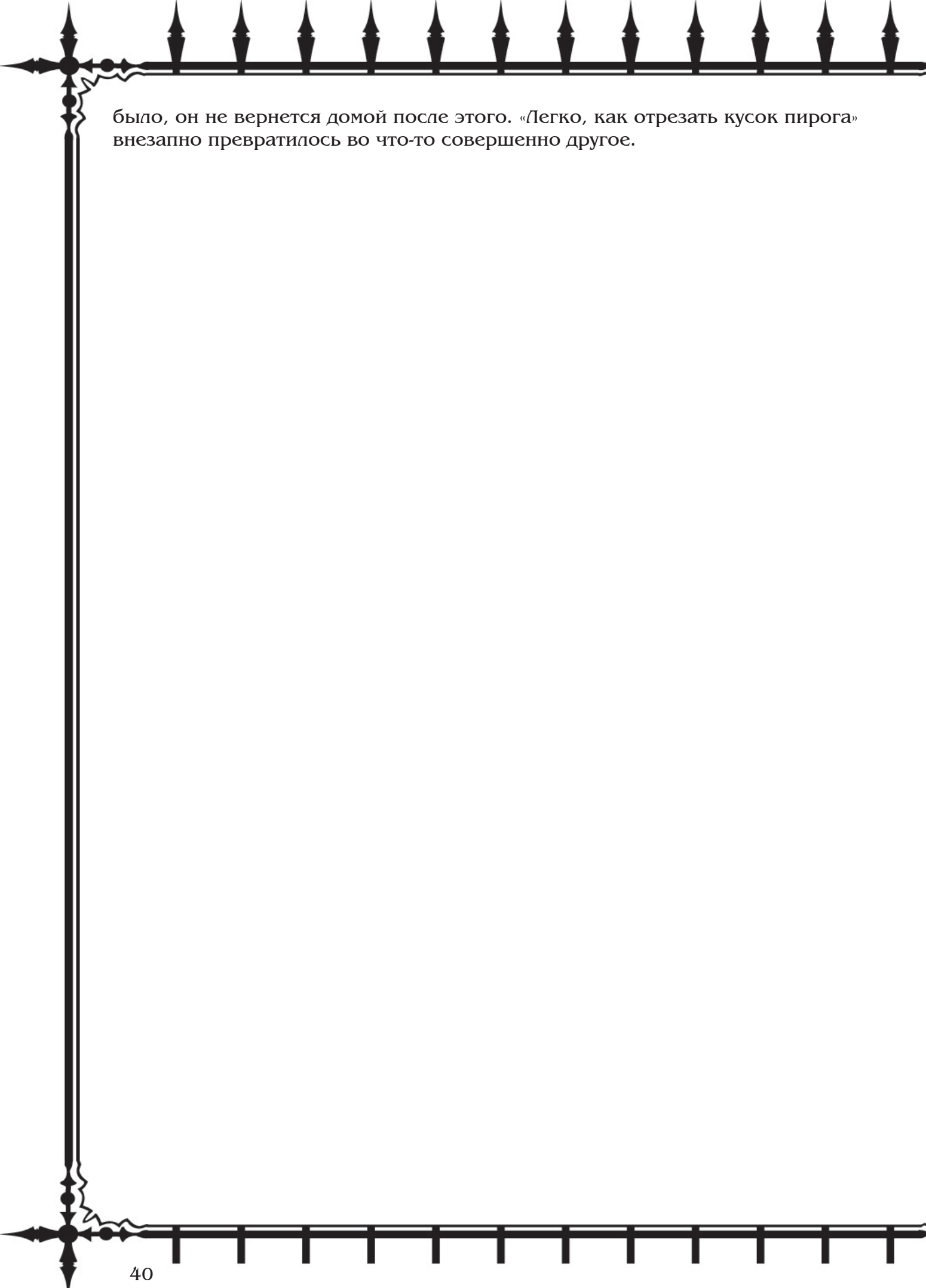
— Да, я понял.

— Еще кое-что, Чез, — добавил Фрэнки, стараясь казаться непринужденным.

— Что?

— Будь осторожен.

Это было похоже на поцелуй смерти. Одно простое заявление, сделанное так фатально, небрежно и непочтительно. Чез знал, как бы то ни

было, он не вернется домой после этого. «Легко, как отрезать кусок пирога»
внезапно превратилось во что-то совершенно другое.

Среда, 30 июня 1999 г., 01:12

Дворец Цезаря, комната 2604, Лас-Вегас, Невада.

Пятнадцать минут спустя зазвонил телефон.

Виктор спустился в казино, желая развеяться и не сойти с ума от скуки. Он также оформил на номер маркер¹ в двенадцать тысяч долларов, что заставило Чеза заподозрить неладное. После разговора с Фрэнки ему сложно было довериться собственной семье, не говоря уже о гуленаркомане, который, вероятно, в этот самый момент трахал официанток за столом для блэкджека.

Второй звонок.

Чез быстро встал и подошел к окну, глядя вниз с гостевой башни на парковку. Ни сирен, ни жертв Короны, ни правительственных шевроле, ни машин скорой помощи, и только один белый лимузин, который он был уверен, что видел раньше. Никаких предательских теней прямо под дверным косяком. Просто какой-то фильм с Брюсом Уиллисом по телевизору, в котором все взрывалось или получало удары.

Третий звонок.

Чез понюхал воздух. Слабый запах... миндаля? — но ничего более. Не то, чтобы его можно было отравить, по крайней мере, обычными способами. Он уже миллион раз проходил через эти параноидальные упражнения, в конце концов убедив себя, возможно, фатально, что если бы кто-то действительно хотел его смерти — окончательной смерти — он был бы мертв и ничего не смог бы с этим сделать. Будь они достаточно хитры, чтобы использовать одного из наемных убийц среди сородичей, достаточно традиционны, чтобы изрешетить его пулями на улице, или достаточно наглы, чтобы поджечь его гостиничный номер, они его все равно поймали бы. Истинный секрет бессмертия или даже долгой земной жизни заключался в том, чтобы избегать внимания. Князь Бенедикт Лас-Вегаса сделал это — он держал тихое, со вкусом обставленное поместье за пределами города. Фрэнки Джи сделал это, прячась за рядами капо и солдат, выглядя во всех отношениях бандитом низкого класса и ничуть не похожим на стодвадцатилетнего дона, который приплыл на остров Эллис полвека назад.

Четвертый звонок.

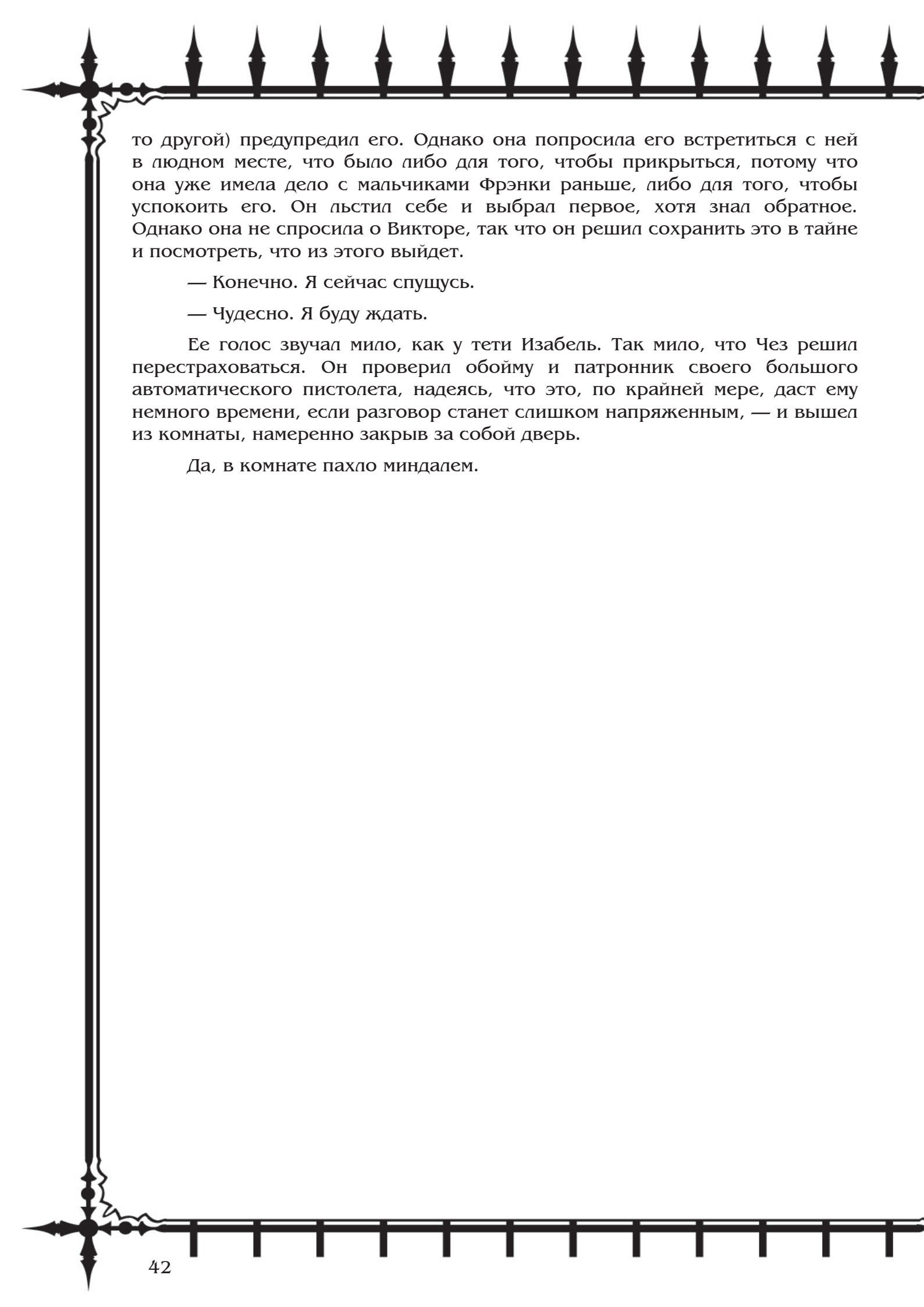
Хватит этой параноидальной чуши, рассудил Чез и поднял трубку.

— Это Чез.

— Добрый вечер, Чез. Это твоя тетя Изабель. У тебя есть время спуститься на чашечку кофе со своей любимой тетей?

И снова разум Чеза напрягся. Она полагалась на то, что он знает ее по имени, а это означало, что она, вероятно, решила, что Фрэнки (или кто-

¹ Маркер (казино) — это чек, который подписывает игрок, чтобы запросить кредит у казино и продолжить игру, либо же сам кредит.

то другой) предупредил его. Однако она попросила его встретиться с ней в людном месте, что было либо для того, чтобы прикрыться, потому что она уже имела дело с мальчиками Фрэнки раньше, либо для того, чтобы успокоить его. Он льстил себе и выбрал первое, хотя знал обратное. Однако она не спросила о Викторе, так что он решил сохранить это в тайне и посмотреть, что из этого выйдет.

— Конечно. Я сейчас спущусь.

— Чудесно. Я буду ждать.

Ее голос звучал мило, как у тети Изабель. Так мило, что Чез решил перестраховаться. Он проверил обойму и патронник своего большого автоматического пистолета, надеясь, что это, по крайней мере, даст ему немного времени, если разговор станет слишком напряженным, — и вышел из комнаты, намеренно закрыв за собой дверь.

Да, в комнате пахло миндалем.

Среда, 30 июня 1999 г., 01:19

Дворец Цезаря, ресторан Нэро, Лас-Вегас, Невада.

Изабель ждала всего несколько минут прежде, чем появился Чез. Он выглядел достаточно приятным, в своем роде ширококостным, грубо скроенным американцем. На нем был простой чистый черный костюм на подкладке, но без галстука, и его воротник был расстегнут. Как по-смертному! И неужели эти грубые гангстеры так и не оправились от своих черных костюмов?

«Когда кто-то видит мужчину в черном костюме, — подумала Изабель, — они знают, что он либо за правительство, либо совершенно точно против него».

«Неважно», — решила Изабель. Лас-Вегас был полон крупных игроков и их симулянтов, и ничто в Чезе не вызывало немедленных подозрений. В конце концов, он был просто ресурсом, и как только она закончит, она, вероятно, никогда больше его не увидит.

Среда, 30 июня 1999 г., 01:19

Дворец Цезаря, ресторан Нэро, Лас-Вегас, Невада.

Чез решил, что ради пафоса сыграет роль взволнованного подчиненного. Он оставил рубашку расстегнутой, а волосы слегка взъерошенными. Спустившись на лифте вниз, он решил быстро пройти через казино, прежде чем присоединиться к Изабель в стейк-хаусе. Лучше посмотреть, что задумал Виктор, когда двенадцать больших ставок были сделаны на имя его босса.

Но Виктора нигде не было видно.

«Подумай об этом позже», — сказал себе Чез.

И вот, несколько озабоченный, он забрел в Нэро, сказав хозяину, что пришел встретиться со своей тетей, которая должна была его ждать.

— Тетей? — спросил хозяин.

— По браку, — ответил Чез. Что, черт возьми, это значило?

Вскоре он это выяснил. Изабель выглядела слишком молодо, чтобы быть его тетей в любом общепринятом смысле, ей было под тридцать или, возможно, чуть за тридцать. Она выглядела очень континентально, со слегка оливковой кожей (так выглядят не-мертвые европейцы), каштановыми волосами, почти черными, и гибкими руками, скрещенными перед ней. Она еще не заметила его, и ее голова была легко склонена в покое, предоставляя ему возможность ясно видеть ее классическую красоту. Красота эта становилась еще более интересной из-за незначительных особенностей, которые могли дать только поколения спокойного инбридинга. Немного слабый подбородок, заметил он, и опасно высокие скулы. Он также отметил изгиб ее маленькой груди и плеч, с которых свисало шелковое платье в манере, которую лучше всего описать как непристойную. Зеленая бутылка «Пеллегрини» стояла перед ней на столе, открытая, но не опробованная.

«Черт, — подумал Чез почти вслух. — Я хочу мою тетю».

Он сел, ее голова повернулась при его появлении, и она одарила его легкой улыбкой.

— Разве джентльмены не спрашивают, прежде чем составить компанию леди?

— Эм... — Чез понадеялся, что будет остроумно. — Мне сказали, что ты ждала.

Болван.

— Что ж, приятно познакомиться с таким красивым кузенком. Или племянником. Или кем бы ты ни был. Я сама не могу разобраться в хитросплетениях семейных уз, — сказала она сквозь смех.

Чез отметил ее запах.

— Дом Живанши, — сказала она.

— Прошу прощения?

— Живанши. Мои духи.

— Я знаком с Живанши, но я не знал...

— Твой нос шевельнулся. Я заметила это. Я замечаю детали.

— Ты, должно быть, думаешь, что я клоун. Обычно я не бываю так ошеломлен, но сегодняшний вечер был полон откровений.

— Я уверена, что так и есть.

«Хорошо, — подумала Изабель, — переходи сразу к делу. Мудрый выбор, и такой, который позволит тебе выйти на раннее лидерство. Мой ход».

— И что это были за откровения?

— Ну, мне позвонил мой босс, который сказал, что ты, возможно, уже на пути сюда, и что я должен знать, что гостеприимство может быть в порядке вещей, — Чез улыбнулся. — Похоже, мы оба ищем общего знакомого.

— Значит, твой босс знает, что ты здесь?

— Прошу прощения? — повторил Чез.

«Черт, она опережает меня на слишком много шагов. О чем она говорит?»

— Мне не сказали, что в вашей ветви семьи здесь кто-то был.

— Хорошо, тогда почему ты знала, что сможешь найти меня?

— Потому что, Чез, в нашей семье полно лжецов. Упущение — не меньшая ложь, чем любое другое искажение истины.

— Я полагаю, вы можете посмотреть на это и так. Но Фрэнки отдал мне распоряжение, чтобы я искал Бенито. Я решил, что это хорошее место для начала. Вегас сразу приходит на ум, когда вы думаете о бизнесе моей семьи, и Бенито не показался мне супер креативным в духе «я рву шаблоны». По крайней мере из того, что мне рассказали.

— Я понимаю. М-м-м. Да, но «знакомый», — это несколько преувеличенный способ описать его. Бенито — это товар для тех, кто выше него. Он и ему подобные достаточно распространены в наших рядах.

Чез обнаружил, что это его смущает. Он не знал, что и думать о заявлении Изабель. Очевидно, она занимала какое-то другое положение в семье, чем Бенито, но она была одновременно и больше, и меньше, чем он? Ее слова указывали на то, что она не была «выше его», но в то же время на то, что он был каким-то образом менее ценным, чем она.

— Боюсь, вы меня запутали, моя дорогая тетя, — Чез надеялся, что она воспримет это именно так, как он задумал. — Не могла бы ты, может быть, дать мне немного больше конкретики? Я не смогу вам помочь, если

не буду знать, что я должен делать.

— О, совсем наоборот, Чарльз. Если ты просто делаешь то, что тебе говорят, ты гораздо более эффективен и ценен. В мире есть два типа людей: те, кто ведет, и те, кто должен следовать. Все в порядке — нет ничего постыдного в том, чтобы быть одним из последователей. Это просто роль, для которой ты лучше всего подходишь. Я сама являюсь последователем, давно утратившим свой особый дар проницательности. Это часть семейного проклятия, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Чез действительно понимал. Она говорила об Объятиях. Хотя становление вампиром предлагало много даров, это с лихвой компенсировало их недостатки. Для кого-то вроде Чеза многие из них не имели значения: ему было все равно, если он никогда больше не увидит солнца.

В последнее время он даже был несколько очарован идеей «Поцелуя Джованни» — сородичи его клана причиняли сильную боль, когда питались из сосудов, в отличие от других сородичей, чей укус вызывал экстаз, как только сосуд поддавался ему. В конце концов, независимо от того, как на это смотрел любой человек, Объятие было проклятием, простым и ясным.

Даже если сородичи могли найти хоть какое-то небольшое утешение в силе его бессмертной формы, это было не более чем ироничным и злобным чувством юмора Бога. Как гласят легенды, Проклятие Каина было наложено на первого вампира, убийцу брата Авеля, во времена Адама, Евы и сада, полного змей. Что касается Чеза, это означало только одно — Бог Ветхого Завета создал вампиров, когда был одним злым, крутым ублюдком. Ветхий Завет был полон проявлений Божьего гнева. Он всегда бил или проклинал какую-то группу людей за распущенность или жадность какой-то другой группы людей. Только после появления Нового Завета Бог немного успокоился. Вы не найдете никаких великих библейских проклятий, таких как вампиры или кровавые дожди, или превращение людей в соляные столбы в современные ночи, нет, сэр. И, вероятно, именно поэтому мир катился в ад. Богу было уже все равно.

«Иди и испорти все, что хочешь, — казалось, сказал Он. — Я дал вам творение, и вы хотите использовать его, чтобы уничтожить самих себя. Что ж, желаю хорошо провести время».

Чез представил, как Бог говорит это, прежде чем повернуться спиной и уйти, чтобы поработать над чем-то по-настоящему стоящим.

Чез покачал головой. Откуда все это взялось?

Он посмотрел через стол и увидел, что Изабель улыбается ему.

— Это ты сделала? — спросил он.

— Что сделала? — последовал ее застенчивый ответ.

— То, что только что произошло. Неужели ты забила мне голову всеми этими странными мыслями? Я имею в виду, я никогда не считал себя религиозным человеком, но у меня просто был очень... гм... праведный

поток сознания, пронесшийся через мой разум. Конечно, теперь, когда я думаю об этом, они были в значительной степени в том же духе, что и большинство моих мыслей, но почему я вдруг начал думать о Боге?

— Чез, ты атеист, и я понятия не имею. Может быть, тебе было бы полезно время от времени думать о Боге. Я знаю, что это помогло мне.

— Это чушь собачья, Изабель. Я имею в виду, я думаю, что все еще верю в Бога — глупо верить в сородичей без него — но это не большая часть моей... гм... жизни.

— Никто не говорил, что так должно быть, Чез. Но ты действительно веришь, что индивидуальный поступок, который ты и ваша часть семьи разыгрываете, — это начало и конец всей жизни и не-жизни?

Изабель огляделась, стараясь понизить голос, чтобы, если кто-нибудь их подслушивал, он не услышал бы, как она говорит такие странные вещи.

— Ты думаешь, что такое великое проклятие, как то, которое наша семья взвалила на свои плечи, существует для того, чтобы ты мог вечно играть в Крестного Отца и стрелять другим вампирам в лицо? Неужели ты так тщеславен? Или так проще?

— Эй, успокойся, Изабель. Господи Иисусе, это дерьмо становится странным. Я пришел сюда, чтобы поговорить с тобой о деле Бенито, но следующее, что я помню — ебаное Бытие 3:16. Это была ты, не так ли?

Изабель сделала грандиозное шоу из простого вздоха.

— Мой мальчик, если бы я хотела взволновать тебя, я бы сделала это так, чтобы это помогло мне. Посылать тебя в пылкий восторг потакая своим желаниям, на самом деле, бессмысленно для меня, понимаешь? Если тебе просто нужно знать, я могу рассказать, что с тобой случилось, но это, вероятно, не осчастливит тебя.

Чез выжидающе уставился.

— Призраки.

— Призраки, — сардонически повторил Чез.

— Верно. Призраки.

— Уклончивый ответ, Изабель. Очень смешно. Призраки. А теперь, если вы меня извините, — Чез остановился на полпути, прежде чем встретиться взглядом с Изабель. — Ты чертовски серьезна.

— Следи за своим языком, и да, я серьезно.

В этот момент к столику подошел официант.

— Вы уже решили, что бы вы хотели на ужин? Или, может быть, коктейль для начала? Еще один Пеллегрино?

Чез выглядел так, словно собирался прогнать официанта, но Изабель положила свою руку на его. Нет смысла расстраивать персонал и давать им понять, что ты что-то замышляешь.

— Мне очень жаль. Мы только что наверстали упущенное. Прошло много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз. Я думаю, нам понадобится еще несколько минут, чтобы определиться с ужином. А пока я буду негрони.

Чез посмотрел на Изабель почти обвинительно. Затем он посмотрел на официанта и попросил бурбон с водой. Официант улыбнулся и кивнул, уходя, чтобы принести их напитки.

Изабель озорно посмотрела на Чеза.

— Что ты хочешь на ужин? — поддразнила она.

— Я бы никогда не стал здесь есть, — ответил Чез, немного успокоившись. — Я слышал ужасные вещи об их шкафчике для мяса.

— Ну, тогда нам, вероятно, следует довольно быстро уйти после того, как нам принесут напитки. Я не уверена, что они захотят, чтобы мы занимали их столики, если мы не планируем есть.

— Да, потому что они закрываются в полвторого ночи, — Чез сделал широкий жест рукой, подчеркивая почти пустой зал.

— Ты напрасно тратишь время, — заметила Изабель, — и нам следует заканчивать этот разговор. Тебе еще многое предстоит сделать сегодня вечером.

Глядя на нее с любопытством, Чез задавался вопросом, о чем говорит Изабель.

— Но сначала, — продолжила она, — призраки. Если ты готов поверить в вампиров, ты должен быть готов поверить в призраков.

Чез сухо и криво улыбнулся, как будто все это было очень хитрым трюком.

— Я серьезно. Я уверена, что ты первый признаешь, что есть вещи, которых ты просто не знаешь о Джованни. Тебе это нравится — я вижу это в тебе. Пока лично тебя ничего не беспокоит, ты позволяешь и более чем доволен тем, что клан Джованни делает все, что хочет. Это нравится большинству Джованни, Чез, и именно поэтому ты все еще сородич, а не кучка пепла у подножия кресла какого-нибудь старейшины. Ты делаешь свое дело и не задаешь вопросов. Но правда в этом деле будет неприятной даже для такого грубого персонажа, как ты.

Улыбка Чеза медленно исчезла с его лица. В ходе последних нескольких слов он начал смотреть на нее, как олень смотрит на волка, не как на врага, а как на существо, которое знает, что оно существует только по прихоти другого. Волк убивает оленей не ради забавы, а по необходимости. Оленю оставалось только бояться голодного волка. Но была ли Изабель голодна в каком бы контексте или метафорическом смысле это не звучало?

— Все в порядке. Я большой мальчик. Я могу это вынести.

— Да, это правда. Но, что касается призраков, Чез, то это то, с чем

Джованни неразрывно связаны... сами. Ты очень хорошо знаешь, что смерть идет рука об руку со многими нашими деловыми и личными делами. Ну, а я говорю тебе, что для многих смерть — это еще не конец. Духи — души умерших продолжают служить нам даже после того, как они покинули физический мир. Это один из семейных секретов многовековой давности. С эпохи Возрождения и даже раньше. Мы заставляем мертвых выполнять наши приказы. Но недавно кое-что произошло. Что-то, что сделало нашу власть над беспокойными мертвецами... На самом деле я не знаю, что это такое. Наше господство над духами не начало ослабевать, но, похоже, вокруг стало меньше духов, и даже они находятся не в тех местах, где мы привыкли с ними общаться.

— Не утомляя тебя всеми мелкими деталями, я думаю, что это то, что только что произошло с тобой — призрак имел с тобой дело, Чез. Они могут заглядывать в наш мир и многое о нас знают, вот почему они так ценны для нас. Но это меч с двойным лезвием. Они знают, например, что ты Джованни, и ненавидят тебя за это. Лично ты необязательно что-то сказал или сделал против них... хотя это и может быть призрак одной из твоих жертв или сосудов. Они возмущены тем фактом, что ты Джованни, потому что Джованни могут использовать беспокойные души, когда захотят.

Чез выглядел явно недоверчиво.

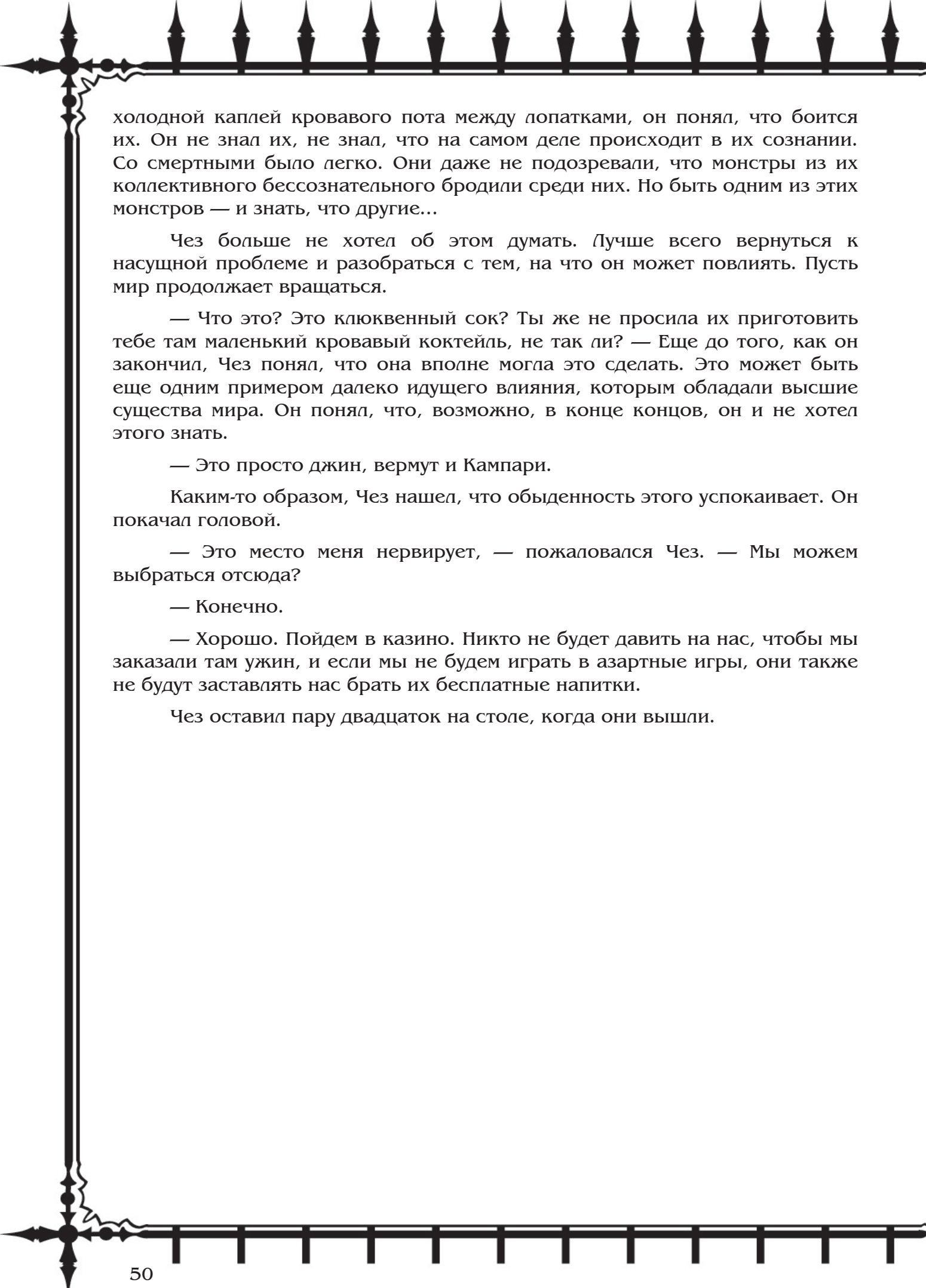
— Ты хочешь сказать, что призраки настроены против меня предвзято. Вот что ты мне хочешь сказать. Что семья Джованни не только может заниматься вуду, но и что маленькие демоны не любят нас за это, и поэтому они иногда издеваются над нами.

— Ну, Чез, это немного непочтительный способ сказать это, но я полагаю, что это правильно по-своему. Я понимаю, что это немного чересчур, чтобы принимать все за чистую монету, но тебе следовало бы отнестись к этому вполне серьезно. В конце концов, мертвые так и делают.

Чез откинулся на спинку стула, положив ладони на край стола, упершись в него, как будто собирался с отвращением оттолкнуться.

Принесли их напитки, и Изабель попросила еще несколько минут у официанта, который был слишком счастлив вернуться на кухню и продолжить сплетничать с другими сотрудниками о странной паре за семнадцатым столиком.

— Кстати, что такое негрони? — спросил Чез, благодарный за то, что сменил тему с явно странного направления, которое только что принял разговор. Он должен был признать, что в этом был какой-то извращенный смысл — если сородичи все еще ходят по земле, ну, так почему, черт возьми, призраки не могут? Сама мысль об этом напомнила ему некоторые истории, рассказанные другими сородичами, которых он встречал мимоходом. Истории о вещах, с которыми нежить делила ночь, сознательно или нет; другие монстры и вещи, еще менее поддающиеся определению. Чез почувствовал обострение своего разума и внезапное прозрение, что в мире действуют другие силы. И, сопровождаемый единственной

холодной каплей кровавого пота между лопатками, он понял, что боится их. Он не знал их, не знал, что на самом деле происходит в их сознании. Со смертными было легко. Они даже не подозревали, что монстры из их коллективного бессознательного бродили среди них. Но быть одним из этих монстров — и знать, что другие...

Чез больше не хотел об этом думать. Лучше всего вернуться к насущной проблеме и разобраться с тем, на что он может повлиять. Пусть мир продолжает вращаться.

— Что это? Это клюквенный сок? Ты же не просила их приготовить тебе там маленький кровавый коктейль, не так ли? — Еще до того, как он закончил, Чез понял, что она вполне могла это сделать. Это может быть еще одним примером далеко идущего влияния, которым обладали высшие существа мира. Он понял, что, возможно, в конце концов, он и не хотел этого знать.

— Это просто джин, вермут и Кампари.

Каким-то образом, Чез нашел, что обыденность этого успокаивает. Он покачал головой.

— Это место меня нервирует, — пожаловался Чез. — Мы можем выбраться отсюда?

— Конечно.

— Хорошо. Пойдем в казино. Никто не будет давить на нас, чтобы мы заказали там ужин, и если мы не будем играть в азартные игры, они также не будут заставлять нас брать их бесплатные напитки.

Чез оставил пару двадцаток на столе, когда они вышли.

Среда, 30 июня 1999 г., 2:12,

Дворец Цезаря, комната 2604, Лас-Вегас, Невада.

— Давай не будем ходить вокруг да около, Изабель. Мне нужно заняться этим делом с Бенито, — тихо сказал Чез. Даже среди шума и звона игровых автоматов — тех, которые они не заменили этим дерьмом для видеоигр, — нужно было быть осторожным. Казино Вегаса были до последнего дюйма снабжены видеокамерами, а в некоторых имелись микрофоны в придачу.

— Ты встречал сородича по имени Монтроуз? — спросила Изабель, глядя прямо на Чеза. Она все еще не знала его достаточно хорошо, чтобы доверять ему, и она держала свои острые чувства начеку в поисках любых «подсказок», которые подсказали бы ей, что он что-то скрывает. Черт бы побрал эту семью.

— Этот извращенный ублюдок? Какое это имеет отношение к нему? Я думал, он был задирой Ротштейна. — Чез коротко коснулся своего носа, как будто хотел избавиться от зуда.

— Что заставило тебя так подумать?

— Он был мускулистый и готовый стереть пыль с костяшек пальцев, как только Виктор начал вести себя высокомерно. Он тоже выглядел не слишком умным, как будто ему нужен был любой предлог, чтобы подойти и нашинковать немного салата.

— Ну, это... красочно. Не мог бы ты оказать мне услугу? Полегче относиться к уличным идиомам? Честно говоря, я не возражаю против ругани, но английский не мой родной язык, и я бы предпочла не тратить время на перевод с английского на английский. И «нашинковать салат» означает нечто совершенно иное в других ситуациях, что, я уверена, ты не имеешь в виду, но, тем не менее, вызывает забавные образы, — ответила Изабель, оглядывая комнату через плечо Чеза.

— Ты говоришь об этом тюремном педерастическом дерьме? Да, я все это уже слышал раньше. Теперь, если ты хочешь выдвинуть обвинение...

— О, успокойся. Давай вернемся к Монтроузу. У него больше шансов быть причастным к исчезновению Бенито, чем у Ротштейна. Ротштейн — это подставное лицо, которым пользуется Монтроуз. Конечно, Ротштейн думает, что использует тебя в качестве одолжения Монтроузу. Да, я знаю, это запутанно. Потерпи немного. Майло Ротштейн представляет клан Джованни в Лас-Вегасе и обладает значительным влиянием, которое, по его мнению, защитит его. Этого не произойдет: Майло нажил слишком много врагов. На самом деле, он слишком дорого обходится Джованни, чтобы держать его здесь, но Лас-Вегас все еще выгоден, учитывая количество денег, которое приносят другие интересы Джованни в городе. Ну, знаешь, другие Ротштейны. Их семья такая же сложная, как и наша, только немного меньше.

— В любом случае, Ротштейн знает, что Монтроуз замешан в похищении Бенито. Поэтому он думает, что Носферату будет его должником, если Майло обманет тебя. Суть в том, что Майло, вероятно, ничего не знает о Бенито, но он не собирается говорить об этом Монтроузу, иначе Монтроуз поймет, что Майло обманывает его и ничего не заслуживает взамен. Проблема в том, что Монтроуз уже знает, что Майло — козел отпущения, и, в свою очередь, держит это в секрете от Майло. Монтроуз играет с тобой через Майло, а Майло — через тебя.

Чез, слегка прищурился один глаз, вмешался.

— В этом нет никакого смысла.

— Нет, это не так. Он это делает, чтобы держать вас направленными друг на друга, когда он — настоящая проблема для вас обоих.

— Как он может быть проблемой для Майло?

— Подумай об этом, Чез. У Майло есть другой Джованни, который приезжает в его город, чтобы расследовать дело Бенито. Ты не единственный. У шотландцев здесь тоже кто-то есть. Поскольку Майло глубоко погряз в мошенничестве, присутствие здесь постороннего Джованни ставит его в положение, когда это, возможно, выяснится.

— Но откуда ты это знаешь?

— Ну, Господи, Чез, ты думаешь, что я, по крайней мере, не так умна, как Монтроуз? Я тоже играю в эту игру. Тебе лучше этому научиться, если ты хочешь оставаться в ней достаточно долго.

Чез поднял брови.

— Хорошо, но еще кое-что.

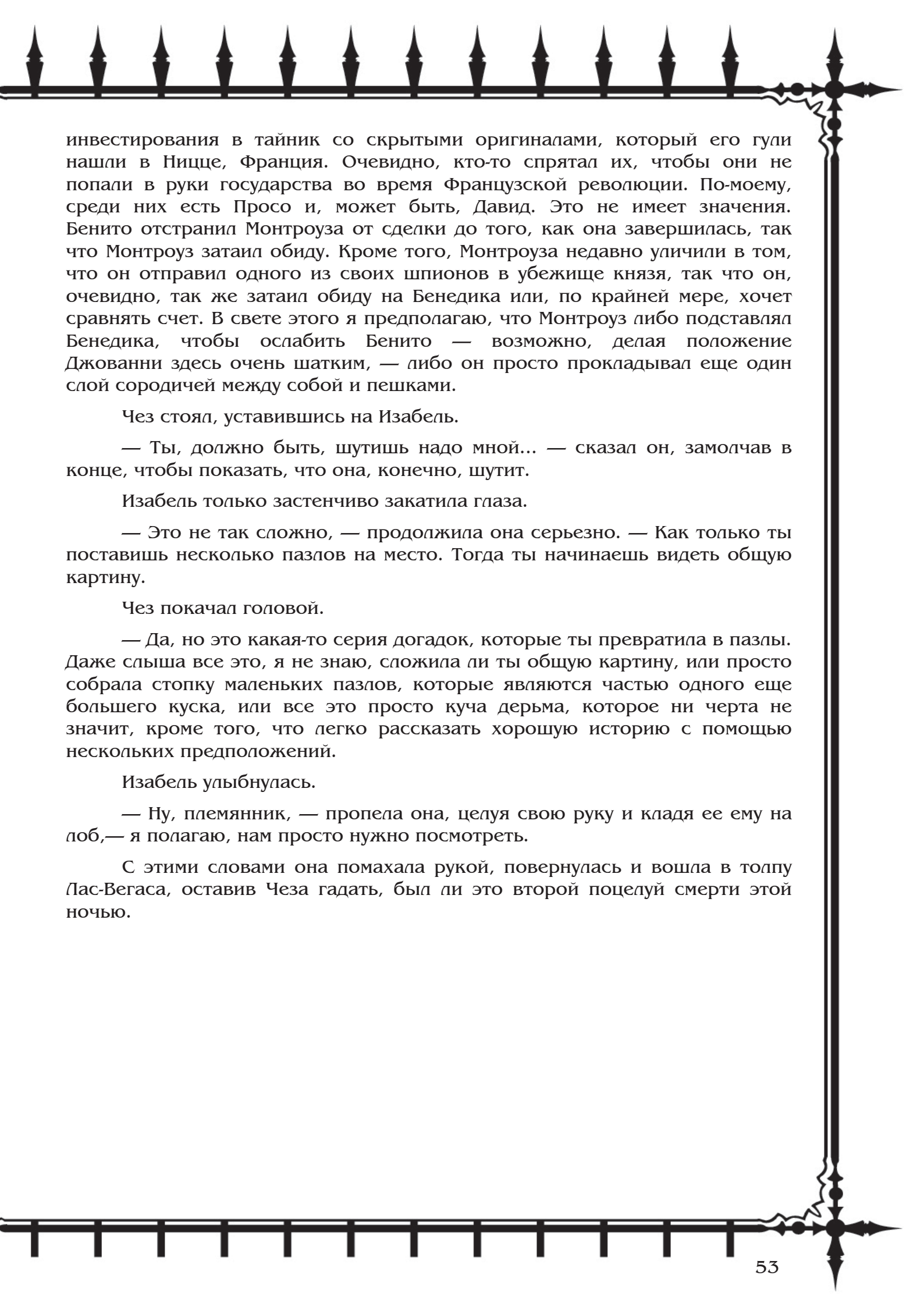
— Да, мой дорогой племянник? — Изабель криво улыбнулась одной половиной рта.

— Откуда ты знаешь, что за всем этим стоит Монтроуз? Или, по крайней мере, за той частью, за которой он, гм, стоит... Ты знаешь, что я имею в виду.

— Потому что он неаккуратный. В ночь, когда Бенито был похищен, охрана в его здании сообщила о попытке доставки, предпринятой трансгосударственными экспедиторами, и о том, что транспортное средство доставки вернулось примерно через пять минут, но не пыталось доставить груз. Trans-State Expeditors является дочерней компанией Группы архитекторов, которая является консорциумом венчурного капитала здесь, в Лас-Вегасе. За этим кроется некто Теодор Бенедик, псевдоним, поддерживаемый сородичем — князем Лас-Вегаса Бенедиком.

— Итак? Монтроуз тоже князь? Нет, подожди, это другой псевдоним.

— Нет, — самодовольно улыбнулась Изабель, — Бенедик не имеет к этому никакого отношения. Бенито перешел дорогу Монтроузу несколько лет назад по сделке с произведениями искусства или что-то в этом роде, что пошло не так. Я думаю, Бенито предложил Монтроузу возможность

инвестирования в тайник со скрытыми оригиналами, который его гули нашли в Ницце, Франция. Очевидно, кто-то спрятал их, чтобы они не попали в руки государства во время Французской революции. По-моему, среди них есть Просо и, может быть, Давид. Это не имеет значения. Бенито отстранил Монтроуза от сделки до того, как она завершилась, так что Монтроуз затаил обиду. Кроме того, Монтроуз недавно уличили в том, что он отправил одного из своих шпионов в убежище князя, так что он, очевидно, так же затаил обиду на Бенедика или, по крайней мере, хочет сравнять счет. В свете этого я предполагаю, что Монтроуз либо подставлял Бенедика, чтобы ослабить Бенито — возможно, делая положение Джованни здесь очень шатким, — либо он просто прокладывал еще один слой сородичей между собой и пешками.

Чез стоял, уставившись на Изабель.

— Ты, должно быть, шутишь надо мной... — сказал он, замолчав в конце, чтобы показать, что она, конечно, шутит.

Изабель только застенчиво закатила глаза.

— Это не так сложно, — продолжила она серьезно. — Как только ты поставишь несколько пазлов на место. Тогда ты начинаешь видеть общую картину.

Чез покачал головой.

— Да, но это какая-то серия догадок, которые ты превратила в пазлы. Даже слыша все это, я не знаю, сложила ли ты общую картину, или просто собрала стопку маленьких пазлов, которые являются частью одного еще большего куска, или все это просто куча дерьма, которое ни черта не значит, кроме того, что легко рассказать хорошую историю с помощью нескольких предположений.

Изабель улыбнулась.

— Ну, племянник, — пропела она, целуя свою руку и кладя ее ему на лоб, — я полагаю, нам просто нужно посмотреть.

С этими словами она помахала рукой, повернулась и вошла в толпу Лас-Вегаса, оставив Чеза гадать, был ли это второй поцелуй смерти этой ночью.

Среда, 30 июня 1999 г., 2:47,

Дворец Цезаря, комната 2604, Лас-Вегас, Невада.

— Фрэнки, как мне связаться с Майло Ротштейном? — Чез знал, что у него есть всего несколько минут до того, как взойдет солнце и Фрэнки придется прятаться от его смертоносных лучей. Часовые пояса были величайшим врагом вампира, когда дело касалось бизнеса.

— Господи, Чез, ты знаешь, сколько здесь времени?

— Конечно я знаю который час, но это чрезвычайная ситуация. Помнишь, что ты рассказывал мне о тех Джованни, которые поднимались по лестнице? Ну, они здесь, или Изабель здесь, а Майло стоит на пути. Наш человек Бенито замешан в чем-то, что простирается довольно далеко, и Майло прикрывает того, у кого есть его номер.

— О чем, черт возьми, ты говоришь, Чез?

— Давай, Фрэнки, я пытаюсь помочь тебе здесь. Изабель думает, что жесткая игра с этими ублюдками выведет их из себя и даст нам знать, где они находятся. Я согласен с ней. Я имею в виду, черт возьми, не похоже, что нам есть что терять. Ты сказал, что Майло и его команда уже вне игры, и мне повезло, что я узнал об этом немного. Это позволит мне сделать то, что ты мне сказал.

Чез знал, что Фрэнки не из тех, кто поддается на уловки фальшивого джинго¹, но это было все, что у него было. Он соберет пазлы позже и разберется во всем этом, как только они вернутся в Нью-Йорк. Прямо сейчас его заботило то, чтобы быть на шаг впереди игры, потому что он знал, что Майло не позволит ищейкам Фрэнки Джи покинуть город со следом Бенито в руках.

— Чез, это пиздец. Я дам тебе номер и буду молиться, чтобы ты знал, что делаешь. Ты ведь знаешь, что делаешь, верно? Это дерьмо просто не может подождать до завтрашнего вечера?

— Нет, Фрэнки. У нас здесь еще три-четыре часа до рассвета, и я не хочу давать этим гребаным Ротштейнам преимущество первого хода. Даже если бы сегодня вечером ничего не случилось, их люди по всему городу, понимаешь? У них будет добрых шестнадцать часов на нас, прежде чем мы сможем походить. Виктор хорош в переговорах, но мы не знаем этого города, и у нас за спиной никого нет.

— Почему бы вам, ребята, тогда не отступить и не дать ситуации остыть?

Чез на мгновение прервался. Фрэнки был не из тех, кто переключает передачи, если представляется прекрасная возможность. В чем была причина этой нерешительности?

Фрэнки не испытывал никакой любви к Ротштейнам, это было

¹ Джинго — прозвище английских воинствующих шовинистов, колонизаторов.

старомодное грязное дерьмо между итальянцами Джованни и евреями Ротштейнами. Несмотря на то, что Ротштейны были частью клана Джованни, они не были семьей. То, что хорошо для кошелька, не обязательно хорошо для застольной беседы, как говаривал Фрэнки. Джованни получили хорошие деньги от связи с Ротштейнами, точно так же, как они получили хорошие деньги от парней из мафии, точно так же, как они и ранее получили хорошие деньги от своих других интересов. Все сводилось к этому.

Так в чем же была проблема Фрэнки? Он уже сказал Чезу, что, возможно, придется убрать Майло со сцены, что послужило причиной для разворота? Вся ситуация изменилась за несколько часов. То, что должно было быть быстрым и незаметным давлением, всего за несколько часов превратилось в кризис, и эти несколько часов ознаменовали полный разворот в позиции Фрэнки.

— Давай, Фрэнки, ты оставляешь меня здесь, как ебаного педика. Ты сказал мне, что Майло может уйти, если ему нужно, и он уходит. В чем проблема? — Чез знал, что немного переступает границы дозволенного, но он полагался на нехватку времени у Фрэнки.

Чез услышал несколько щелчков на другом конце провода, а затем быстрый вдох.

— Хорошо, Чез, слушай и слушай внимательно, — голос Фрэнки стал хриплым, как будто он наклонялся и шептал, прижимая телефон к своему телу, чтобы кто-то другой не мог услышать. — Я могу сказать тебе это только один раз. Ты поговоришь с Майло и совершенно ясно дашь ему понять, что если он не даст тебе прямой информации о ситуации с Бенито, ты его прикончишь. Если он не скажет тебе, где Бенито, ты сделаешь именно это — нанесешь ему глубокую рану; скажешь ему, что это для меня — а потом сделай так, чтобы он никогда больше не увидел восходов луны, уяснил? И даже если он скажет тебе, где Бенито, блядь, Джованни, ты все равно убьешь его. Вот его номер. — И Фрэнки прошептал десять цифр (или на самом деле семь, так как код города был уникальным секретом — **# — которым владели сородичи Джованни, которым нужны были безопасные линии).

Дважды моргнув, Чез повесил трубку, не попрощавшись. Он записал номер, хотя заметна была только половина. Дешевые ебанные гостиничные ручки. Но он сделал достаточно отступов на бумаге, чтобы «записать» все, что имело значение. Он сорвал эту простыню, открыл раковину и бросил остаток бумаги в воду. Никому другому этот номер не был нужен. Фрэнки Джи никогда раньше не приказывал Чезу никого убивать. Это всегда было вопросом возможностей или выживания. Если кто-то вставал на пути, и Чез не мог обойти его, то, возможно, он получал достаточно сильный удар, чтобы никогда больше не вставать. Но на этот раз все было по-другому. На этот раз это был мандат. У Фрэнки были убийцы. Чез был скорее грозным рупором. Но Чез был там один, и Фрэнки не собирался заставлять Виктора делать это. Виктор даже не был полноценной семьей — какой-то Джованни где-то женился на его сестре двенадцать, тринадцать лет назад.

Нет, Фрэнки доверил Чезу сделать все это самому. Что там происходило у Фрэнки, что делало все таким деликатным?

Нахуй. Ответ подождет. Прямо сейчас ожидал Майло.

— Пошли, — позвал Чез Виктора, который наблюдал за всем происходящим, но любезно отключился от того, что он не должен был слышать. Хороший мальчик. — Хватай сумку.

Глаза Виктора расширились. Сумка означала неприятности.

— Что за дела, босс?

— Мы спускаемся в вестибюль, чтобы позвонить и подождать нашего парня, Майло Ротштейна. А потом мы пойдем в какое-нибудь хорошее место и обсудим этот вопрос, как джентльмены, — Чез приподнял бровь.

Пара спустилась на лифте в вестибюль. Ряд телефонов стоял рядом с общественными туалетами. Чез выбрал тот, что был дальше всего от помещений, отвернулся от дверного проема и набрал номер, который дал ему Фрэнки.

— Майло.

— Да, мистер Ротштейн, это Эрл. Я сопровождающий мистера Сфорца, из конференц-зала.

— Да, Эрл. Мне любопытно, как вы наткнулись на этот номер.

— Ну, мистер Ротштейн, это мистер Сфорца. У него какие-то проблемы с, гм... министерством внутренних дел, и он сказал, что будет лучше позвонить вам и договориться о каком-нибудь другом жилье.

— Он сделал это? Это очень странно. Казалось бы, наш мистер Сфорца изменил свое мнение.

— Это не мне решать, сэр.

«Давай, говнюк. Отбрось любезности».

— Ну, я хотел бы услышать, что так взволновало мистера Сфорца в... три часа ночи. Я пришлю машину, которая скоро будет там. Возьмите свои вещи и ждите в вестибюле. Ты сказал Дворец Цезаря, верно?

«Говнюк. Насколько глупым ты меня считаешь?»

— Я этого не делал, сэр. Мистер Сфорца сказал это на вашей встрече сегодня вечером.

— Ах, да. В любом случае, подождите в вестибюле. Мой человек скоро будет там.

— Благодарю вас, сэр. Мы будем ждать.

Понедельник, 21 июня 1999 г., 21:17

Boston Financial Corporation, Бостон, Массачусетс

Белый панельный фургон подкатил к погрузочной площадке офисного здания, в котором размещались главные офисы Бостонской финансовой корпорации. Ночной менеджер службы безопасности вышел, чтобы отмахнуться от водителя и сообщить ему, что он должен был сделать доставку утром. Однако, когда сотрудник службы безопасности покинул здание, завернутая в черное фигура тихо прокралась внутрь, ухватилась за дверь длинными тонкими пальцами и скользнула почти как жидкость по бетонной свае, которая составляла вход в док.

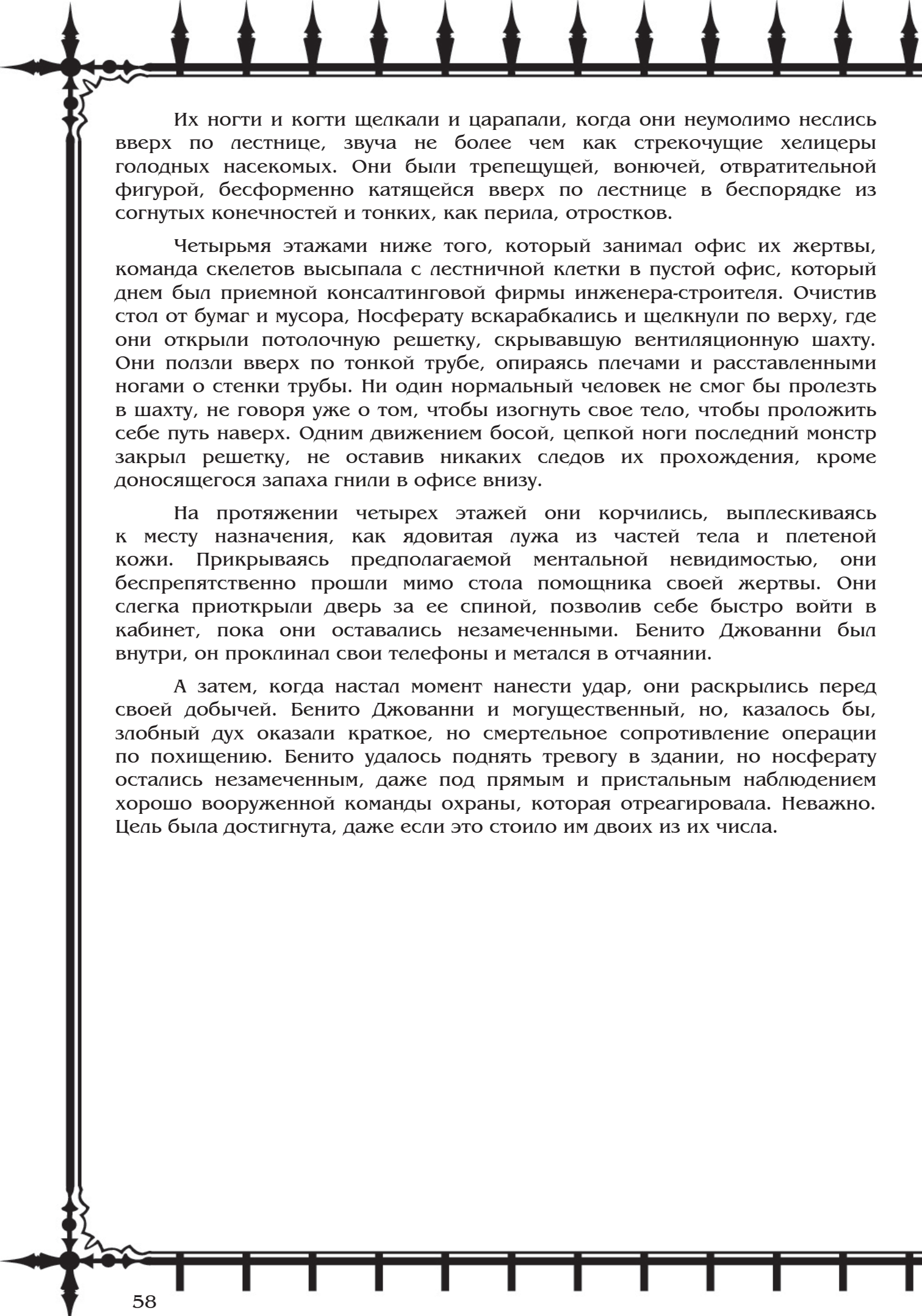
Водитель фургона кивнул, помахал рукой на прощание и уехал.

Он обогнул квартал, вернувшись не более чем через две минуты. Вернувшись, он подогнал фургон к причалу, припарковал его и принялся вытаскивать поддон из багажника.

Поддон содержал шесть длинных прямоугольных ящиков, связанных вместе пластиковой термоусадочной пленкой. Водитель вернул домкрат в фургон и снова уехал, на этот раз навсегда.

Тихий нарушитель прокрался сквозь тени дока, прижимаясь как можно ближе к стенам. Он широко обогнул территорию дока, оставаясь вне поля зрения и, наконец, нырнул за угол, где бесшумно вышел из здания через служебные двери. Позабывшись о том, чтобы закрепить фиксатор прежде, чем закрыть дверь, он подпрыгнул, как на пружинах, к поддону с ящиками, где начал снимать термоусадочную пленку длинным ножом. Затем он открыл три ящика, из которых быстро появились три одинаково одетые фигуры. Они выглядели как летучие мыши в их рваных плащах — группа оборванных, тихих скелетов, все высокие и худые. Не издав даже скрежета они открыли заклеенную лентой дверь и ворвались внутрь.

Оказавшись внутри, фигуры направились напрямиком к служебной лестнице. Они взбирались все выше и выше, по очереди прыгая, как крысы, и прячась, как насекомые. Тусклый флуоресцентный свет ужасающе освещал их кожу, некоторые бледные, некоторые зеленоватые, некоторые пятнистые и плотные. Они решили подняться по лестнице из-за ночного запустения здания. Кроме того, на лестничной клетке не было камер видеонаблюдения — хотя они легко могли скрыться от живых глаз ночного персонала, грубые машины зафиксировали бы каждое их движение — стая завернутых в лохмотья скелетов, бесстыдно перемещающаяся по коридорам здания. Нет, такая небрежность навлекла бы на себя гнев других Сородичей, если бы эта уловка когда-нибудь обнаружилась. Маскарад, которым так дорожила нежить, желавшая остаться незамеченной среди окружающих их смертных, был гораздо важнее похищения Бенито Джованни. В конце концов, даже Бенито был всего лишь пешкой в игре, в то время как Маскарад был правилом, соблюдаемым всеми разумными каинитами.

Их ногти и когти щелкали и царапали, когда они неумолимо неслись вверх по лестнице, звуча не более чем как стрекочущие хелицеры голодных насекомых. Они были трепещущей, вонючей, отвратительной фигурой, бесформенно катящейся вверх по лестнице в беспорядке из согнутых конечностей и тонких, как перила, отростков.

Четырьмя этажами ниже того, который занимал офис их жертвы, команда скелетов высыпала с лестничной клетки в пустой офис, который днем был приемной консалтинговой фирмы инженера-строителя. Очистив стол от бумаг и мусора, Носферату вскарабкались и щелкнули по верху, где они открыли потолочную решетку, скрывавшую вентиляционную шахту. Они ползли вверх по тонкой трубе, опираясь плечами и расставленными ногами о стенки трубы. Ни один нормальный человек не смог бы пролезть в шахту, не говоря уже о том, чтобы изогнуть свое тело, чтобы проложить себе путь наверх. Одним движением босой, цепкой ноги последний монстр закрыл решетку, не оставив никаких следов их прохождения, кроме доносящегося запаха гнили в офисе внизу.

На протяжении четырех этажей они корчились, выплескиваясь к месту назначения, как ядовитая лужа из частей тела и плетеной кожи. Прикрываясь предполагаемой ментальной невидимостью, они беспрепятственно прошли мимо стола помощника своей жертвы. Они слегка приоткрыли дверь за ее спиной, позволив себе быстро войти в кабинет, пока они оставались незамеченными. Бенито Джованни был внутри, он проклинал свои телефоны и метался в отчаянии.

А затем, когда настал момент нанести удар, они раскрылись перед своей добычей. Бенито Джованни и могущественный, но, казалось бы, злобный дух оказали краткое, но смертельное сопротивление операции по похищению. Бенито удалось поднять тревогу в здании, но носферату остались незамеченным, даже под прямым и пристальным наблюдением хорошо вооруженной команды охраны, которая отреагировала. Неважно. Цель была достигнута, даже если это стоило им двоих из их числа.

Среда, 30 июня 1999 г., 3:50 утра,
Отель Звездная пыль, номер 2901, Лас-Вегас, Невада.

Белый длинный Линкольн Континенталь забрал Чеза и Виктора из вестибюля Дворца Цезаря. Ни один из них не думал, что Майло будет настолько глуп, чтобы привезти их в свое убежище, и Чез не был уверен, что на их randevу будет легко вернуться к машине, поэтому он сказал Виктору взять сумку.

Сумка означала, что Чез намеревался отомстить, и она была полна всевозможных неприятных предметов. Клейкая лента, телефонный провод и шелковый шнур — все это служило одной и той же цели: связать того, кого нужно было удержать. Запас режущих инструментов от грубых до изысканных можно было использовать, чтобы заставить любого говорить о чем угодно, как и молоток-гвоздодер, дубинку и “змею водопроводчика”, которая оставляла один адский рубец везде, где ударяла по обнаженной плоти. Обычно в сумке была зажигалка, но Чез решил, что в отелях под рукой будет много коробков спичек. В конце концов, в этом не было особой необходимости, во всяком случае, после связующего материала. В любое время, когда Чезу нужно было заставить кого-нибудь заговорить, связывание и угроза содержимым сумки обычно служили этой цели. Чез не был мастером пыток. Обычно он позволял грубой силе и грубой боли делать свою работу. Он не был художником, он выполнял свою работу, когда это было необходимо. Весь уродливый инструментарий был завернут в украденные гостиничные полотенца, так что сумка выглядела как ночная сумка, полная одежды, а не сумка с инструментами, используемыми для причинения вреда людям.

За что именно мстил Чез, он еще не понял. Бенито Джованни как-то вписывался в эту картину, но что касалось его роли в ней, ни Чез, ни Виктор об этом понятия не имели. Оба их разума пытались разобраться в тех немногих кусочках головоломки, которые им дали, но ничего не щелкнуло. Чез держал рот на замке, стараясь продолжать шараду, которую они с Виктором разыграли ранее, на случай, если водитель был посвящен в ситуацию. Он притворился камердинером и телохранителем Виктора, позволив своему гулю казаться главным.

Оба Джованни были удивлены, когда их высадили у входа в отель и казино Звездная пыль. Они решили, что у Ротштейна наверняка есть тайник где-нибудь за городом и что он будет держать их там в качестве страховки для себя. Однако тот факт, что он доставил их в такое людное место, успокоил их.

— Номер 2901, — сказал им водитель, выпуская их. Чез быстро проверил номерной знак, когда Континенталь отъехал. Законная бирка (по крайней мере, невооруженным глазом), никаких наклеек «на прокат». Это тоже было хорошим предзнаменованием.

Они поднялись на лифте на двадцать девятый этаж. Когда они

вышли, Чез быстро осмотрел этаж. В торговых залах не было незваных гостей — только гудящий автомат с кока-колой. Лестничная клетка была пуста, по крайней мере, на этом этаже, на верхнем и на нижнем.

Чез постучал в дверь 2901.

Майло открыл дверь, которую Чез толкнул и жестом пригласил Виктора войти. Ротштейн посмотрел на Чеза.

— Возможно, немного самонадеянно?

Чез отмахнулся от этого.

Комната была не совсем похожа на ту, которую они занимали в Цезаре. Еще один неназванный Ротштейн сидел немного расслабившись в мягком кресле. Скрюченного Монтроуза Носферату нигде не было видно. По телевизору показывали тот же фильм с Брюсом Уиллисом, который Чез видел раньше. Он собирался завести об этом праздный разговор, чтобы успокоить присутствующих, но потом вспомнил, что он «запасной», по крайней мере, в настоящее время.

— Я надеюсь, эта комната вам подойдет? — спросил Майло. Это, должно быть, означало, что Ротштейн планировал позволить Виктору остаться здесь, вероятно, в качестве одолжения, так как думал, что Виктор предал Фрэнки Джи. То есть, если повезло, он решил, что Виктор перешел на другую сторону. Среди сородичей невозможно было точно сказать, кто сколько знает, даже когда они рассказывали тебе.

— Все в порядке, спасибо, — ответил Виктор. Он поставил сумку на край кровати и сел.

— О, не делай этого. Эти покрывала грязные, — сказал Майло, срывая покрывало с кровати и запихивая его в шкаф. — Они никогда не стирают вещи, и я уверен, что вы знаете, какие виды грязи и излишеств происходят в этих люксах. — Он улыбнулся.

«Знал ли он? Не, нахуй».

— Ну, если это что-то похожее на то, что происходит в любом другом гостиничном номере по всему миру, я уверен, что вы правы, — сказал Виктор.

«Хорошо. Продолжайте болтать. Мы все здесь друзья, лживые ублюдки, — подумал Чез. — Подождите минутку. Лгать о чем? Спокойно, ковбой. Не нужно снова срываться с места».

— Совершенно верно. Хотя, боюсь, я должен спросить. Чем обязаны этой внезапной перемене в верности? Ваш человек, — Майло указал на Чеза (или Эрла, как он надеялся, знал его), — сказал, что у вас был неприятный телефонный разговор?

— Более или менее, — пожал плечами Виктор. Безымянный Ротштейн выключил телевизор и поднялся из кресла. — Извините, я пропустил ваше имя при нашей последней встрече.

— Бенджамин. Или, скорее, Бен. Бен Ротштейн.

— Рад познакомиться с вами, Бен, но я должен сказать, что хотел бы, чтобы это было при других обстоятельствах. — Виктор посмотрел на Майло. — Мои планы, похоже, рухнули, но я надеюсь, что смогу отплатить вам за оказанное в последнюю минуту гостеприимство. Если вы простите мне мою грубость, я думал, что меня чуть не взъебали около часа назад, — рассмеялся Майло.

Бен нервно улыбнулся. Как этот глупый маленький урод вообще попал в клан — если он вообще был вампиром — было выше понимания Чеза.

— Ну, я всегда говорю, что никогда не поздно поиграть в эту игру, — задумчиво произнес Майло.

«Держу пари, что так и есть», — подумал Чез.

— Но, возвращаясь к текущему вопросу, мне все еще любопытно, почему. Мне не нужна полная история — вы можете рассказать мне подробности завтра вечером. Ну, я полагаю, что на самом деле это сегодня вечером, вы понимаете, о чем я говорю. — Майло рассеянно расхаживал у подножья кровати.

— В общем говоря, Фрэнки хотел, чтобы я сильно надавил на вас, ребята, по поводу этого Бенито. Я сказал, что вы, очевидно, не видели его после того, как несколько недель назад он уехал, и что вы уже знали о нас и о том, почему мы здесь. Любая агрессия с нашей стороны просто разозлила бы вас, опять же, извините за грубый разговор, я немного устал. Я знаю, что между Ротштейнами и Фрэнки есть некая неприязнь, но это не из-за меня, и это не моя работа — исправлять это. Я думаю, вы должны просто помириться, но чем бы это ни было, это произошло до меня, и я знаю, как этот бизнес заставляет людей таить обиды. Но Фрэнки... Он настойчив, и я прямо сказал ему, что не хочу быть тем парнем, который начнет войну. Бенито рано или поздно объявится, и даже если он этого не сделает, кто-нибудь его увидит, а это не стоит того, чтобы беречь старые раны, понимаете? Это вывело Фрэнки из себя, и я подумал, что было бы неплохо оставить открытыми пути отступления. Это не значит, что я ухожу от Фрэнки — вы же знаете, что в нашем бизнесе это так не работает, — и я не собираюсь жечь мосты, если мне это не нужно.

— Очень разумное рассуждение, мистер Сфорца. И я восхищаюсь вашей преданностью. Кажется, что такие вещи становятся все более редкими в современные ночи.

Чез мысленно улыбнулся.

«Достаточно хорошая история, если предположить, что Майло не был одним из многочисленных параноиков. А если и так, то он был ебаным актером, заслуживающим Оскар, потому что у него не было никаких эмоций или жестов, которые тонко выдавали ложь. Виктор мог быть действительно полезным, когда его не взъебывали и не трахали шлюхи».

— Я надеюсь, вы позвоните нам, когда проснетесь, мистер Сфорца? Становится поздно, и мы уйдем сегодня вечером, не смея больше тратить

ваше время. Бенджамин, не мог бы ты подогнать машину?

Бум! Именно так. Тщеславие Майло Ротштейна подписало ему смертный приговор. Он так старался выглядеть крутым перед людьми своего соперника, что не потрудился даже оставить Бена в комнате, чтобы сравнять счет.

Бен ушел, чтобы подать машину. Чез снял куртку, когда дверь закрылась за выходящим Ротштейном, отметив механическое жужжание электрического замка. Он повесил куртку и расстегнул манжеты, начиная закатывать их вверх. Майло заметил это с легким намеком на опасение.

«Все верно, ублюдок. Время умирать».

— Я уйду, мистер Сфорца. Не стесняйтесь наслаждаться казино до конца вечера — я организовал для вас небольшой маркер, чтобы сделать ваше пребывание более удобным и комфортным...

— Неправильно, хуесос, — усмехнулся Чез. — Ты, блядь, ответишь на несколько вопросов, прежде чем отправишься домой.

Виктор двигался как профессионал. Он открыл сумку и вытащил телефонный шнур, прежде чем Майло обернулся и посмотрел на него. Чез предпочитал телефонный шнур, как он сказал Виктору во время полета. Его чертовски трудно порвать, и даже если бы кому-то удалось разорвать прочную пластиковую оболочку, внутри шнур был наполнен медной проволокой, которая резала плоть на ленты, если вы пытались пробиться сквозь нее. Единственный способ избежать того, чтобы порезаться, виделся в том, чтобы надеяться, что шнур лопнет, когда и если вам удастся пробить пластиковую оболочку.

Чез нанес удар, который пришелся Майло в подбородок, заставив того открыть рот и отойти назад. Виктор воспользовался преимуществом, накинув проволоку на голову Майло и обвив его руки, прижав их к бокам. Он туго затянул его, затем снова дважды обмотал вокруг тела. Виктор знал, что ему нужно быть осторожным — Ротштейны, в конце концов, были Джованни, а сородичи Джованни могли призвать нечеловеческую силу. Не то, чтобы он когда-либо видел это раньше, но если Майло был способен к тому, он мог бы разорвать шнур и сломать Виктору шею, прежде чем Чез смог бы подчинить его.

Но это было не так. Виктор сделал еще пять петель к тому времени, как Чез подтащил стул от стола к тому месту, где все еще стоял Майло, связанный.

— Виктор, закончил? Майло, поговори со мной и скажи мне все прямо, чтобы мне не пришлось ломать то, что мне не нужно. — Он восхищался своей работой. Удар, усиленный приливом крови Джованни, сломал Майло челюсть, и зазубренный кусок кости торчал сквозь кожу его подбородка. Однако на его глазах кость погрузилась под кожу, и зияющая рваная рана закрылась, когда Майло демонстративно исцелил себя.

— Возможно, тебе следовало бы сохранить драгоценное вите, жид. Если ты будешь продолжать так себя вести, тебе это понадобится.

— Скажу тебе то же самое, Эрл, это совершенно отвратительный способ вести себя в чужом домене. — Майло вдруг оказался не из тех, кто легко сдается. Продолжать говорить было лучшим решением Чеза. Если он позволит Майло вывести себя, это превратит все усилия в пустую трату времени.

— Хорошо, Майло. Вот правила. Правило первое: если я тебя о чем-то попрошу, ты заткнешься нахрен. Нарушишь правило номер один — получишь что-то такое. — Чез снова ударил Майло кулаком. На этот раз он попал Майло в угол левого глаза, сломав кость и взорвав зрачок. Майло решил не лечить его сразу и поморщился. Его глаза выглядели дикими, когда один зрачок сначала уменьшился, а затем быстро увеличился во много раз по сравнению с другим.

— Правило номер два: когда я говорю, не перебивай. Если нарушишь правило номер два, получишь это. — Чез нанес еще один удар по другой стороне головы Майло. На этот раз, однако, он не проломил череп, но другой глаз Майло отреагировал точно так же.

— Правило третье: я — ебанный босс. И ты не связываешься с ебанным боссом, понял? Нарушишь правило три, и получишь снова. — Чез еще раз ударил связанного Майло кулаком, на этот раз прямо в лицо, сломав Ротштейну нос и забрызгав кровью его рубашку и куртку.

— Таковы правила. Ты понял? — Майло не пошевелился.

— Это значит «да». Хорошо. Мне это нравится. — Чез наклонился, чтобы слизнуть немного крови с изуродованного лица Майло. Витэ сородича намного привлекательнее, чем более жидкая кровь смертных. Но Чез взял себя в руки. Ему нужно было услышать, что скажет Майло, и если он сейчас потеряет контроль, то испортит весь план.

Где-то в глубине сознания Чеза ему пришло в голову, что в последнее время он часто говорил это себе. Он должен был поговорить с дьяволом, чтобы держать это в узде, точно так же, как он должен был заставить Майло молчать, пока ему не понадобится ответ.

— Итак, перейдем к главному. Где Бенито?

— Я не знаю, — усмехнулся Майло, сонно оглядывая Чеза.

— Неправильный ответ. — На этот раз Чез дал ему пощечину, стряхнув струйку кровавой слюны и разбрызгав кровь из разбитого носа Майло по комнате. — Попытка вторая. Где, блядь, Бенито?

— Я же сказал тебе, я не знаю. — Майло затуманенным взглядом посмотрел на Чеза. Он выглядел так, словно бросал вызов Чезу или, возможно, соблазнял его спросить что-то еще. Но Чез не был заинтересован в том, чтобы играть на публику. Это было его личное адское шоу. Он был главным, он командовал.

— Не то, что я хотел услышать, Майло. — Еще один шлепок выбил свернувшийся комок из-под носа Майло, который приземлился на ковер, как слизняк, растворяющийся в соли.

— Мне пришло в голову, Эрл, что если вы хотите получить конкретный ответ, вы должны задать вопрос, который ведет к нему. Никто не найдет семь золотых городов¹, спрашивая дорогу в Детройт.

Детройт? Какое, черт возьми, отношение Детройт имеет ко всему этому? Вероятно, никакого. Тем не менее, это укрепило мысль о том, что Майло не собирался ничего говорить, не заставив Чеза работать на себя. В его связанном состоянии это было все, что оставалось у сородичей.

Чез посмотрел на часы. Прошло восемь минут. Он прикинул, что у него есть двадцать, прежде чем Бену станет любопытно и он наберется смелости позвонить в номер.

— Ты прав, Майло. Но говорить вне очереди означает нарушать правило номер один. Пришло время платить по счетам. — Чез снова обрушил удар на голову Майло, на этот раз попав по макушке. Однако ничего не произошло; Чезу все еще нужно было услышать, что скажет Майло, поэтому он старался бить вполсилы.

— Иисус, блядь, Христос, ты простофиля! Разве не очевидно, что я не знаю? Почему бы тебе не спросить Монтроуза?

— Не произноси имя Господа всуе, — ехидно улыбнулся Чез, проводя левой ладонью по костяшкам пальцев правой руки. — Я думаю, это грех. На самом деле, я уверен, что это грех, когда это делает еврей. И я уже знаю о Монтроузе, но мы не знаем, как с ним поговорить. У нас был твой номер телефона. Тебе повезло больше, чем ему. О, и перестань нарушать правило номер один, и я перестану тебя бить. — Еще один сильный удар в лицо раздавил левую сторону головы Майло, как тыкву Джека². Его глаз вылез, череп угрожающе выпятился в форме, которая ознаменовала серьезную травму, и из расщелины хлынула черная кровь в том месте, где костяшки пальцев Чеза пробили череп. Майло, насколько это было возможно, закусил губу, чтобы промолчать.

— Это хорошо! Ты учишься. Хорошо. Теперь мы пойдем другим путем. Ты уже сдал нам Монтроуза, но мы знали это, поэтому нам нужно что-то еще. Где Монтроуз?

— Пошел ты.

Бам.

— На кого работает Монтроуз?

— Пошел ты.

Бам.

— Какое у вас дело в Манхэттене?

1 Семь золотых городов — легенда, которая зародилась на Пиренейском полуострове в Средние века и получила развитие в ходе конкисты. В Северной Америке XVI века слухи о существовании сказочно богатых городов где-то в глубине континента играли ту же роль, что и рассказы об Эльдорадо и Пайтити в Южной Америке: в поисках несметных сокровищ конкистадоры снаряжали экспедиции в неизведанные земли, в т.ч. на территорию современных США.

2 Тыква Джека — один из самых узнаваемых атрибутов Хэллоуина. Представляет собой фонарь, традиционно вырезаемый из тыквы или репы, напоминающий голову с пугающим или забавным лицом.

— Три части бурбона, одна часть сладкого вермута, вишня-мараскино.

— Неплохо, но слишком много вермута.

Бам.

— Ты не понимаешь, Майло. Я не остановлюсь, пока ты не умрешь или у меня не будет чего-то, что я смогу забрать домой, понимаешь? На кого, черт возьми, ты работаешь? Что это за секрет, который так чертовски священен, что ты позволишь мне бить тебя дюйм за дюймом, пока я не убью тебя голыми руками? Что за ебаная история? — Чез наклонился, чтобы ухмыльнуться Майло в лицо, прижавшись лбом ко лбу связанного сородича. — Каков ответ на вопрос за шестьдесят четыре тысячи долларов¹?

— Ты действительно хочешь знать?

— Нет, говнюк, я просто здесь без дела окопачиваюсь.

— Нет, я имею в виду, что ты действительно должен хотеть знать.

— Какого хрена, Майло, я только что сказал тебе, что готов бить тебя, пока ты не умрешь, не так ли? Ты знаешь, насколько серьезным должен быть ублюдок, чтобы забить кого-то до смерти? Ты знаешь, каким усталым я буду завтра вечером, когда встану, если мне придется бить тебя три ебанных часа? Я здесь чертовски серьезен.

— Хорошо, тогда иди сюда.

— Что?

— Ты слышал меня. Иди сюда. Наклонись ближе, чтобы я мог прошептать это тебе.

— Ты сошел с ума, если думаешь, что я собираюсь наклониться и позволить тебе откусить мое гребаное ухо.

— Я не собираюсь кусать тебя за ухо. Тогда ты бы выбил из меня все дерьмо, даже после того, как убил меня.

«Ты прав», — подумал Чез про себя.

— Наклонись сюда, чтобы я мог тебе сказать.

— Майло, клянусь Богом, если ты, блядь, укусишь меня...

— Я не собираюсь тебя кусать. Нет, ближе.

Чез приложил ухо ко рту Майло, почти надеясь, что этот дурак осмелится укусить его, чтобы он мог размазать Ротштейна в липкую пасту. Так близко Майло больше не казался сородичем, а напоминал скорее вонючее, роскошное и влажное облако мясистой крови.

«Говори быстрее, ублюдок, пока я тебя не укусил».

— Секрет в том, что...

¹ «Вопрос за шестьдесят четыре тысячи долларов» — англ. идиома. Самый сложный вопрос из всех; решающий вопрос. Идиома происходит от популярной телевизионной викторины 50-х годов, в которой шестьдесят четыре тысячи долларов было главным призом.

— Да, выкладывай.

— Секрет в том... иди нахуй сам!

Ублюдок! Майло поймал его — взял на прогулку¹.

— Ладно, говнюк, ты только что обналичил свой гребаный чек. Черт возьми! Черт! Виктор, ты приглядывай за этим сукиным сыном! — Как будто он собирался встать и куда-то пойти. — Держи его, блядь, прямо там, где он есть. — Чез метался по комнате, сердито расхаживая и яростно качая головой при каждом повороте в течение нескольких секунд. Он включил телевизор. Тот же фильм с Брюсом Уиллисом, все еще крутой. Выстрелы и взрывающиеся вертолеты или что-то в этом роде. Люди-тараканы любят это дерьмо. Он увеличил громкость так, чтобы звук был, может быть, вдвое громче, чем был бы разговор. После этого Чез прошествовал в ванную и целенаправленно вымыл руки и лоб, посмотрел вниз, чтобы убедиться, что на его рубашке нет пятен крови.

— Ты, блядь, подожди здесь, Майло, — и Чез вылетел за дверь. Майло посмотрел на Виктора. Виктор посмотрел на Майло и пожал плечами, как будто ему было наплевать на весь мир. Они услышали тяжелый, отрывистый скребущий звук. А потом еще один. Затем громкий хлопок. А затем звук чего-то огромного, что тащат по покрытому ковром полу.

— Мистер Сфорца, что делает твой компаньон...

Чез пинком распахнул дверь, на лбу у него выступил кровавый пот, что-то большое загоразживало вход в комнату от света из коридора.

Чез втокнул торговый автомат с кока-колой в комнату из холла. Он не совсем проходил, зацепившись за полый металлический дверной косяк, поэтому Чез толкал до тех пор, пока косяк не оторвался от стены, осыпав его и машину завесой белой пыли.

Виктор фыркнул.

— Ты не можешь быть серьезным, — заикаясь, пробормотал Майло, его испорченные глаза расширились, а рот открылся.

— Ты, блядь, уверен, что я не могу, хуесос. Я самый серьезный ублюдок, которого ты сейчас знаешь. — Дверной косяк оторвался, и Чез сумел полностью втиснуть большую машину в комнату. Он продолжал толкать, остановившись лишь на мгновение, чтобы отодвинуть кровать в сторону бедром, прежде чем продолжить толкать машину к окну.

— Эрл, это откровенный абсурд.

— Черт возьми, может ты заткнешься нахуй? Я пытаюсь здесь работать. Чем скорее я смогу доставить это туда, где оно—должно—быть—там! — тем скорее мы сможем покончить с этим. Виктор, достань ленту.

Виктор порылся в сумке, в то время как Чез в одиночку поднял Майло и стул и бесцеремонно швырнул их перед затемненным фасадом автомата.

¹ «Took him for a ride» — англ. идиома. Взять на прогулку — для того, чтобы отвести на место и убить. В более широком смысле — ввести в заблуждение, обмануть.

Найдя чистый рулон клейкой ленты — все еще в пластиковой упаковке — Виктор бросил его Чезу.

— Это хорошая идея, Чез?

— Заткнись, Виктор. Я Эрл. Я знаю, что делаю. Эрл — твой собственный маленький ангел смерти, Майло.

Майло нечего было сказать по поводу сложившейся ситуации, вместо этого он недоверчиво оглядывался по сторонам. Семь больших витков ленты спустя Майло обнаружил, что прикреплен к машине, казалось, неразрывно.

— Хорошо. Майло. В последний раз. Монтроуз. Бенито. Ушедший. Сделай так, чтобы это имело для меня смысл, а? Ради всего святого, по крайней мере, дай мне номер телефона Монтроуза.

— Послушай, Эрл, я уже сказал тебе...

— Хорошо. С тобой покончено. Виктор, подожги этого придурка.

Виктор порылся в собственных карманах и достал серебряную зажигалку. Он подошел к бару с напитками, в то время как Чез быстро выбежал из комнаты, чтобы схватить огнетушитель со стены. Когда он снял пластиковую оболочку, раздался тихий звуковой сигнал, и замигал крошечный красный огонек.

В комнате Виктор щедро обрызгал Майло крепким ромом.

— Ты собираешься поджечь меня и потушить? — спросил Майло, не зная, чему верить или даже о чем догадываться.

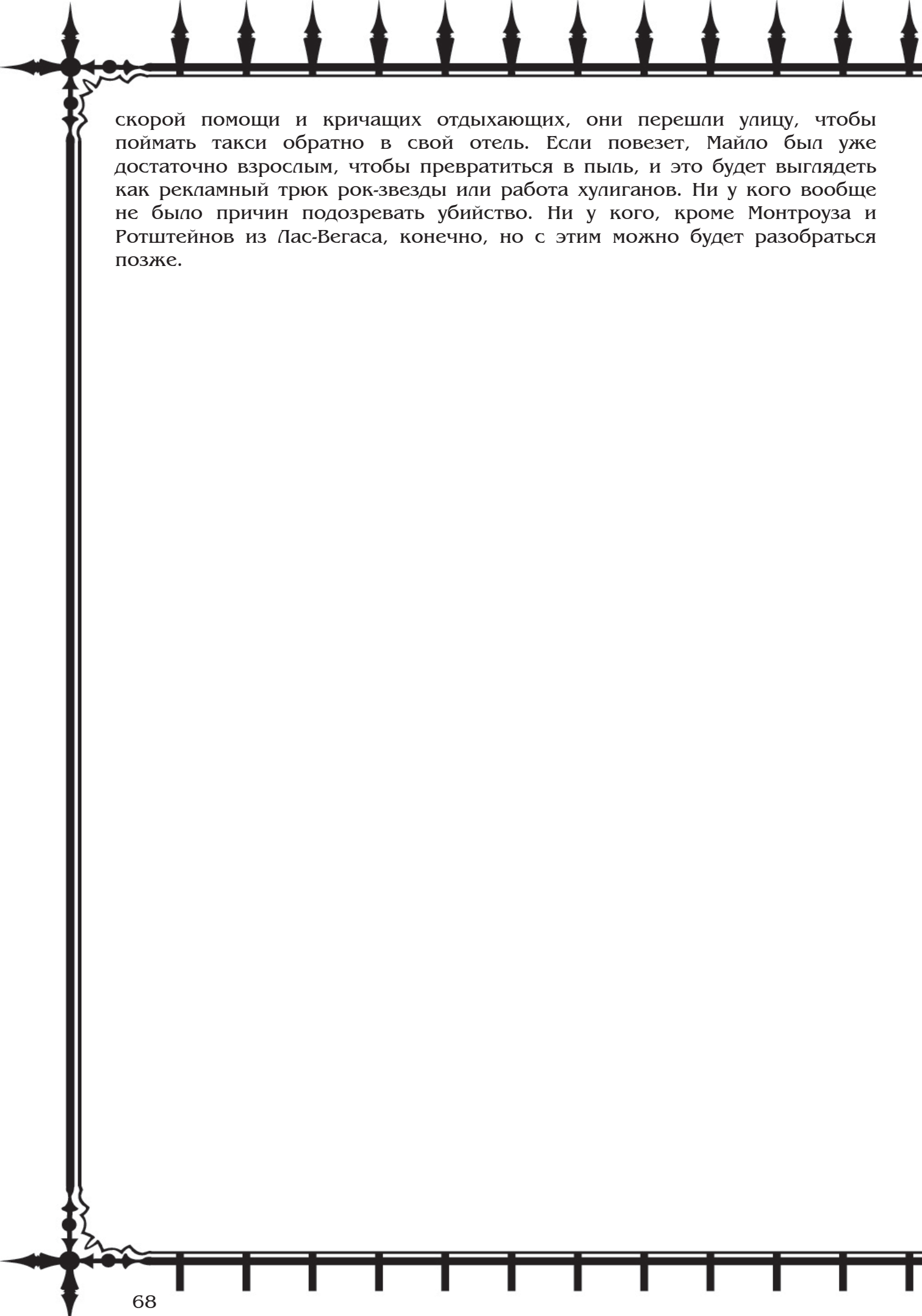
— Нет, ты гребаный придурок! — Чез заорал на него и швырнул огнетушитель в широкое стеклянное окно. Стекло посыпалось вниз вместе с огнетушителем, который, несомненно, звякнул и зазвенел, ударившись о землю двадцатью девятью этажами ниже. — Ты вылетишь в гребаное окно.

Виктор чиркнул зажигалкой, и Чез приподнял основание торгового автомата. Глаза Майло изумленно округлились, когда клейкая лента прижала его к аппарату, а его одежда и пропитанные кровью волосы взлетели вверх в огненном порыве.

Решительным, последним рывком Чез толкнул машину вверх и в окно, заставив Майло Ротштейна упасть на землю в пылающем, спиральном смертельном прыжке.

Чез и Виктор выбежали из комнаты, последний схватил сумку и швырнул свою горящую зажигалку на пол, чтобы сжечь следы крови, и побежал по коридору к лестнице. Они преодолели три пролета за несколько прыжков. Виктор продолжал идти, намереваясь вызвать лифт несколькими этажами ниже. Чез включил пожарную сигнализацию на двадцать шестом этаже, а затем бросился вниз по лестнице, чтобы присоединиться к Виктору у лифта. Чез считал, что ему повезло, что ему не нужно было дышать, иначе он дышал бы тяжело и подозрительно.

А затем беззаботно, среди суматохи, пожарных машин, машин

скорой помощи и кричащих отдыхающих, они перешли улицу, чтобы поймать такси обратно в свой отель. Если повезет, Майло был уже достаточно взрослым, чтобы превратиться в пыль, и это будет выглядеть как рекламный трюк рок-звезды или работа хулиганов. Ни у кого вообще не было причин подозревать убийство. Ни у кого, кроме Монтроуза и Ротштейнов из Лас-Вегаса, конечно, но с этим можно будет разобраться позже.

Среда, 30 июня 1999 г., 22:57

Caesar's Palace, комната 2604, Лас-Вегас, Невада

Когда Чез встал ночью, он обнаружил, что Виктор все еще в постели.
Мертвый.

Телевизор был включен, просматривая подборку предварительных просмотров, которые скоро будут показаны, и на каких каналах они появятся. На тумбочке стояла перевернутая кружка с кофе. «Лас-Вегас Ревью Джорнал» и «Уолл-стрит Джорнал» лежали раскрытыми на кровати и запачканными кофе на полу соответственно. Запах миндаля пропитал комнату.

Кто-то подсыпал в кофе цианид.

— Я говорил тебе, что ненавижу этот город, — сказал Чез окоченевшему трупу Виктора. К тому времени, когда кто-нибудь его найдет, Виктор станет зелено-красным и фиолетовым, когда кровь соберется в лужу.

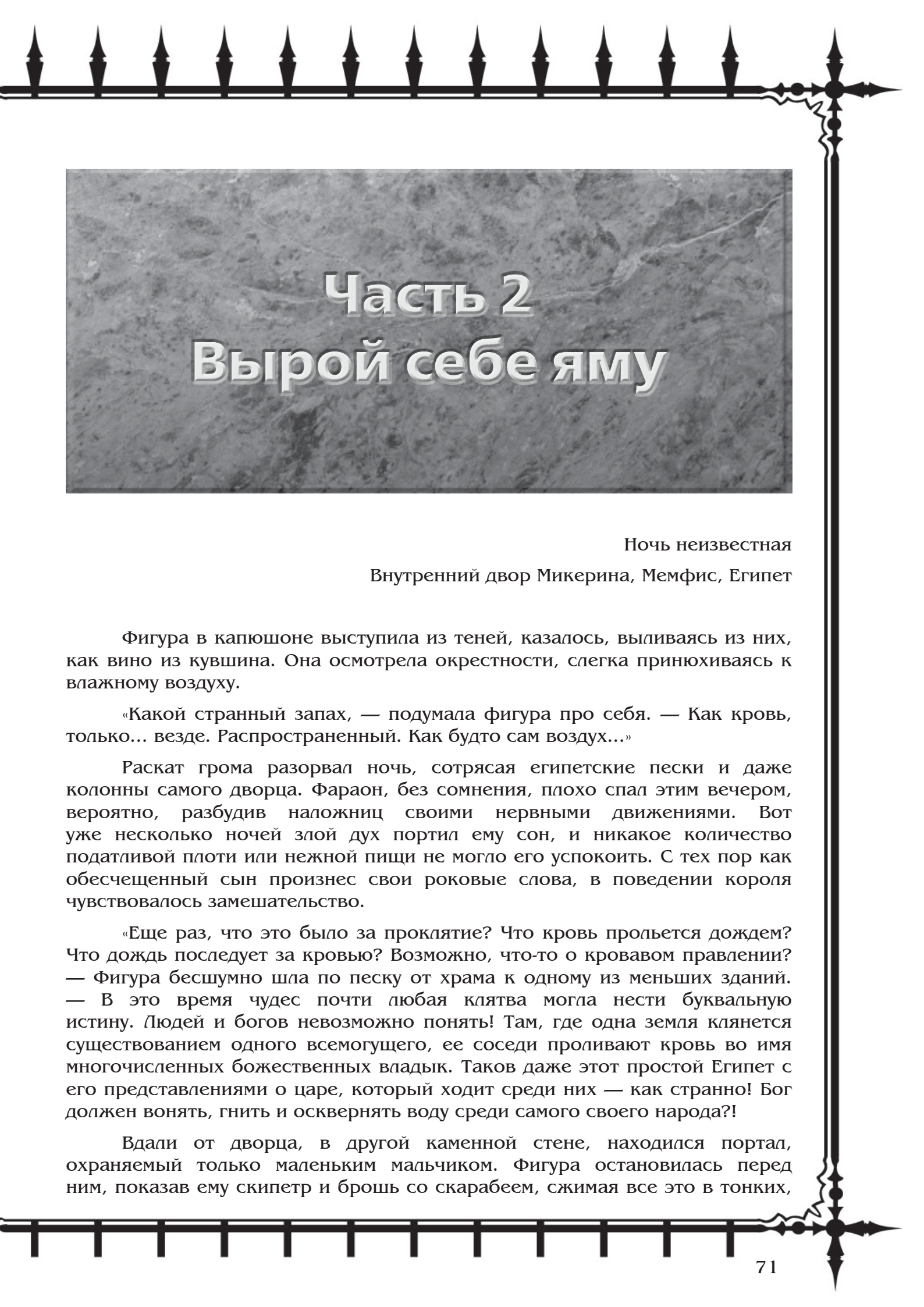
Но это не было проблемой Чеза. Ему нужно было успеть на обратный рейс грузовым классом в Бостон. Быстрый звонок Фрэнки Джи из диспетчерской в аэропорту должен был заставить того, кто отвечал за такие вещи, убедиться, что никто, соответствующий описанию Чеза, не появился ни в одном из полицейских отчетов.

— Прощайте, тараканы.

Бедный, глупый Виктор. Жертва амбиций, как своих, так и чужих.

Чезу даже не пришло в голову спросить, почему они решили отравить кофе Виктора, а не заколоть сородича, спящего в ванной. И даже если бы он подумал об этом, он бы просто предположил, что у него была зачарованная не-жизнь.

Часть 2

Вырой себе яму

Ночь неизвестная
Внутренний двор Микерина, Мемфис, Египет

Фигура в капюшоне выступила из теней, казалось, выливаясь из них, как вино из кувшина. Она осмотрела окрестности, слегка пригнувшись к влажному воздуху.

«Какой странный запах, — подумала фигура про себя. — Как кровь, только... везде. Распространенный. Как будто сам воздух...»

Раскат грома разорвал ночь, сотрясая египетские пески и даже колонны самого дворца. Фараон, без сомнения, плохо спал этим вечером, вероятно, разбудив наложниц своими нервными движениями. Вот уже несколько ночей злой дух портил ему сон, и никакое количество податливой плоти или нежной пищи не могло его успокоить. С тех пор как обесчещенный сын произнес свои роковые слова, в поведении короля чувствовалось замешательство.

«Еще раз, что это было за проклятие? Что кровь прольется дождем? Что дождь последует за кровью? Возможно, что-то о кровавом правлении? — Фигура бесшумно шла по песку от храма к одному из меньших зданий. — В это время чудес почти любая клятва могла нести буквальную истину. Людей и богов невозможно понять! Там, где одна земля клянется существованием одного всемогущего, ее соседи проливают кровь во имя многочисленных божественных владык. Таков даже этот простой Египет с его представлениями о царе, который ходит среди них — как странно! Бог должен вонять, гнить и осквернять воду среди самого своего народа?!

Вдали от дворца, в другой каменной стене, находился портал, охраняемый только маленьким мальчиком. Фигура остановилась перед ним, показав ему скипетр и брошь со скарабеем, сжимая все это в тонких,

костлявых, мертвенно-бледных руках. Мальчик безучастно улыбнулся и провел пальцами по барельефу черепа на каменной поверхности стены; портал открылся.

Сырой воздух вырвался наружу, как выдох больного человека. Фигура вошла, все еще размышляя.

«Каждое мгновение — это одновременно и абсурд, и чудо. Искра жизни, которая поддерживает мальчика, которая оживляет мою паству, — почему Бог решил дать им такой драгоценный дар? И почему Он злит меня, который знает о Нем, почитает Его и боится Его? Почему Он заставляет меня ходить среди них мертвым, представляя их «невежественными дикарями? С цветами яркой жизни? Почему Он должен позволять им наблюдать за Его великолепным восходом солнца? Или насыщать свои похотливые чресла под безупречными небесами? Слышите ли Вы меня, Боги, Вы со мной в смерти, или Ваши уши глухи к голосам Ваших отреченных?»

Если Бог и слушал, он ничем этого не выдавал. Одинокая змея сползла с одной из ступенек, по которым спускалась фигура, в трещину в стене из песчаника.

«О, как это похоже на моего разгневанного Бога. Всегда наказывает советника за грехи ремесленника. Или, возможно, всегда наказывает детей за грехи их отца. — Фигура ухмыльнулась под капюшоном. — Я знаю Твои пути, Боже. Ты повернулся ко мне спиной, но это позволило мне приблизиться к Тебе без Твоего ведома. Ты меня не видишь, Ты заставляешь Себя не слышать меня. И это будет Твоей гибелью. Однажды ночью Ты увидишь мои клыки — то самое несчастье, которым Ты проклял меня, моего отца и отца моего отца — у Своего горла. И тогда, великий Боже, Ты узнаешь, какой страх это может породить в человеке, даже мертвом. Мое мертвое сердце все еще бьется, но не из милосердия или любви. Нет, мое сердце бьется черной кровью гнева... гнев, который Твоя мудрость оставила как шрам. Лучше было бы убить меня, чем позволить поцелую...»

— Хозяин?

Детский голос вырвал фигуру из нарастающей театральности ее мечтаний. Сделав последний шаг, фигура в капюшоне вошла в низкую сводчатую комнату, вонявшую потом, молодостью и отходами смертных тел. Единственный факел горел у дальней стены, проливая крайне мало света на убогую комнату, но этого было более, чем достаточно, чтобы фигура могла видеть. На прохладных каменных стенах не было никаких следов, кроме нескольких подтеков потрохов и беспорядочного рисунка красновато-коричневых отпечатков рук. Из дальнего угла появился мальчик, его лицо было скрыто неизвестной грязью, голый, как в тот день, когда он родился.

— Хозяин? — негодяй повторил свой вопрос, не подозревая, что перед ним действительно стоит его хозяин. Фигура покачала головой. Возможно, мальчик никогда не научится... — он слишком целеустремленно

вглядывался в темноту.

— Да, Нусрат. Это я. — Фигура откинула капюшон, ее голова появилась, обнажая оскал зубов и череп, вырванный из безжизненного тела. Что, по правде говоря, так и было...

Мальчик прыгнул в холодные руки мертвеца, с энтузиазмом вскарабкался по ним, чтобы поцеловать лицо своего хозяина. Учитель отвернулся, избавляя себя от неуклюжей привязанности мальчика. Он огляделся, безжизненные глаза злобно смотрели из выщербленных глазниц, вглядываясь во темноту.

— Нусрат, где твоя сестра? Элиша? — он позвал, но не получил ответа.

— Она спит, хозяин. Она все еще больна.

— Она не больна, мой дорогой мальчик. — Рука мертвеца вынырнула из-под мантии, чтобы ласково погладить мальчика по стриженной голове.

— Нет, она не больна. Она устала. Я взял так много ее драгоценной крови, что у нее нет сил ходить, — говоря это, мертвец повел своего подопечного за руку в угол, где лежала Элиша.

— Видишь? Элиша. Элиша...

Девушка растянулась смрадной кучей на полу, сама напоминая не более чем груды костей. Мухи жужжали вокруг нее — как они нашли дорогу сюда? — и ползали по ее полуоткрытым глазам, входили и выходили из ее приоткрытых губ.

— Элиша? Тебе нехорошо? — череп мертвеца ухмыльнулся особенно злобной улыбкой. — Тебе нужно отдохнуть? Она знает, не так ли, Нусрат? Ей нужен ее драгоценный сон.

Мертвец толкнул Элишу ногой в голову, а Нусрат жалобно уставился на него.

— О, да. Она очень устала.

— Могу я кое о чем попросить тебя, мой мальчик? — мертвец погладил руку мальчика, его костлявые пальцы оставили короткие яркие следы на бронзовой коже. Он посмотрел вниз, его лицо превратилось в маску мертвой безмятежности.

— Да, хозяин?

— Отнеси это Джурану наверху, — он протянул мальчику маленького скарабея с человеческим черепом вместо головы. Это была волшебная, алхимическая таблетка-эликсир, сделанная из его собственной крови, созданная для усиления сил его слуг и подчинения их его воле. — У меня будет один для тебя, когда ты вернешься.

Когда босые ноги мальчика исчезли в темноте, мертвец снова обратил свое внимание на Элишу.

— Моя дорогая, милая девочка. Мне жаль, что я так тебя покинул.

Он поднял ее — она весила немногим больше пучка речного тростника — и положил на сгиб руки. Отодвинув рваную сорочку от ее тела, он отогнул одну ослабевшую ногу от себя, обнажая плоть ее бедра и нежную розовую складку, которая скрывалась выше. Как голодный мужчина, разглядывающий жареного тельца на вертеле, мертвец уставился на бедро ослабевшей девушки. Осторожно, деликатно он укусил ее за ногу и почувствовал, как мускусная кожа прогнулась под его клыками. Слабая струйка крови потекла ему в рот, сначала медленно, а затем в большем объеме. Мертвец пил с отрешенным рвением, предаваясь единственной страсти, которая оживляла его проклятое тело. Всего через несколько секунд поток полностью иссяк, как раз когда мальчик вернулся со своего поручения наверху.

Призрак в мантии уронил тело Элиши на пол, где оно и замерло с глухим стуком. Он грубо провел пальцем по губе и жестом пригласил Нусрата подойти ближе.

— А теперь, не мог бы ты, пожалуйста, избавиться от этого?

Мальчик ответил:

— Да, учитель, — но мертвец уже повернулся, чтобы уйти.

Прежде, чем он снова поднялся наверх, мертвец встретил Джурана, в глазах которого застыл ужас.

— Учитель, вы... небеса...

— Выкладывай, парень. Я не держу идиотов у себя на службе, — огрызнулся мертвец, тем не менее обеспокоенный эффектом, который то, что скрывалось снаружи, оказало на его сопровождающего. Джуран не был самым умным из рабов, но он был стойким. Может быть, фараону наконец надоели манеры его мертвенно-бледного визиря? Послал ли он королевскую стражу, чтобы арестовать его и прибить к камням? Пришел ли сержант лично, чтобы арестовать его? Вероятно, это была бы самая серьезная ошибка в жизни этого сержанта...

Поднимаясь по лестнице в сопровождении заикающегося Джурана, мертвец увидел, что так взволновало мальчика.

Небо освещали короткие вспышки красных молний, а во влажном воздухе чувствовался привкус крови. Действительно, когда мертвец посмотрел на пески и стены Египта, все они были испачканы тяжелым коричнево-красным дождем.

Господь Бог заставил кровь пролиться с неба.

Четверг, 15 июля 1999 года, 1:27

Ресторан «Времена года», Бостонский отель, Бостон, Массачусетс

— Итак, что именно вы предлагаете? — Изабель сурово посмотрела на сородича, стоявшего перед ней. Он был послан из Балтимора по приказу Яна Питерсона, чтобы просить Джованни о поддержке против Шабаша. Его звали как-то по-французски или, может быть, по-канадски, но в его английском определенно не было никакого акцента.

— Признание претензии Джованни на Бостон, — ответил агент. — Камарилья официально признает превосходство клана Джованни в Бостоне и его ближайших окрестностях. Разумеется, в обмен на поддержку Камарильи против Шабаша на восточном побережье. Это в ваших же интересах, вы же знаете.

— Прекрати покровительствовать нам, гребаный маленький хер! — рявкнул Чез с другого конца стола. Эта встреча была созвана в последнюю минуту по просьбе Фрэнсиса Миллинера.

Фрэнсис был старшим членом семьи Миллинеров, бостонской ветви Джованни. Изабель считала его не более чем параноиком, но она потакала ему. В последнее время в Бостоне многое произошло, в том числе казнь одной из самых опасных предателей, когда-либо известных клану. Женевра Джованни сочувствовала Шабашу, используя семью Джованни только в той мере, в какой это отвечало ее насущным потребностям. Не то чтобы каждый вампир Джованни — и, вероятно, каждый вампир вообще — не был до такой степени эгоистом, но столь явное проявление настроений сделало ее могущественным врагом клана. Миллинеры мастерски скрыли ее устранение под завесой насилия организованной преступности. Изабель должна была отдать Фрэнсису должное — он придумал прекрасную уловку, чтобы использовать ее в качестве дымовой завесы и он не думал дважды о том, чтобы убрать Женевру со сцены. За его дальновидность и сообразительность старейшины клана решили позволить ему выпить кровь предателя, приблизив его к власти старейшин. И кто знает, сколько еще планов по возвышению было у Миллинера в голове?

Из-за этого Изабель не проявляла желания обсуждать второстепенные детали дела с посторонними. Фрэнсис был человеком «с планом» и в этот раз она была его «дымовой завесой». Камарилья, вероятно, даже не знала, что именно Миллинеры, а не Джованни, пользовались наибольшим влиянием в Бостоне. За исключением нескольких человек, все полагали, что именно Джованни были в Бостоне внушительной силой. Конечно, Миллинеры принадлежали к клану Джованни, но такие смысловые игры были присущи скорее семье, чем кому-либо извне.

— Чез, пожалуйста. Успокойся, — заметила Изабель. Он все еще был упрям, и присутствовал здесь якобы для того, чтобы разобраться с делом Бенито Джованни, и он нес такую же ответственность за эту дискуссию. Чез был живым свидетельством того факта, что иногда

мерзкие и жестокие люди делали в Америке: он не был особо сильным, могущественным или умным, но у него была непревзойденная грубость, и он все меньше боялся показать ее сопернику. Это начало сквозить в нем... Его глаза запали за несколько недель, прошедших с тех пор, как Изабель встретила его, и его некогда полные губы растянулись в вечном оскале или насмешке. Его руки... У него всегда были белыми костяшки пальцев, как будто только благодаря самой упорной концентрацией он мог держать Зверя в узде. Изабель знала: Чез скоро сорвется. Однако она планировала разыграть свои карты правильно и выпустить Чеза, когда это будет удобно, наблюдая, как он падет в сиянии славы, которая, без сомнения, унесет с собой еще нескольких человек. Суть состояла в том, чтобы сделать это незаметно и убедиться, что этот роковой момент будет видим только глазам сородичей, и ей не придется просить о помощи СМИ, полицию и прочих, чтобы скрыть это. И все же он был прав. Связой насмешливо посмотрел на Чеза, который заметно ошетинился.

— Не позволяйте ему ввести вас в заблуждение. Простите, еще раз, как вы сказали, вас зовут? — переспросила она, исправляя положение.

Глаза гостя сузились до щелочек, холодно глядя на Изабель.

— Готье. Жак Готье. Потомок Пола Левеска, потомка Шломо Баруха, потомка Кристианны Фой, потомка Видаля Джара...

— Да, да, — перебила Изабель, — очень впечатляет. Архиепископ Кентерберийский, экстракт ванили, Магнезиальное молоко и так далее, как гласит старая шутка. Мы понимаем, что вы здесь для того, чтобы представлять интересы Камарильи, и что вы должны умаслить нас и сделать так, чтобы это казалось самой фантастической сделкой, которая когда-либо попадала нам в руки. Но позвольте мне предложить вам свою противоположную позицию. Ваше одобрение для нас ничего не значит. Ваше своевольное "признание суверенитета" и другой квазиполитический ура-патриотизм не сработают в этой комнате. Вы имеете дело не с ранговыми новорожденными. Ваша Камарилья не является ни правительством, ни военным органом. Это простое социальное соглашение, контракт, поддерживаемый его членами в интересах достижения своих собственных целей. Откровенно говоря, это гражданская синекура, с помощью которой скучающие, изнеженные старики играют в игры и обманывают самих себя. Должны ли мы верить, что, если мы не сможем прийти к соглашению в этой комнате до следующего рассвета, Бостон столкнулся бы с фалангой камарильских ударных отрядов в ливреях? Более вероятно, что несколько буйных повстанцев вашей секты будут разгуливать среди сородичей Бостона, как толпа пьяных футбольных фанатов, в течение нескольких ночей, пока не будут разгромлены теми же самыми сородичами, чьи убежища они потревожат.

— Ваше признание ничего не значит. Ваша поддержка ничего не значит. Ваша секта неспособна поддерживать свое влияние, которое она имеет на всем этом побережье одной из самых богатых наций в мире, точно так же, как она оказалась бессильной против неизвестных сородичей с Востока, вторгшихся с Западного побережья. О, Жак

Готье, не будьте так шокированы... Я изучила некоторые вопросы. Я бы и не подумала принимать такого посланника, как вы, не зная всех последствий отношений, которые вы предлагаете. Если сравнивать с другими вариантами, единственное преимущество, которое дает свободное соглашение о поддержке, заключается в надежде, что жители Бостона смогут просто отвернуться от всего этого и позволить фанатикам Шабаша и Камарильи кромсать друг друга на улицах. Как это звучит? Этот ответ вас устраивает?

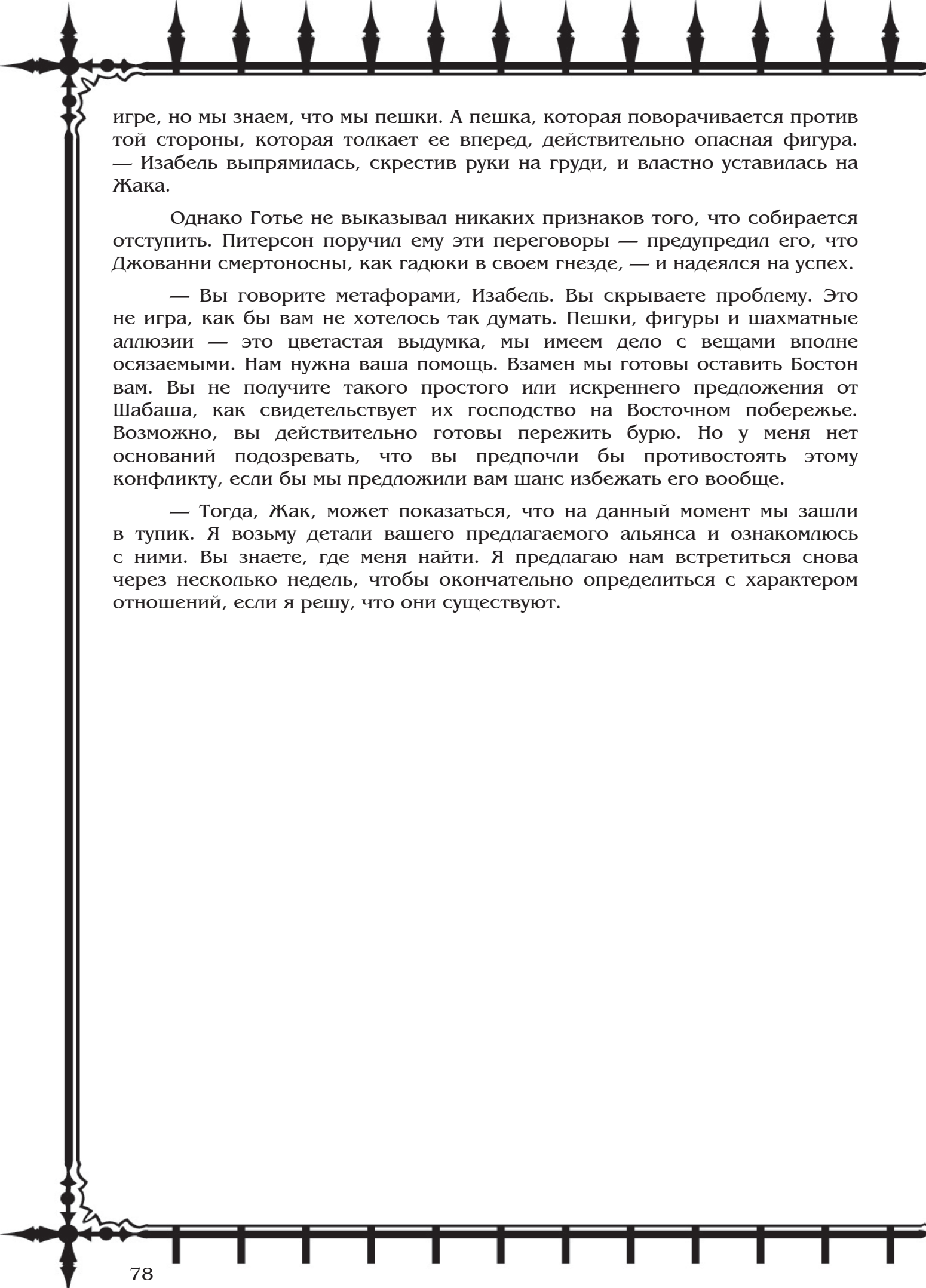
Жак поднялся со своего места, широко открыв рот, слегка наклонив голову и стиснув зубы. Рядом с Изабель Чез дернулся, вены его вздулись, как у эпилептика, привязанного к креслу в судорогах припадка.

— Не думайте, что мы так бессильны, Изабель Джованни, — возразил Жак. — Камарилья, как вы говорите, не является военной организацией, но полагать, что это делает нас бессильными, — чистое безумие. Шабаш также не является военной силой, но это и не сражения, которые ведутся исключительно в окопах. За каждым драчливым дураком, который видит в этом исключительно воинственный вопрос, есть трое других сородичей позади, которые совершают свои ходы более тихими путями. Это война за влияние, и ресурсы Камарильи на порядок больше, чем ресурсы клана Джованни. Мы просто заинтересованы в минимизации и локализации влияния наших врагов — и ваших врагов, а также — Шабаша.

— Ресурсы Камарильи! Абсурд. У Камарильи нет ресурсов! Единственная власть, которой она обладает, — это та, которая добровольно предоставляется ей ее членами. Ваша секта гораздо более капризна и эгоистична, чем вы думаете. Камарилья ничего не делает как единое целое, и вы это знаете.

— Как и клан Джованни, исходя из этого утверждения, — возразил Готье.

— Верно, но клан Джованни в данном случае — это сообщество сородичей Бостона. Мы будем более чем безусловно защищать наши собственные интересы и отбрасывать наши личные обиды, когда нам противостоит большая оппозиция. Является ли эта оппозиция Шабашем или Камарильей, или и тем и другим, не имеет значения. Я знаю человека, который послал вас сюда. Я знаю Яна Питерсона. Он сделал себе неплохое имя среди сородичей, и я подозреваю, что однажды ночью он может оказаться среди... как вы их называете? Архонт и юстициарии Камарильи. Но он не сделает этого, играя роль зачинщика. Скорее, он овладеет политической игрой, пообещает одно, сделает другое, а затем убедит тех, кто ниже его, что то, чего они хотели в первую очередь, было тем, что он на самом деле сделал. Я знаю, что Бостон — это только часть более крупного хода Питерсона на данном этапе, но я не собираюсь притворяться, что знаю, какие карты он все еще держит в руке. Ян гораздо более опытный заговорщик, чем я когда-либо буду, но я гораздо лучше разбираюсь во внутренних интригах. Питерсон и ему подобные зависят от таких сородичей, как я, в том, что касается пьес, с которыми они играют. Я — мы, Джованни Бостона — можем быть пешками в этой

игре, но мы знаем, что мы пешки. А пешка, которая поворачивается против той стороны, которая толкает ее вперед, действительно опасная фигура. — Изабель выпрямилась, скрестив руки на груди, и властно уставилась на Жака.

Однако Готье не выказывал никаких признаков того, что собирается отступить. Питерсон поручил ему эти переговоры — предупредил его, что Джованни смертоносны, как гадюки в своем гнезде, — и надеялся на успех.

— Вы говорите метафорами, Изабель. Вы скрываете проблему. Это не игра, как бы вам не хотелось так думать. Пешки, фигуры и шахматные аллюзии — это цветастая выдумка, мы имеем дело с вещами вполне осязаемыми. Нам нужна ваша помощь. Взамен мы готовы оставить Бостон вам. Вы не получите такого простого или искреннего предложения от Шабаша, как свидетельствует их господство на Восточном побережье. Возможно, вы действительно готовы пережить бурю. Но у меня нет оснований подозревать, что вы предпочли бы противостоять этому конфликту, если бы мы предложили вам шанс избежать его вообще.

— Тогда, Жак, может показаться, что на данный момент мы зашли в тупик. Я возьму детали вашего предлагаемого альянса и ознакомлюсь с ними. Вы знаете, где меня найти. Я предлагаю нам встретиться снова через несколько недель, чтобы окончательно определиться с характером отношений, если я решу, что они существуют.

Четверг, 15 июля 1999 года, 1:48

Ресторан «Времена года», Бостонский отель, Бостон, Массачусетс

— Какого хрена ты там делала? — спросил Чез Изабель, когда они вышли из здания и направились к серебристому ауди-купе, которое она одолжила для поездки. Обычно у автомобиля был только один восьмилитровый четырехцилиндровый двигатель, но Изабель договорилась «просмотреть» один из модернизированных прототипов следующего года с шестицилиндровым двигателем.

— Успокойся, Чез. И не говори со мной в таком тоне, или я отрежу тебе язык. Буквально.

Они забрались в машину, которая имела крайне низкую посадку. Изабель презирала вождение, поэтому она передала ключи Чезу. Конечно, она предпочитала бы роскошный автомобиль и его удобства, но в городе, который вот-вот будет разорван на части тремя соперничающими группировками, скорость и маневренность были предпочтительнее кожаных кабриолетов.

— Но ты же ни за что не пойдешь на сделку с Шабашем, верно?

— Ты в своем уме, Чез?

— Да, но почему ты так сильно надавила ему на яйца?

— Кто сказал, что я должна заключить с кем-то сделку? И кто сказал, что Миллинеры будут уважать меня за это?

— Но разве не поэтому ты здесь, Изабель? Чтобы договориться о сделке?

— Я здесь, потому что Фрэнсис Миллинер попросил меня. Я здесь для того, чтобы получить максимальную отдачу от этого маленького предприятия с наименьшими инвестициями с моей стороны или стороны Миллинеров. Почему ты здесь, Чез?

— Дело Бенито.

— Это верно. Так почему бы тебе не начать думать об этом, а я буду беспокоиться о своем, хорошо? Ты добился какого-нибудь прогресса в расследовании исчезновения Бенито?

— Нет, — нахмурился Чез, его руки с пылом вцепились в руль.

— Ты ожидал получить что-то от этой встречи?

— Я подумал, может быть, они предложат какую-нибудь информацию о Бенито в рамках сделки.

— И, может быть, они так и сделают, Чез. Теперь ты видишь? Договориться с Жаком обо всем означает, что если он действительно хочет, чтобы это соглашение о поддержке было выполнено, он должен дать мне все то, что я хочу. Питерсон не предложил бы этого, если бы в этом не было необходимости, поэтому я знаю, что у меня есть много

рычагов воздействия. Сам Питерсон не явился, и послал этого маленького лизоблюда только для того, чтобы все выглядело так, будто в этом нет ничего особенного. Поэтому он думает, что я думаю, что это ерунда. Но это не то, что я думаю, понимаешь? — Она улыбнулась. Чез играл с ней в ту же игру «она думает, что я думаю», и она призвала его к этому, хотя бы аллегорически.

Ауди свернул за угол, его широкие шины цеплялись за дорогу и крепко держались, когда шасси катилось низко, чтобы сохранить радиус поворота.

— А пока, Чез, у меня есть для тебя побочный проект. Это научит тебя некоторым фундаментальным навыкам расследования.

— Эй, подожди. Я здесь не ради тебя в этой сделке. Я все еще работаю на Фрэнки Джи.

— Да, но тебе нужна практика. Я попрошу у Фрэнки счет позже.

Чез многозначительно вздохнул, как бы напоминая Изабель, что, поскольку он не дышал, он что-то имел в виду.

— Теперь ты мой мальчик. Итак, завтра вечером ты узнаешь все, что сможешь, о Жаке Готье. И скажешь мне, кто командует Шабашем в этом городе.

— Я уже знаю часть вторую. Это Макс Лоуэлл.

— Откуда ты это знаешь?

— Блядь, мое убежище в Нью-Йорке. Бостон всего лишь в двух шагах отсюда. Фрэнки перевез через Лоуэлла больше вещей, чем мне хотелось бы думать. Черт, если это дерьмо дойдет до перестрелки, то, вероятно, это будет с оружием Фрэнки.

Изабель пристально посмотрела на Чеза.

— Видишь, — сказал он с ухмылкой, — я не так глуп, как кажусь.

«Нет, — подумал Чез, оставляя Изабель и садясь в автобус, чтобы вернуться в свой отель, — я вовсе не такой глупый».

И когда он приехал, он набрал номер Фрэнки — тот, на котором был код города **#.

Вторник, 6 июля 1999 года, 21:48
Подземный грот Нью-Йорк, Нью-Йорк

Калеврос отложил отчет, посвященный странному феномену необычно агрессивных крыс. Крысы, враждебные Носферату! Куда катится этот мир?

Он положил отчет на свой стол поверх одной из шатких стопок тысяч других отчетов на любую из сотен разнородных тем. Данные в эти ночи поступали быстро: Камарилья не смогла оказать сопротивление в Вашингтоне, округ Колумбия, и была разгромлена в течение последней недели, за исключением канцелярии Тремер, которая отозвала свои силы и даже пальцем не пошевелила, чтобы спасти город. Замкнутые колдуны отправили представителя среднего звена, некую Марию Чин, в Балтимор, где принц Гарлотт пытался навести хоть какой-то порядок среди хаотичных потоков беженцев, наводнивших его город. Его задача не облегчилась маневрами Виктории Эш, Торедора-неудачницы, светской львицы и леденца для глаз.

Но сейчас, при тусклом мерцающем свете настольной лампы, Калеврос размышлял над вопросом, который был значительно ближе и дороже его сердцу.

6 Июля 1999 года

Re: Бенито Джованни: Лас-Вегас

Монтроуз сообщает, что двое ничтожных Джованни с Восточного побережья (Виктор Сфорца, Чарльз Джованни Телло) задавали вопросы о Бенито; встречались с Майло Ротштейном 6/29; вернулись 6/30 утром, бесцеремонно избавились от Ротштейна. Телло вылетел следующей ночью; Сфорца убит неизвестным нападавшим(ми).

Последствия смерти М.Р. – незначительны или отсутствуют; уже культивируются связи с другими элементами, с Джованни, в Л.В.

Похвалите Эметта – ложная наводка на Л.В. сработала.

Теперь, когда шум на западе утих, Лас-Вегас стал самым безопасным местом для переезда Бенито. Они уже посмотрели там.

Суббота, 17 июля 1999 года, 21:51

Галерея «Забытые миры» Бостон, Массачусетс

Чез Джованни не был счастлив.

Тот, кто, блядь, хотел знать, где, блядь, Бенито Джованни, должен был просто оставить его там, где он был, и покончить с этим. Майло Ротштейн умер из-за этого. Виктор умер из-за этого. Никто не знает, сколько говнюков Носферату, которые в первую очередь засунули Бенито в черный мешок, встретили из-за этого Окончательную Смерть. А сегодня вечером — новые новости. Пока Чез был в Бостоне, Фрэнки слышал, что Бенито объявился в Новом Орлеане. В тот момент, когда он услышал это, Чез понял, что это чушь собачья — Бенито исчез отсюда, а затем появился в Вегасе. Для Бенито не было никаких веских причин появляться в Новом Орлеане. Если бы он сбежал от своих похитителей, то пошел бы домой или позвонил кому-нибудь из семьи. Если бы он все еще находился в чьем-то владении, его бы крепко заперли либо в Вегасе, либо в Бостоне, пока тот, кто его похитил, не предъявил бы то требование, которое он планировал предъявить. Все это не имело никакого смысла.

Кто дал наводку — хотел бы знать Чез. Никто из других людей Фрэнки не мог ответить. Говоря о том, что никто не мог ответить, нужно добавить, что Фрэнки не брал трубку почти двадцать четыре часа, несмотря на то, что Чез и множество других гумбо звонили ему без остановки.

Затем поступил звонок из Италии для Изабель. Фрэнки Джи был мертв. Она рассказала об этом Чезу, передала соответствующие слова соболезнования и купила билет на самолет, чтобы встретиться со своим знакомым в Атланте.

— Это мило, Изабель. Есть идеи, почему тебе позвонили прежде меня, и почему Италия знает, но никто в Нью-Йорке или Бостоне — нет? — потребовал Чез.

— Прекрати говорить со мной в таком тоне, Чез. Мне вообще не нужно было тебе говорить. Что касается того, почему я это узнала, это связано с тем, что я здесь делаю.

— Ты здесь, чтобы, блядь, вести переговоры с Камарильей для Миллинеров. Какое, блядь, это имеет отношение к поездке в Атланту и получению звонков о моем мертвом капо?

Изабель взбесило стремительно ухудшающееся отношение Чеза.

— Знаешь что, Чез? Верно. Я была здесь, чтобы поговорить с людьми Питерсона. И я это сделала. Однако ты здесь для того, чтобы выяснить, куда делся Бенито Джованни, а ты этого не сделал. Поэтому, хотя я занималась двумя отдельными делами для семьи, ты все еще не закончил свое первое, и ты набираешь впечатляющее количество трупов, сопровождающее твои неудачи. Виктор, Фрэнки, и я уверена, что их больше. Так что, пожалуйста, прежде чем ты снова приступишь к своим

грубым возмущениям, просто посиди тихо и подожди, пока я вернусь.

Она знала, что он расстроился из-за отсутствия чего-либо, что привело бы его к Бенито, но Чез вел себя бессовестно, и она желала проучить его.

— К черту это, Изабель! Я должен просто сидеть здесь и ждать? Я поеду с тобой в Атланту, чтобы сделать то, что ты там делаешь.

— Нет, не поедешь. Ты останешься в Бостоне и будешь сопровождать человека, которого я наняла, чтобы провести остальную часть разговора с Готье.

— Ты хочешь, чтобы я подыгрывал кому-то другому, пока ты будешь отдыхать? Чушь. Ебаное дерьмо. Я не работаю на тебя. На самом деле, я думаю, что больше ни на кого не работаю. Я ни за что не стану подпевалой у какого-то сопляка, которого ты уговорил заняться Миллинером...

— О, она не сородич, — перебила Изабель. Она одарила его очаровательной улыбкой, которая сделалась коварной, учитывая обстоятельства. — Она вполне живая. Работает на Миллинеров в качестве менеджера по работе с клиентами. Однако она знает все о нашем роде, и я рассказала ей все подробности. Ты пойдешь с ней, чтобы убедиться, что она не пострадает, и чтобы Готье и Питерсон знали, что мы не на их стороне или на стороне Шабаша.

— Что? Я правая рука ебаного стада? — Одно дело было сыграть роль для Виктора в Вегасе, ввести Ротштейна в заблуждение. Но поддерживать смертного, который был не более, чем рупором для сопливых Миллинеров, не прибегая к какой-то уловке, это было непростительно. — Я, блядь, не собираюсь этого делать. Иди к черту, Изабель.

Она резко обернулась и дала ему мощную пощечину.

— Ты не будешь так разговаривать со мной, понял? Это прекрасно, если это то, что ты хочешь сделать, ты можешь уйти. Ты мне ничего не должен, ты не работаешь на меня. Так что возвращайся в Нью-Йорк и дай знать всем Джованни и гангстерам, что ты не только не справился с простым заданием, но еще и убил одного из своих людей и своего босса. Иди прямо вперед. — Положив одну руку на бедро, она махнула другой в сторону двери.

Вот почему он не был счастлив.

Чез знал, что Изабель была права — чтобы выйти из этого с каким-либо достоинством, он должен был довести дело до конца. Если это означало привязаться к Изабель до тех пор, пока она не сможет собрать на столе больше кусочков головоломки, что ж, именно это ему и придется сделать. Было абсурдно, что она ожидала, что он будет слугой дипломата Миллинеров, но он не хотел думать о том, что произойдет, если он вернется в Нью-Йорк только с некрологами, которые будут сопровождать его.

Не помогло и то, что новая посредница Миллинеров была первоклассной сукой. Даже ее имя было претенциозным: Женевьева

Пендлтон. Конечно, она получила высшее образование, что автоматически делало ее высокомерной по отношению к грубому Чезу. По-видимому, она несколько лет работала в руководящем штате Миллинеров, и они позволили ей участвовать в операции, не превращая ее в гуля. Это было совсем не так, как привыкли поступать в Старом Свете, и это было не так, как Фрэнки и ему подобные приспособили свой бизнес к Новому Свету. Когда ты даешь людям знать, кто ты на самом деле, это случается либо прямо перед тем, как ты им вмазал, либо прямо перед тем, как ты сделал их гулем или сородичем. Все остальное казалось слишком опасным.

Итоговый результат: Чез не одобрял, что его подопечной оставили возможность «спрыгнуть с корабля», если все станет слишком плохо в этой ситуации «Сородичей», а Женевьева не одобряла присутствие любителя переломать колени.

Они начали препираться всего через несколько мгновений после того, как Изабель оставила их сидеть за столом. Чез пробормотал замечание о том, что Пендлтон была плохим выбором для переговоров — она не была сородичем и не могла эффективно представлять одного из них, особенно если бы они попытались использовать какие-либо из своих мистических способностей. Она утверждала, что знает сородичей вдоль и поперек, и более чем способна правильно вести себя среди них. Чез ответил агрессивно, заявив, что если бы кто-то послал своего смертного секретаря поговорить с ним о делах, то и секретарь, и предполагаемый деловой партнер в конечном итоге были бы мертвы. Пендлтон, не собираясь терпеть оскорбления от головореза, она отметила, что уверена, что именно так все менее развитые сородичи справляются со своими делами.

— Мы посмотрим, кто из нас менее развит, когда ты разозлишь другого сородича, и я тебе понадоблюсь, чтобы спасти твою тощую задницу, Джиневра.

— Женевьева.

— Неважно. Все равно рано или поздно ты станешь чьим-то ужином. Ты думаешь, Миллинеры просто позволят тебе состариться и доверят тебе все свои секреты, пока ты не умрешь?

— Это прописано в моем контракте, — парировала Пендлтон, скрестив руки на груди и выпрямившись, как будто она могла спрятаться за документом в качестве щита.

Чез фыркнул.

— Да, ну, твой контракт — полная чушь. В ту минуту, когда Миллинеры увидят в тебе скорее пассив, чем актив, они без колебаний разорвут этот контракт и тебя вместе с ним. Ты не можешь пойти в Верховный суд и заявить, что работаешь на вампиров, а они плохо к тебе относятся. — Его голос затих. — Наивная, чопорная сука.

Женевьева покачала головой.

— Ты думаешь, что ты лучше меня, потому что ты мертв? О, это

очень хорошо. Что ж, у меня есть для вас новости. Ты не можешь просто так ходить по чужим головам, потому что ты какой-то тайный, страшный вампир, знаешь ли.

— Я могу это сделать, потому что это больше не имеет для меня значения.

Это был странный ответ. Женевьева склонила голову набок.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду кодекс. Мораль, которую вы, смертные, соблюдаете. Она не имеет значения. Я — сородич, и вся эта чушь о неотъемлемых правах, которую ты отстаиваешь, ни хрена для меня не значит. Посмотри на меня! Я, блядь, пью кровь, чтобы выжить! Я убиваю людей, чтобы жить дальше... живущий... или как там, черт возьми, это должно называться.

— Это не имеет никакого смысла, — сказала Пендлтон. — Это психологически невозможно. Общество вампиров не может существовать в таком вакууме. Вот причина, по которой серийных убийц наконец-то ловят, и почему вы никогда не слышите о них, пока не произойдет что-то действительно отвратительное. Дегенеративное поведение демонстрирует закон убывающей отдачи: чем более отвратительным поступкам вы предаетесь, тем больше вам требуется, чтобы испытать острые ощущения от совершения отвратительного поступка. Ты становишься пресыщенным. По аналогии, вам пришлось бы убить, чтобы испытать даже незначительную эмоциональную реакцию, которую вы когда-то получили, скажем, от кражи в магазине. И я даже не хочу думать о том, что ты делаешь после того, как убийство становится скучным.

— Ни хрена себе, — парировал Чез. — У нас есть для этого старая поговорка: зверь ли я, иль зверем стать мне суждено? У всех нас внутри сидит дьявол, и мы должны время от времени выпускать его, иначе он полностью завладеет нами. Это как гребаная иммунизация, или микробная теория, или что-то в этом роде.

— Это невозможно. Ты не сможешь так выжить. — Пендлтон скрестила ноги, закурила сигарету.

— Чушь собачья. Чушь. После того, как ты прошел через все это так много раз, этот гнев «этот зверь» - все, что у тебя осталось, и если ты, блядь, позволишь ему победить, тебе, блядь, конец. Готово.

— Ты просто хочешь вызвать жалость — на какой хрен тебе это нужно? — Пендлтон отвернулась, ее глаза следили за струйкой дыма, когда она выдыхала его.

Глаза Чеза вспыхнули красным. Он почувствовал, как внутри поднимается кровавая желчь, и его зрение затуманилось багровым румянцем. Через мгновение он был на ногах, рывком поднял Женевьеву Пендлтон за лацканы ее дизайнерского пиджака, поднял ее так, что ее ноги повисли над землей. Он сминал ткань ее пиджака в своих кулаках. Глаза Пендлтон расширились, почти вылезли из орбит.

— Ты ебаная пизда, — прорычал Чез, оскалив губы и обнажив клыки, едва сохраняя возможность произносить понятные слова. — Никогда, блядь, не обвиняй меня в том, что я играю на этом дерьме. Мне не нужна твоя гребаная жалость. Мне не нужна твоя чертова забота или твое ебаное жалкое сочувствие. Когда ты умрешь и станешь ебаной жратвой для червей будет в гребаном сосновом ящике в шести футах под землей, я все равно буду здесь. Ты понимаешь это? Ты, блядь, понимаешь? Это проходит через твой блядский эгоцентричный рациональный маленький разум? Ты нихрена для меня не значишь. Единственное, что удерживает меня от того, чтобы оторвать твою тупую башку прямо сейчас, — это тот факт, что Изабель уже заплатила тебе за твою гребаную работу, и я не хочу иметь с ней проблем. В этом есть смысл, ты, тупая сука? Ничто из того, что ты можешь сказать, не имеет для меня ни малейшего значения. Ты для меня просто еще один блядский мешок крови.

С этими словами Чез взял себя в руки. Он швырнул Женевьеву обратно в кресло, которое опрокинулось назад, оставив ее неэлегантно распростертой на полу.

— Черт. Ты понимаешь, что я имею в виду? Я... У тебя есть муж, Пендлтон?

Женевьева не могла быть уверена, что было на уме у Чеза.

— Что?

— Муж? Ты замужем? Или, может быть, у тебя есть «спутник жизни» или что-то в этом роде?

— Я, да, замужем, — сглотнула она, поднимаясь с пола и поправляя куртку.

— Ты любишь этого парня?

— Да, люблю.

— Он значит для тебя все, верно? Он «тот самый», как говорится, нет? Единственный человек во всем мире, который абсолютно идеально подходит тебе, верно?

— Да. Я полагаю. Я люблю его... Я бы не хотела жить без него.

— Это чертовски правильно. Ну, знаешь что, Пендлтон? Я собираюсь рассказать тебе одну историю.

— Сразу после того, как я превратился — всего около ста лет назад, может быть, чуть больше — я встретил «единственную». Идеальную девушку. Я влюбился в нее всего через несколько месяцев после знакомства. Ты видишь, к чему это, блядь, привело? Я — ебанный вампир, влюбленный в смертную женщину. Я, блядь, не могу сказать ей, что я гребанный сородич. Так что я разыгрываю это — весь этот Маскарад. Я пытаюсь наладить эти отношения с этой женщиной, несмотря на то, что этого не может произойти.

— Но дело в том, что... она узнала. Она не узнала, что я, блядь, мертв,

но она знает, что есть... что-то. И это ее отталкивает. Но я не могу ей сказать, понимаешь? Я не могу раскрыть секрет, потому что это означает, что рано или поздно мне придется убить ее, а я не готов к этому. По крайней мере, пока нет.

— Так вот где я облажался. У меня есть абсолютно идеальный человек в моей... жизни, но я не могу получить ее. Я не могу сказать ей, и каждый раз, когда я пытаюсь просто «позволить этому случиться», она чувствует, что что-то не так, и это отталкивает ее. И за все гребаные подарки, которые дает не-жизнь сородичам — я сильнее, чем кто-либо другой, я могу заставить людей делать то, что я говорю им. — я просто не могу исправить ситуацию. Эту женщину, которую я люблю, я никогда, блядь, не смогу заполучить. Я не могу заставить ее полюбить меня и я не могу просто быть с ней. Это все равно что быть за тысячу гребаных миль отсюда, даже когда я рядом с ней.

— И меня от этого тошнит. Буквально. Я просыпаюсь каждую блядскую ночь с большой, пустой дырой посередине, которую я никак не могу заполнить. Никогда. И чем хуже я себя чувствую, тем больше я думаю о ней, что делает меня еще более несчастным, это заставляет меня думать о ней еще больше... Это никогда, блядь, не кончится.

— А потом она стареет, но я не старею; я остаюсь вечно молодым. И она умирает. Может быть, она выйдет замуж; может быть, и нет, но это не важно, потому что это никогда не задевало меня.

— И потом, есть еще одна женщина.

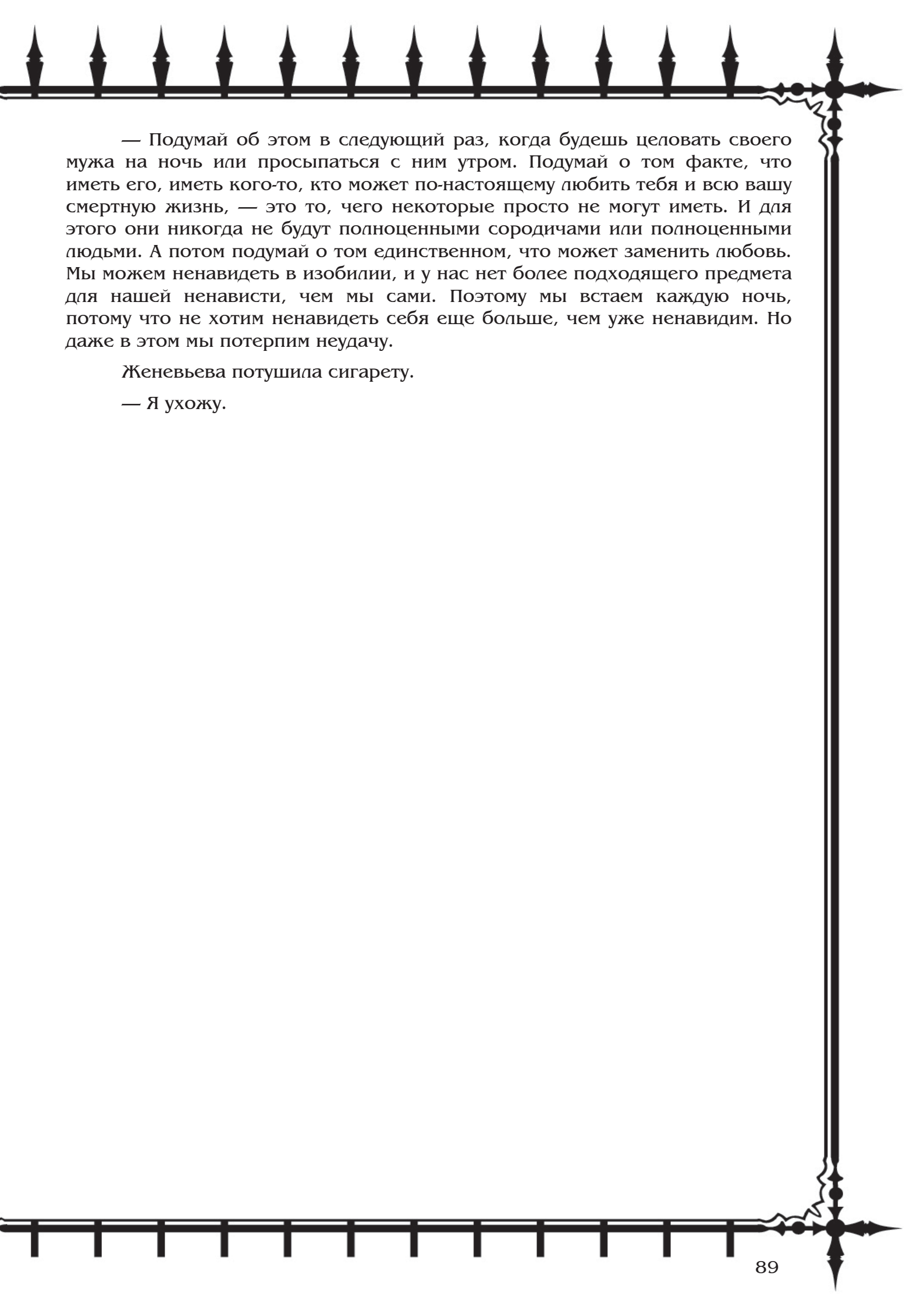
— И еще одна.

— И так далее, и так далее, каждый раз открывая одни и те же старые долбаные раны, которые просто не могут зажить, потому что у тебя никогда не будет того, что тебе нужно — этого человека, чтобы исправить это, сделать лучше. Никогда.

— И конечно, есть способы обойти это. Ты можешь превратить того, кого любишь, «сделать сородичем», но когда ты это делаешь, ты убиваешь их. Ты можешь увести их в тень: накормить их своей кровью, сделать их своими гулями, но это несправедливые отношения. Ты можешь заставить их любить себя силой крови, но это ненастоящее. В конце концов, все, что ты можешь сделать, это смотреть, как они умирают, и чувствовать, как эта чертова дыра внутри тебя с каждым разом становится все больше.

— Итак, Женевьева, блядь, Пендлтон, я никогда не смогу иметь то, что есть у тебя.. Я не могу прикоснуться к лицу женщины и заставить ее почувствовать что-то, к чему не прикасаются с естественным отвращением, что ее, блядь, трогает что-то, что не убивает. У меня никогда не может быть ничего, кроме ебаной тьмы внутри, которая становится все больше с каждой блядской ночью и хочет, чтобы я уничтожил все, с чем связан.

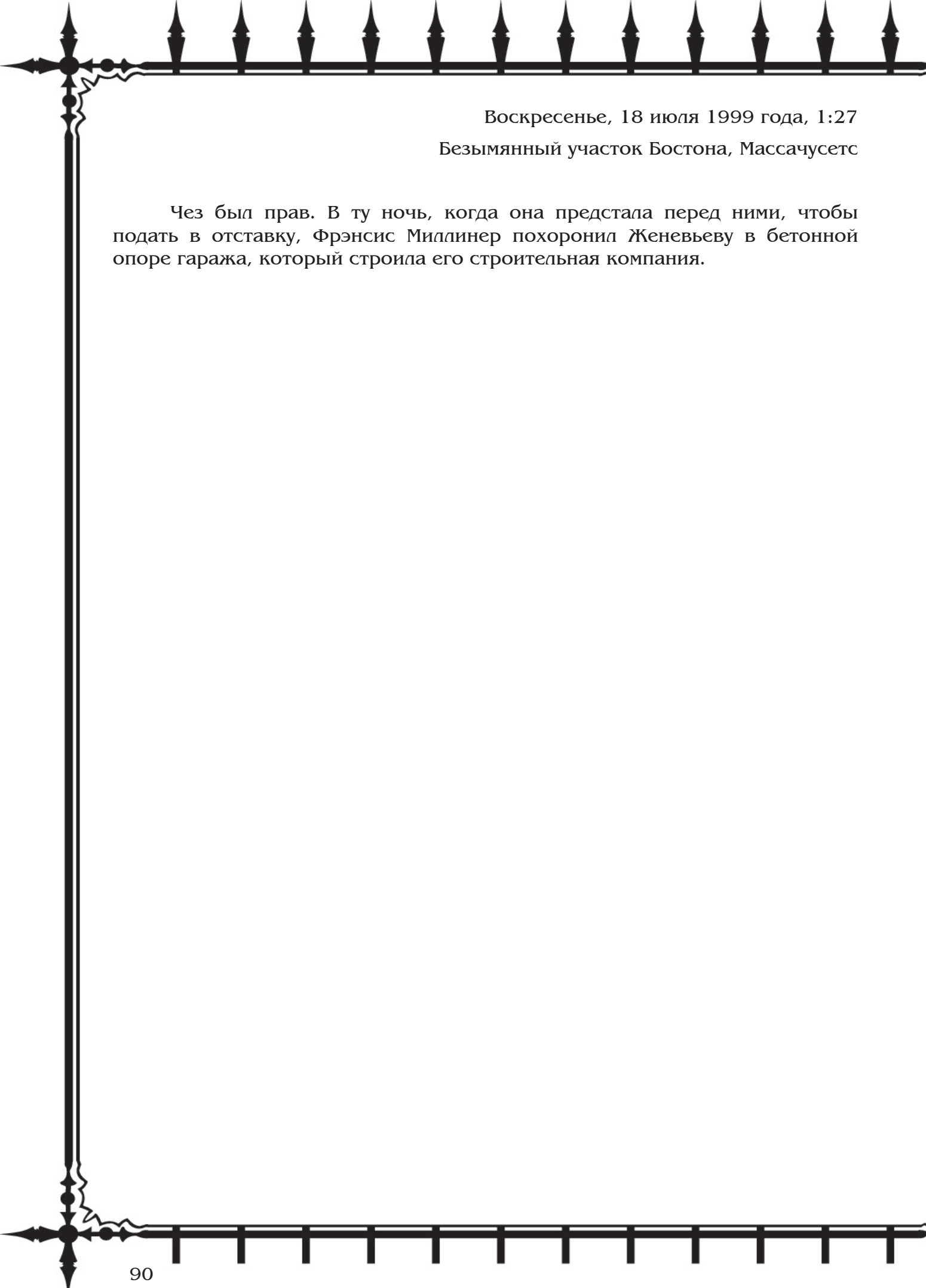
— После сотни гребаных лет этого дерьма гнев — это все, что у тебя остается. Это все, что ты можешь использовать, чтобы держать этого ебаного Зверя на расстоянии — бороться с огнем огнем.

— Подумай об этом в следующий раз, когда будешь целовать своего мужа на ночь или просыпаться с ним утром. Подумай о том факте, что иметь его, иметь кого-то, кто может по-настоящему любить тебя и всю вашу смертную жизнь, — это то, чего некоторые просто не могут иметь. И для этого они никогда не будут полноценными сородичами или полноценными людьми. А потом подумай о том единственном, что может заменить любовь. Мы можем ненавидеть в изобилии, и у нас нет более подходящего предмета для нашей ненависти, чем мы сами. Поэтому мы встаем каждую ночь, потому что не хотим ненавидеть себя еще больше, чем уже ненавидим. Но даже в этом мы потерпим неудачу.

Женевьева потушила сигарету.

— Я ухожу.

Воскресенье, 18 июля 1999 года, 1:27
Безымянный участок Бостона, Массачусетс

Чез был прав. В ту ночь, когда она предстала перед ними, чтобы подать в отставку, Фрэнсис Миллинер похоронил Женевьеву в бетонной опоре гаража, который строила его строительная компания.

Суббота, 17 июля 1999 г., 20:27

Рейс Delta 2065, международный аэропорт Логан, Бостон, Массачусетс

Вся эта дрожь разбудила Изабель, хотя она не сможет подняться еще минут сорок пять или около того. Вернее, еще через сорок пять минут она смогла бы подняться, если бы ее не упаковали, как груз, в безопасный для самолета гроб. Когда лучшие рейсы отправлялись до наступления темноты, она не находила другого подходящего способа путешествовать — передвигаться при дневном свете было нелепым риском, и она всегда была вялой до того, как солнце полностью садилось.

Не то чтобы путешествие грузовым классом было приятным путешествием. Полет в качестве трупа был единственным способом, которым это можно было сделать. Авиакомпании просвечивали рентгеном предметы, которые попадали в грузовые отсеки их самолетов, в поисках бомб и чего-то еще, и если что-то в форме человека обнаруживалось в чем угодно, кроме зарегистрированного переносного гроба, кто-то обязательно это замечал. Даже если бы им понадобилось открыть транзитный сосуд, вампиру внутри было бы нетрудно сойти за мертвого — просто сиди спокойно и позволь им тыкать в тебя. Это всегда забавляло Изабель. Каким бы нелепым это ни казалось всякий раз, когда ее уединение в путешествии грузовым способом нарушалось, по крайней мере один из людей, открывавших гроб, всегда прикасался к ней. Вероятно, любого, кто путешествовал бы со своими дорогими усопшими, встревожило бы известие о том, что над трупом надругались, но Изабель знала, что нужно помалкивать. Было бы странно, если бы она встала и позвонила обработчикам багажа, но представление, тем не менее, развлекло ее — дородный, угрюмый грузчик, падающий в обморок, когда труп, в рот которого он только что сунул палец, откусил его и выплюнул.

Однако такие размышления всегда были самой легкой частью путешествия. В течение всего полета грузу сородичей приходилось лежать неподвижно — было просто некуда деться. Обычно это не было проблемой днем, пока сородичи спали, но полеты, которые заканчивались после наступления темноты, были другим делом.

Несмотря на неудобство, зачастую действительно возникали проблемы, требующие от сородичей столь дискомфортных поездок. Так было и с поездкой Изабель в Атланту. Она знала еще до того, как приехала в Лас-Вегас, что возникла какая-то проблема с границей, разделяющей мир живых и мертвых. Поначалу старейшины клана Джованни думали, что в этом замешаны только духи умерших. Даже колдун-мошенник Амброджино Джованни был поражен, удалившись в свое святилище в поджии на две недели, чтобы оправиться от видения.

Затем члены семьи начали пропадать без вести.

Исчезли старейшины, анциллы и неонататы, а также горстка их гулей, ближайšie родственники и окружение. По всему миру Джованни годами

боролись за расширение своего влияния. По всему земному шару они исчезли за одну ночь.

Потом Амброджино позвонил ей. Один из сородичей Джованни в этом районе совершил короткое путешествие, и больше его никто не видел. Это был Фрэнки Джи, Фрэнсис Альберто Джованни дель'Агридженто... Босс Чеза. Изабель чувствовала, что Чез должен знать, что Фрэнки ушел, но она не посчитала нужным сообщать ему обо всем. По ее мнению, он бы не понял, и это было слишком серьезно, чтобы волновать Миллинеров.

Амброджино упомянул о старом клане.

Изабель была слишком молода, чтобы точно знать, что такое «старый клан», но она знала, что Джованни не пришли к их нынешнему состоянию честно. Когда-то в мрачном прошлом Джованни восстали против тех, кто сделал их вампирами, уничтожив их выводок и совершив диablerи. Конечно, многие из старого клана сбежали, и их никогда больше не видели. Если Амброджино был прав, то проблемы в землях мертвых освободили членов старого клана, которые бежали туда. Без сомнения, они были в ярости от своей судьбы и попытались бы отомстить. В ходе своих исследований Амброджино развил эту догадку, и она оказалась верной — все пропавшие или умершие Джованни в той или иной степени участвовали в уничтожении своих предков или их предков. Двое детей донна Пьетро Джованни исчезли из Праги; хамоватый Мартино делла Пассалья видел, как его отца похитило что-то, что пряталось в тени потолка в его собственном убежище. Людо Джованни, бременский летописец, оставил в своей записной книжке только незаконченную фразу как свой последний след в мире.

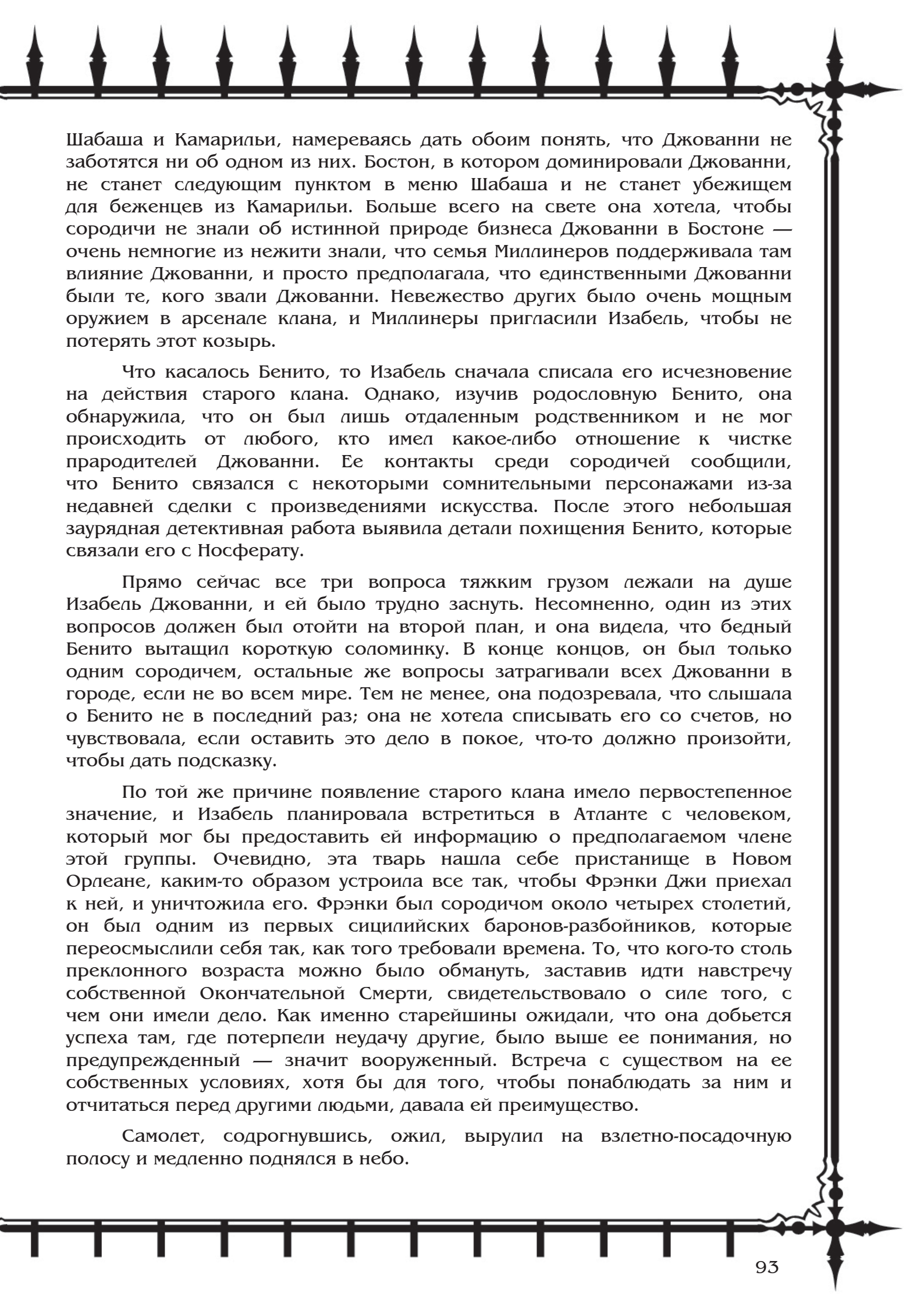
По словам Амброджино, старый клан стал называть себя Предвестниками Черепов, и они не успокоятся, пока все члены клана не будут отбракованы.

Что ж, у них определенно были амбиции. Джованни, хотя и не самый многочисленный из кланов Кейна, но он не был и самым малым. Такой погром занял бы десятилетия, если не столетия. Но, как заметил Амброджино, они ждали так долго, и на их стороне было только время.

В спешке старейшины Джованни послали многих способных агентов клана, чтобы узнать все, что они могли, об этом деле. Из той информации, которую они собрали, они пришли к выводу, что Предвестников Черепов было немного, но они были очень могущественны. Изабель была среди этих первых исследователей и знала мрачную тайну — тому, кого она искала, без сомнения, было по меньшей мере пять тысячелетий.

Конечно, этот кризис затронул только Джованни, и он не остановил вращение Земли. Изабель уже была вовлечена в два других важных дела: наблюдение за растущим завоеванием Шабашем Восточного побережья Америки и щекотливое дело, касающееся похищения Бенито Джованни.

Связь Изабель с делом на Восточном побережье была в основном вопросом консультаций. Она служила связующим звеном между членами

Шабаша и Камарильи, намереваясь дать обоим понять, что Джованни не заботятся ни об одном из них. Бостон, в котором доминировали Джованни, не станет следующим пунктом в меню Шабаша и не станет убежищем для беженцев из Камарильи. Больше всего на свете она хотела, чтобы сородичи не знали об истинной природе бизнеса Джованни в Бостоне — очень немногие из нежити знали, что семья Миллинеров поддерживала там влияние Джованни, и просто предполагала, что единственными Джованни были те, кого звали Джованни. Невежество других было очень мощным оружием в арсенале клана, и Миллинеры пригласили Изабель, чтобы не потерять этот козырь.

Что касалось Бенито, то Изабель сначала списала его исчезновение на действия старого клана. Однако, изучив родословную Бенито, она обнаружила, что он был лишь отдаленным родственником и не мог происходить от любого, кто имел какое-либо отношение к чистке прародителей Джованни. Ее контакты среди сородичей сообщили, что Бенито связался с некоторыми сомнительными персонажами из-за недавней сделки с произведениями искусства. После этого небольшая заурядная детективная работа выявила детали похищения Бенито, которые связали его с Носферату.

Прямо сейчас все три вопроса тяжким грузом лежали на душе Изабель Джованни, и ей было трудно заснуть. Несомненно, один из этих вопросов должен был отойти на второй план, и она видела, что бедный Бенито вытащил короткую соломинку. В конце концов, он был только одним сородичем, остальные же вопросы затрагивали всех Джованни в городе, если не во всем мире. Тем не менее, она подозревала, что слышала о Бенито не в последний раз; она не хотела списывать его со счетов, но чувствовала, если оставить это дело в покое, что-то должно произойти, чтобы дать подсказку.

По той же причине появление старого клана имело первостепенное значение, и Изабель планировала встретиться в Атланте с человеком, который мог бы предоставить ей информацию о предполагаемом члене этой группы. Очевидно, эта тварь нашла себе пристанище в Новом Орлеане, каким-то образом устроила все так, чтобы Фрэнки Джи приехал к ней, и уничтожил его. Фрэнки был сородичом около четырех столетий, он был одним из первых сицилийских баронов-разбойников, которые переосмыслили себя так, как того требовали времена. То, что кого-то столь преклонного возраста можно было обмануть, заставив идти навстречу собственной Окончательной Смерти, свидетельствовало о силе того, с чем они имели дело. Как именно старейшины ожидали, что она добьется успеха там, где потерпели неудачу другие, было выше ее понимания, но предупрежденный — значит вооруженный. Встреча с существом на ее собственных условиях, хотя бы для того, чтобы понаблюдать за ним и отчитаться перед другими людьми, давала ей преимущество.

Самолет, содрогнувшись, ожил, вырулил на взлетно-посадочную полосу и медленно поднялся в небо.

Среда, 21 июля 1999 г., 23:18

Новый Орлеан, Лаффит, штат Луизиана

Джейк сел. У бара был низкий потолок и французские двери, выглядевшие, как и все здания Нового Орлеана, так, как будто им было более ста лет.

Конечно, большинство из них такими и были.

Но Джейк пришел в "Лаффит" не для того, чтобы удивляться его архитектуре. И он не пришел, чтобы выпить огромное количество дайкири туристического качества, как "вампиры" за другими столами. Нет, у Джейка на уме было личное дело.

Он оглядел комнату, которая кишела веселой, легкомысленной, растроченной впустую жизнью. Выходные дни на ранней стадии разврата, местные жители, которые обманывали посетителей либо за наличные, либо за задницу, измотанные бармены и огромный мешок дерьма, сидящий за пианино, изо всех сил стараясь петь песни, которые знали тупые пьяницы. Половина из них была революционными песнями, ускоренными в несколько раз, а другая половина была тем, что считалось «старыми песнями». Джейк улыбнулся при этой мысли. «Старость» - песня, записанная в 1950-х или 60-х годах.

Это не имело значения. Никто из пьющих его не видел, да и он не интересовался, видели ли они его. Для них он был просто пьяным товарищем по оружию, ползающим по барам, чтобы хорошо провести время и выпить по дешевке. Он не представлял никакой угрозы.

Никто в этом баре понятия не имел, кто он такой. Или кем была женщина, с которой он должен был здесь встретиться. Марсия Гибберт, сородич. Последние несколько недель она проявляла живой интерес к Новому Орлеану, приехав из — Анахайма? — всего меньше месяца назад. Всякий раз, когда они с Джейком встречались, люди думали, что они пара, пара эксцентричных чернокожих любовников-нуворишей¹. Правда заключалась в том, что Марсия искала информацию об убийце, которому пять тысяч лет, и что Джейк был готов извлечь выгоду из ее безумного крестового похода. Ему было плевать на то, что ее беспокоило; она назвала это семейным делом и оставила все как есть. Джейк понял. Как Бруха, он знал, что некоторые сородичи быстро выносят суждения, основанные на чьем-то происхождении. Он принял ее за Последовательницу Сета. Может быть, Гангрел или даже еще один Бруха. Возможно, даже Каитифф, но она не казалась такой неряшливой, как большинство из тех, кого он встречал. Как бы то ни было, это не имело значения. У нее были наличные, и Джейк не мог работать иначе. Может быть, он мог бы взять нездоровых туристов на полуночную экскурсию по кладбищам...

Марсия вошла, пригнувшись под низким дверным косяком.

¹ Нувориш — (от фр. nouveau riche — новый богач, рус. скоробогач) — быстро разбогатевший человек из низкого сословия.

Вглядываясь сквозь дым, она увидела Джейка, который махнул ей рукой, указывая на свой столик с конвертом из манильской бумаги без надписи. Подавив выражение возбуждения, которое так и подмывало промелькнуть на ее лице, Марсия Гибберт спокойно заказала выпивку, чтобы продолжить шараду, и присоединилась к Джейку за его столиком.

— Ты нашел что-нибудь для меня? — Марсия улыбнулась. Она знала, что Джейк не слишком охотно старался для нее, однако не было причин быть невежливой.

Джейк оглядел свою гостью. У нее были широкие черты лица и смуглая кожа, она была мулаткой. И глаза у нее были голубые, что было необычно. Но это было неважно. Он был здесь из-за денег.

— Да, я нашел кое-что, что может тебе понравиться. Боюсь, здесь мало фактов — звучит так, будто это написал пьяница или наркоман, употребляющий опиум, но кое-что из этого может оказаться полезным.

Он подтолкнул конверт через стол, ожидая ее реакции. Если она уберет его или попытается спрятать; возможно, ему стоило бы потратить время, чтобы последовать за ней позже и посмотреть, что она задумала. С другой стороны, если бы это действительно было семейным делом, как она сказала, это могло бы быть местонахождение одного из старейших родственников ее клана, что, хотя и интересно, определенно не было тем, что он хотел бы увидеть воочию.

Марсия неторопливо открыла конверт, медленно разматывая шнурок вокруг застежки, и вытащила пачку пожелтевших бумаг, которые порвались или размякли по краям. Они были написаны ровным, декоративным почерком, чернила кое-где были повреждены влагой или кислотами на бумаге.

“Я не думаю, что Слепой Том всегда был слепым. Он выглядел как человек, который это заслужил. Этот его левый глаз, с молочно-белым блеском, и правый глаз, исчезнувший под багровым шрамом, который касался его носа, заставляли бояться на него смотреть. Я думаю, что даже не могу точно вспомнить его с обоими глазами (или, по крайней мере, с одним), но пока я помню, как звал его по имени, я знаю, что называл его Слепым Томом.

Мы ужасно хорошо проводили время, Слепой Том и я. До моего рождения он был квартирмейстером, или сержантом, или кем-то в этом роде, но с тех пор, как потерял зрение, он стал жить в подвале под домом моей матери. Мама оставила меня с ним — я думаю, она это делала, чтобы защитить меня, — в течение дня, когда она ходила на чай к своим подругам или ездила в город по делам. Мы со Слепым Томом играли в солдатиков или исследовали участок леса возле дома. Иногда мы бросали камни в аллигаторов с деревьев, но Слепой Том, казалось, никогда не получал от этого такого удовольствия, как я. Он говорил: “Не плюй в дьявола, когда он в своем собственном доме”.

Справедливости ради, я должен сказать, что я был нервным ребенком,

много болел, волновался или не спал, был склонен к приступам невероятной... энергии? Мама смеялась: "Ты видишь призраков! Ты видишь детей леса, танцующих под луной!" Когда она так причудливо выражалась, я не мог не смеяться вместе с ней, надеясь, что наше веселье поможет... вещам... Я видел ужас?

Очарование смеха не могло длиться вечно. Задолго до моего восьмого дня рождения я часто просыпался от странного звука под моей комнатой в предзвездные часы. Это звучало попеременно, как скрежет козы, бешеной курицы или пения Слепого Тома в церкви. Я звал маму, но звуки обрывались прежде, чем она успевала прийти мне на помощь.

— Ради бога, сын мой, можно подумать, что аллигаторы пришли забрать тебя! — Я знал, что эти звуки не были аллигаторами. Аллигаторы звучат как свиньи или Слепой Том, когда он выпил слишком много вина. Однако с приходом мамы звуки всегда прекращались, и я не думал об этом, когда вставал каждый последующий день.

Слепой Том проявлял признаки усталости по мере того, как я становился старше, и он, казалось, был небрежен с самим собой. Слишком часто я находил порезы на его изможденном лице или разорванные и кровоточащие пальцы.

— Почему ты такой любопытный? Разве ты не знаешь, что любопытство сгубило кошку? Я порезался, когда брлся, — отвечал он, или, — я ударился пальцами о дверь в подвал.

Моя нервозность имела определенную склонность к исследованиям — некоторые могли бы сказать, что я не по годам был любопытен и развит. Вскоре я заметил, что ужасные звуки под моей кроватью всегда предшествовали появлению новой цапаины или волдыря на теле Слепого Тома. Мой интерес пробудился с новой силой, я должен был узнать правду.

— Слепой Том, это ты вчера вечером устроил весь этот шум под моей комнатой? — невинно спросил я.

— Мальчик, ты следил за мной, и ты сделал это хорошо. — Слепой Том заговорил со мной тоном, которого я никогда не слышал прежде.

— Под твоим полом старый Дьявол, и ты просыпаешься по ночам, когда он танцует.

Должен признаться, это меня ужасно напугало. В ту ночь моя мать потеряла терпение по отношению ко мне, так как я отказался ложиться спать после многочисленных увещаний. Наконец она отнесла меня на кровать и сама укутала, предупредив, что мне придется беспокоиться не только о простой порке, если я решу сбежать из-под одеял: она бросит меня аллигаторам на болотах или домовым в лесу.

Ей не нужно было беспокоиться. Не прошло и двух минут после того, как

она вышла из моей комнаты, и начались эти звуки, и я никак не мог встать со своей койки. Я звал и звал ее, но она решила, что я капризничаю, и не прислушалась к моему зову.

Я не знаю, как долго это продолжалось, но после того, что, должно быть, было часами ужаса, я проснулся от ночного недержания мочи, и наступило утро. В тот день за завтраком я ничего не сказал, и моя мать посмотрела на меня с любопытством, но пошла по своим делам, как обычно.

— Слепой Том, — спросил я с благоговением, в его походке не было заметной хромоты. — Что за переполох был вчера ночью под моим полом?

— Черт возьми, парень, я же говорил тебе не лезть не в свое дело, не так ли? Я уже говорил, что здесь внизу старое зло, и тебе лучше оставить его наедине с его собственной злобой!

И снова в ту ночь моя мать уложила меня спать.

После того, как ее тень исчезла из дверного проема, звуки возобновились снова, на этот раз звуча как безумный волынщик, играющий адскую мелодию. Оцепенев от страха, я уставился в потолок, напрягаясь, чтобы не пошевелиться слишком сильно и не упасть в руки Люцифера. Снова я обмочился той ночью, твердо решив не покидать своих простыней, пока не сломаюсь.

Мама заметила, что на следующее утро я выглядел больным и что мне следует отдохнуть в комнате днем, пока она не вернется из дома мадам Понселукар. Она сказала мне, что попросит Слепого Тома проверить меня, чтобы убедиться, что я вообще ни в чем не нуждаюсь.

День пролетел как в бреду, и духи хихикали надо мной из длинных теней комнаты, мне так тогда показалось. В начале дня Слепой Том зашел, чтобы справиться о моем самочувствии, и я заметил в нем странную заботу о своей правой руке. Возможно, это был слабый свет, проникающий сквозь бордовые шторы, но мне показалось, что я увидел темную кровь, запятнавшую его пальто у сомнительной руки.

— Слепой Том, — взмолился я, и дрожь окрасила мой пронзительный голос. — Ты знаешь, кто поднял весь этот шум прошлой ночью под моими половицами?

Слепой Том вздохнул, прежде чем ответить, усталый и старый.

— Это был Дьявол, мой мальчик, теперь никогда больше не спрашивай о нем.

Дьявол! Под домом моей матери! Немыслимым и в то же время ощутимо реальным был ответ Слепого Тома. Неужели он действительно ожидал, что я поверю, что со всеми его странными ранами и истощением это не он там, внизу, воспитывал Каина?

Излишне говорить, что я боялся, что в ту ночь мне придется лечь спать, что наступило безжалостно рано из-за подозрений моей матери о моей надвигающейся болезни. Долгие часы я смотрел в потолок, надеясь заглушить звуки, когда они придут.

Шумы раздались поздно ночью, и по их прибытии я собрался с непоколебимой решимостью. Как бы я ни был напуган, я не мог вынести, чтобы этот мерзкий и таинственный волк в овечьей шкуре готовил какое-нибудь ужасное заклинание, чтобы досадить чахоткой, оспой или слепотой. Насколько он был ревнив, что его возмущала сила маленького мальчика, чтобы он мог ухитриться лишить ребенка зрения?

Мой ужас нарастал, и потребовалось железная сила воли, чтобы заставить меня встать с постели. Развевая белыми фалдами ночной рубашки, я схватил свечу со стола в прихожей и зажег ее от углей кухонного костра. Я выскочил ночью из кухонной двери и побежал вокруг дома туда, где находилась дверь в подвал Слепого Тома. Конечно же, оттуда поднимался ужасный звук, и я знал, что должен нарушить его проклятие или испытать его собственную горькую судьбу.

Распахнув дверь, я закричал:

— Слепой Том! Разрушь свои чары!

И прыгнул в плохо освещенные скалистые недра дома моей матери, взмахнув свечой и чуть не поджигая свою ночную рубашку.

Передо мной стоял Слепой Том, потрясенный моим появлением. Когда он повернулся ко мне — действие, которое наводило на мысль, что у него когда-то было зрение, — я увидел его губы, разбитые и окровавленные вокруг ужасной рупорной трубы, выдавливающей мелодию, когда пот выступил у него на лбу и запятнал переднюю часть куртки.

Как раз в этот момент я услышал глубокий грохот, и Слепой Том обернулся, но слишком поздно. Невидимая сила сотрясла его тело, и голова с силой откинулась назад. Слепой Том рухнул на землю, выронил трубку и, выкашляв последний сгусток липкой крови, прохрипел:

— Черт бы тебя побрал, парень, я же говорил тебе держаться подальше. Теперь он на свободе.

В шоке я уставился на него сверху вниз, но поднял глаза, когда грохочущий звук сформировал злое слово: "Завтра".

Там, в полутемном дальнем углу комнаты, стоял мертвец в черной мантии или капюшоне. Его злобный рот изогнулся в ужасно довольной улыбке. Он заговорил со мной, и его голос был подобен стали, натянутой на камень.

— Спасибо тебе, мальчик. У меня есть работа, которую нужно сделать, и люди, которых нужно увидеть.

Это ужасное видение растворилось в ничто, оставив комнату окутанной тенью и тяжелым воздухом.

Именно тогда я сбежал из погреба, бежал на север, пока не упал и не оглянулся. В течение нескольких дней каждая капля энергии, которую я мог собрать, помогала мне продвигаться все дальше и дальше от этого адского места. Даже после того, как я вытолз из своей измученной, изголодавшейся мании и отправился в какой бы то ни было город, я больше не произнес ни слова. И я никогда не возвращался в дом моей матери, где ходят мертвецы, и только ужасные ночные песни могут держать их на расстоянии”.

— Что это такое? Откуда он взялся? — спросила Марсия Джейка, широко раскрыв глаза и быстро произнося слова. — Кто тебе его дал? Видели ли они что-нибудь из того, что описано в этом рассказе?

— Черт, притормози.

Джейк немного отодвинулся от стола, как бы для того, чтобы провести разговор на дистанции.

— Важнее то, хочешь ли ты этого? И сколько вы можете мне заплатить, чтобы оно стоило того, чтобы я его вам отдал?

Марсия, не привыкшая иметь дело с сородичами, открыла торги по низкой цене — наличные были в легком доступе, особенно для Джованни.

— Я дам тебе за это шесть тысяч, если ты ответишь на остальные мои вопросы. У меня есть деньги здесь, в Новом Орлеане, наличными, которые ты можешь получить сегодня вечером.

— Шесть больших за дневник какого-то мертвеца? Звучит довольно круто. Должно быть, чего-то стоит. Интересно, что у тебя еще есть? — Внося свой вклад в продолжение бесконечного танца Джихада, каким бы незначительным ни было отдельное движение, Джейк протянул руку.

— Мое самое непосредственное предложение — это наличные. Сегодня вечером — шестьдесят пять сотен, — возразила Марсия.

— Вот что я тебе скажу, сестра. Мне не нужны деньги. Я отдам тебе бумаги. Я даже расскажу тебе предысторию. Но ты у меня в долгу. Я могу обратиться к тебе один раз, в любое время, за небольшим одолжением. Это не обязательно потребует, чтобы ты была здесь, но тебе придется помочь мне, когда мне это понадобится.

Марсия с минуту делала вид, что обдумывает это. Джейку хотелось какого-нибудь незначительного блага, такого рода обещания, на которых процветала Камарилья. Небольшая цена, если бы это была, по крайней мере, недавняя и достоверная запись о том, что древний убийца, которого она искала, когда-то нашел здесь убежище.

— Договорились, — сказала она.

— Мило, — съязвил Джейк, когда они пожали друг другу руки. — Итак, что еще тебе нужно знать?

— Ну, во-первых, что это такое? Это кусок чего-то большего?

— Нет, это запись в дневнике, которую кто-то, кого я знаю, нашел в подвале одного из домов у болот. Остальные бумаги в сумке были просто записями: финансы, свидетельства о рождении, аннулированные документы и так далее. Не похоже, чтобы ты искал что-то из этого.

— Нет, это не так. Мне просто нужны места... где это было?

— Я бы сказал, в пределах двадцати миль отсюда. Я могу доставить тебя туда.

— Было ли что-нибудь еще в подвале? Какие-нибудь самодельные гробы или что-нибудь в этом роде?

— Господи, говори потише. Эти люди пьяны, а не глупы. И нет, место было выбрано чисто. Он пустовал около сорока лет: кто-то купил поместье некоторое время назад за гроши, но с тех пор никто не въезжал.

Марсия недоверчиво посмотрела на него.

— Как может существовать подвал на болоте?

Она приподняла одну бровь, давая Джейку понять, что надеется уличить его во лжи. Было бы легко сфабриковать такие вещи; если бы она узнала, что это ложь, ему не стало бы хуже от усилий, а если бы она никогда не узнала, она бы ни за что не оплатила за свою услугу.

— Дом был построен над гротом. Штормовой погреб — это естественная скальная пещера, расположенная над уровнем грунтовых вод. Они просто соорудили штормовую дверь над входом в пещеру и поставили дом прямо рядом с ней. Я думаю, что в самом журнале есть упоминание о каменных стенах.

— Хорошо, так как же мы узнаем, что этот дом — тот, о котором написано в журнале? Там сказано, что он никогда не возвращался.

— Посмотрите на оборотную сторону последней страницы — эта вещь была отправлена как письмо, обратно в сам дом. И я провел небольшое исследование, найдя имя Понселукард в праве собственности на участок недвижимости примерно в половине ночи ходьбы отсюда. Название было датировано 1860 годом, когда, предположительно, Понселукарды купили свой дом. Кроме того, я не прочь похвалить свою собственную сообразительность: в доме, где это было найдено, есть гнилой набор бордовых штор в том, что могло бы быть комнатой дневного отдыха. Само по себе это ничего не доказывает, но это незначительная деталь, которая соответствует описанию.

— Так ты нашел это в особняке? — Марсия продолжила.

— Нет, это сделал кто-то, кого я знаю. Я просто проверил детали позже. Я должен держать в тайне своих информаторов, разве ты не знаешь. — Джейк улыбнулся, на что Марсия скромно ответила.

— Хорошо, я буду уважать вашу секретность.

— Ты не хочешь знать, сделал ли я какие-нибудь копии?

— Мне все равно, даже если бы ты это сделал.

— И ты не хочешь посмотреть дом?

— У меня есть адрес. — Марсия указала на конец последней страницы.

— Итак, мы договорились на услугу. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Все действительно так.

— Тогда удачи, — заметил Джейк без тени улыбки. — Если я тебе понадобится, ты знаешь, где меня найти.

— Спасибо, Джейк. Я пойду своим обычным путем.

Джейк закатил глаза, когда Марсия встала, “случайно” опрокинув свой напиток, чтобы никто не увидел, что она к нему не прикасалась.

Она рывкнула:

— И я никогда больше не хочу тебя видеть! — Прежде чем выбежать из Лаффита, недостаточно громко, чтобы устроить грандиозное зрелище, но с достаточной драматичностью, чтобы убедить всех пьяниц, что она и ее “парень” поссорились.

Краснолицый мужчина за столом позади похлопал Джейка по плечу.

— Разве ты не собираешься пойти за ней?

Джейк покачал головой, не глядя на своего собеседника.

— Нет, мы закончили. Я видел ее в последний раз.

Он задавался вопросом, окажется ли это действительно так.

Пятница, 23 июля 1999 г., 00:27

Скиния, Атланта, Джорджия

Сбитый с толку юноша в оранжевой рубашке и широких брюках, очевидно, под влиянием какого-то галлюцинаторного демона, пошатываясь, прошел мимо бара. Он что-то крикнул одному из своих друзей, что застало другого парня врасплох, который, в свою очередь, бросил взгляд "О Боже" на другого члена группы, прежде чем одним огромным глотком допил остатки своей пластиковой бутылки пива.

Изабель Джованни и Марсия Гибберт обменялись понимающими взглядами — если кому-нибудь из них понадобится кровь до конца вечера, все будет готово к приему. Конечно, здешняя кровь также, скорее всего, будет пронизана бесконечным количеством дизайнерских химикатов и более органическими веществами.

Они обе сориентировались на стиль одежды собравшихся здесь: прямые брюки цвета хаки, слишком большие для них, и крошечные футболки, которые облегли их торсы. Марсия заплела свои кудрявые волосы в косички; Изабель собрала свои прямые черные локоны в пару конских хвостов. Они идеально сливались с толпой.

Однако любой, кто знал секреты этих сородичей, счел бы это совершенно неуместным: пара каинитов, каждому из которых не менее ста лет, одетых по моде, принятой в мире смертных всего несколько лет назад.

Почти по иронии судьбы они выглядели сногшибательно, и, казалось бы, непрерывный поток либидо подошел к ним и пригрозил купить им выпивку.

— Скажи мне, почему мы снова здесь? — Марсия наполовину пошутила.

— Потому что никто из наших знакомых не пришел бы сюда, и потому что никому из этих людей не будет дела до того, что мы делаем, и они не вспомнят нас, если попытаются, — улыбнулась Изабель.

Они поднялись по лестнице, ведущей в гостиную сразу за уборными, но подальше от танцпола внизу и стадиона этажом выше. Толпа перед сценой энергично бурлила, некоторые находились в состоянии естественного ликования, другие — в состоянии наркотического безумия. Исполнитель на сцене смешал странную версию одной из своих фирменных песен, образцы танца в стиле серф-панк, наложенные на мелодию и гармонию старой классики Rolling Stones. Изабель и Марсия были просто еще двумя гостями на шумной вечеринке.

Марсия сняла свой стильный, но в то же время функциональный рюкзак, который в настоящее время был в моде среди любителей аксессуаров. Из него она извлекла дневник, который получила накануне вечером в Новом Орлеане. Они вдвоем сидели на потрепанном кожаном диване, еще больше отдаляясь от толпы.

— Это все? — спросила Изабель.

— Все это дело. Похоже, то, за чем ты охотилась, оставалось на одной из плантаций в течение последних ста лет. Это самое последнее наблюдение, которое я нашла. Если он так стар, как ты думаешь, то, вероятно, с тех пор он снова впал в оцепенение, так как после этого его, похоже, никто больше не видел. Я проверила все разумные места в пределах двух штатов Луизианы и даже некоторые морские нефтяные вышки в Мексиканском заливе. Ничего. Я не могу представить, почему Мафусаил отправился бы в Миссисипи или Восточный Техас, если бы он не пытался спрятаться, что, если он охотился за нами, как ты говоришь, не соответствовало бы тому, что он собирался делать.

— Ты, наверное, права... Я не даже не думаю, что это мы хотим его найти, а не он нас. С другой стороны, это спорный вопрос. Я даже не собираюсь притворяться, что способна перехитрить его. Если он так стар, как мы думаем, он должен быть очень хитрым, чтобы не оставить следов своего присутствия.

— Ты действительно думаешь, что это кто-то из старого клана? — спросила Марсия.

— Я не знаю. Сейчас невозможно сказать, но, похоже, он ненавидит Джованни настолько, чтобы убить конкретно нас. Фрэнки Джи — только самый последний, и когда он исчез в Новом Орлеане, я знала, что это было не из-за дела Майло Ротштейна. Вероятно, оно учуяло его в тот момент, когда он ступил в город. — Изабель сосредоточилась на лежащем перед ней документе, ища любую зацепку, которая могла бы убедить, что монстр под домом действительно был мстительным сородичом. Дневник казался странным — гораздо более поэтический отчет о событии, чем можно было бы подумать, если бы он появился в дневнике. Тем не менее, она не только понятия не имела о личности монстра, но и понятия не имела о личности автора. Тем не менее, оно не было написано енохийскими, санскритскими или египетскими иероглифами, поэтому она надеялась, что сможет исключить возможность того, что его создало само существо.

— Ты проходила мимо самого дома?

— Нет, — сказала Марсия. — Я не думала, что это будет разумно. Если бы эта штука все еще была там, у меня не было бы никаких шансов против нее, и единственное, что мне пришлось бы делать, — это исчезнуть.

Она слегка вздрогнула, несмотря на сильную жару концертного зала, которая была нагрета сверх обычного танцующими вокруг смертными.

— Я надеюсь, что эти страницы помогут тебе. Мне пришлось пообещать услугу, чтобы получить их.

Изабель подняла глаза, на ее губах играла тонкая улыбка.

— С Джейком Алмерсоном? В следующий раз, когда будешь с ним разговаривать, скажи ему, что ты ему ничего не должна. И скажи ему, что он мне тоже ничего не должен.

Марсия капризно кивнула и тоже обратила внимание на дневник.

— Утром вас ждет сложный тест? — Отвлеченные дневником и оглушительной музыкой, ни Марсия, ни Изабель не заметили приближения молодого человека в теннисном козырьке.

— Отвали, — почти автоматически парировала Марсия, поднимая глаза, чтобы встретиться с ним взглядом. Однако она остановила свою попытку прогнать его, когда почувствовала холодную руку Изабель на своей руке.

— Нет, подожди, — сказала Изабель. — Все в порядке.

Марсия повернулась, чтобы посмотреть на нее, и увидела, как она подмигнула; Изабель надеялась, что поклонник тоже заметил это подмигивание.

Раздвинув их своей задницей, новоприбывший опустился на диван между ними.

— Я — Скотт. Кто-нибудь из вас хочет что-нибудь выпить?

Изабель перешла в режим флирта. Она многозначительно посмотрела на Марсию.

— О, я не знаю. Но, наверное, я немного хочу пить.

При этом последнем замечании Марсия покачала головой и улыбнулась.

— Девочка, у тебя нет стыда. — Затем она повернулась к Скотту. — Я — Патрис. Приятно познакомиться, Скотт. Извини, что так тебя оборвала.

На лице Скотта появилась застенчивая ухмылка.

— Да, ну, я действительно не ожидал увидеть, что кто-то просматривает блокнот на этом шоу, — он посмотрел на Изабель. — Прости, красавица, как тебя зовут?

— Хлоя.

— Это действительно классное имя. И знаешь, что еще? У тебя красивые...

— Глаза? — перебила Изабель.

— Как ты узнала, что я собирался это сказать? — спросил Скотт с широкой улыбкой.

Вмешалась Марсия:

— Потому что так говорит каждый ублюдок, когда пытается забрать домой отличный кусок киски.

Она скорчила Изабель гротескную гримасу, играя роль скучной клубной девчонки, но давая Изабель понять, насколько глупой она себя считает.

Изабель, однако, к этому моменту была полностью довольна собой. Было удивительно, как часто сосуд падал на колени перед сородичем, не

подозревая, что его ждет.

— Заткнись, Патрис. Ты собираешься свести на нет мои шансы с этим лихим южным джентльменом.

«О, так это теперь игра, не так ли, Изабель? — Марсия подумала про себя. — Что ж, у меня это получается лучше, чем у тебя. Посмотрим, сможет ли твоя старая задница не отстать от кого-то, кто молод».

Изабель с трудом сдержала улыбку, словно прочитав мысли Марсии. Охота была в разгаре.

Скотту, конечно, нравилась каждая минута. Знал ли он, когда выбирал двух женщин, что они будут так отзывчивы к нему. Ему даже не нужно было использовать свое безграничное обаяние — он списал это на силу природной харизмы. На самом деле, больше всего трудностей, которые доставляли ему эти дамы, было в принятии решения между ними.

«Какого черта, — рассуждал Скотт, решая попытаться затащить их обоих в постель. — В конце концов, жизнь скучна без небольшого риска».

При таком раскладе вещей худшее, что он мог бы сделать, — это заполнить только одну из них.

Инсинуации продолжались, Изабель и Марсия травили Скотта и друг друга, а Скотт отвечал, не оставляя никаких вопросов относительно его единственной цели. «Патрис» обняла своего поклонника за плечи; «Хлоя» скрестила ноги так, чтобы одна из них лежала поверх его коленей. Скотт ухмыльнулся и потянулся назад, устраиваясь поудобнее и позволяя женщинам сражаться на поле его тела. Марсия наклонилась, чтобы поцеловать его в ухо, Изабель оторвала его голову от соперницы и положила себе на плечо. Скотт раздвинул ноги в стороны, предоставляя им обоим больший и равный доступ к его сладострастной щедрости. Марсия дернула его за рубашку на себя и закинула одну ногу ему на спину, сухо обхватив бедро. Изабель сомкнула свои губы вокруг его губ, гоняясь за его ленивым языком. Уверенный в своей неминуемой плотской победе, Скотт осмелел и скользнул рукой под рубашку Изабель, его рука неумело мяла плоть ее маленькой груди, которая, казалось, не возражала против того. Изабель пришлось подавить приступ смеха над его неуклюжей лотарианской неумелостью, но кровь есть кровь, поэтому она упорствовала, бросив улыбку Марсии после того, как прервала поцелуй.

— Почему бы нам не переместиться обратно в отель? — предложила Изабель. — Ночь только началась.

С затуманенными глазами Скотт согласился. Марсия подняла его с дивана за руку. Очевидно, для него не имело значения, что его любовницы не были местными. На самом деле, все, что имело для него значение, — это повторяющаяся мысль «я не могу поверить, что это происходит».

Влюбленное трио быстро преодолело пять кварталов до отеля Westin Reachtree, ненадолго остановившись в баре отеля, чтобы выпить почти нетронутый martini с водкой и заслужить насмешливые взгляды других гостей. Однако выпивка задержала их только на время, и через десять

минут они расплатились по счету, поднялись на лифте и остановились перед комнатой Изабель.

“Патрис” устроила грандиозное шоу, взяась с ключом, хотя она знала, что в этом, вероятно, не было необходимости. Скотт не обращал внимания на детали с тех пор, как он пробрался на диван в Скинии. Она толкнула дверь, вошла, пошатываясь, внутрь и рухнула навзничь на огромную кровать.

Это было все, в чем нуждался Скотт. Он намеренно подошел к ней в пьяной попытке соблазниться и просунул колени между ее ног, которые Марсия оставила немного раздвинутыми.

Изабель, больше не притворяясь, тихо закрыла дверь. Она выключила свет, который оставила включенным перед уходом в концертный зал.

Тем временем Скотт бесцеремонно снял рюкзак Марсии и оставил его рядом с кроватью. Он стянул ее футболку через голову и бросил поверх рюкзака. Марсия хихикнула: «Господи, он облизнул губы».

Изабель воспользовалась возможностью снять со Скотта рубашку на свой манер — она разорвала ее на шее и разрежала вниз, стянув ее с его тела, как куртку, которую надели задом наперед. Он на мгновение обернулся, сверкая глазами, готовясь к похотливому блюду, который, без сомнения, должен был последовать, только чтобы увидеть, как она оценивает его тело. У Скотта были хорошо очерченные мышцы, но недостаточно крупные, чтобы сделать его слишком большим. Дрожь тщетного удовольствия пронзила его: «Да, я знаю, что хорошо выгляжу». Но Марсия отвлекла его, вернув к себе, потянув за переднюю часть его брюк, и ее пальцы быстро пробрались сверху к его поясу. Изабель принялась водить руками по его спине и грудным мышцам. Не желая лишать своих любовниц доступа к своему величайшему призу ни на секунду дольше, Скотт сам расстегнул пуговицу и молнию на брюках, в то время как Изабель отбросила в сторону его бейсболку. Марсия схватила резинку его открытых боксерских шорт и сдернула их вниз, обнажая его возбуждение.

«В конце концов, у него действительно есть причина быть таким самодовольным,» — подумала Марсия прежде, чем взять его обхват в рот. И ждала физического сигнала...

Марсия почувствовала, как тело Скотта внезапно напряглось. Она подняла глаза как раз в тот момент, когда его адский крик оборвался, заглушенный мощной рукой Изабель, которая зажала ему рот и сломала челюсть. Сама Изабель смотрела на Марсию сверху вниз, кусая его между плечом и шеей, ее глаза остекленели, когда прожорливый Зверь разжирел от крови молодого человека. Затем Марсия обнажила свои клыки, пронзая набухший пенис Скотта и глотая богатую кровь, которая прилила в его возбуждении.

Скотт яростно дернулся, удерживаемый на месте Изабель, которая прижала его руки к месту и заставила замолчать, и Марсией, которая

держала его за ноги, не давая ему подогнуться или упасть. Он чувствовал себя так, словно его тело облили кислотой, — его кровь превратилась в огонь, вытекая из его тела и попадая в пасти ведьм, которые обманули его. Он пинался, трясся, но безрезультатно. Даже когда он устал, его кровь больше не могла доставлять кислород к конечностям, его истощение было мучительным.

«Вот, должно быть, каково это — сгореть заживо, — подумал Скотт. Слезы катились по его щекам, из носа текла кровь, и он чувствовал во рту медно — металлический привкус крови от того места, где Хлоя раздробила ему нижнюю челюсть голый рукой. — Вот каково это — умереть от яда. И эти монстры реальны».

Сородичи не торопились вытягивать из Скотта драгоценные жизненные силы, продлевая его агонию. Ослабленный потерей крови, Скотт больше не мог сопротивляться им, когда они прервали поцелуй и переместили свои рты на другие части его тела. Они вскрыли его запястья и внутреннюю часть бедер, выпили из его языка и из покрытой рябью плоти чуть ниже левой груди. В течение получаса Марсия и Изабель кормились из своего жалкого сосуда, совершая акт, как если бы это был секс со смертными — соблазнительный, похотливый, оргазмический, низменный и очищающий одновременно.

Когда обе женщины закончили, Изабель встала и убрала пряди волос с глаз.

— Я не собиралась его убивать.

— Я тоже, — сказала Марсия, снова натягивая топ. — Но я не могла остановиться, как только это началось.

— Помоги мне одеть его обратно. Мы выведем его отсюда, как будто он вырубился пьяным, и оставим тело где-нибудь.

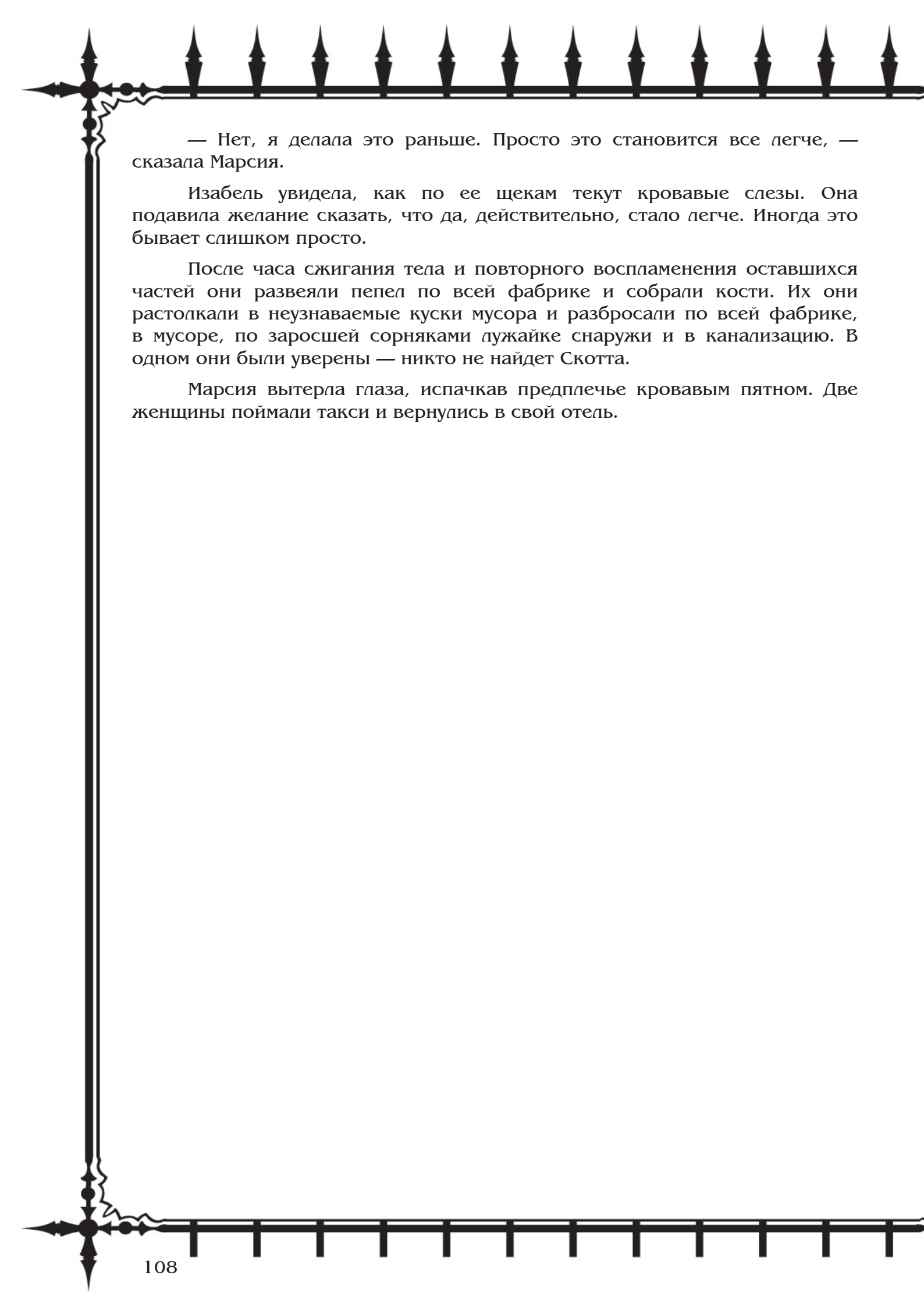
— Он становится синим!

— Да, это случается, когда в твоих венах нет крови. Быстро. У меня в ванной есть косметика. Посыпь его пудрой и румянами, пока я вызову такси.

Марсия сделала, как ей было сказано. Двадцать минут спустя Сородичи и их мертвый спутник взяли такси и поехали в окрестности форта Макферсон, в южной части Атланты. Они ворвались на заброшенную фабрику по производству коробок, окружили труп гофрированным картоном, облили его жидкостью для зажигалок и подожгли все это безобразие.

— Это пиздец, — прокомментировала Марсия, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ну, это, конечно, неудобно. Но думай об этом так, как будто ты готовишь пищу подобно смертному. За исключением того, что, как сородич, ты можешь поесть, прежде чем поджаришь пищу. — Изабель пожала плечами.

— Нет, я делала это раньше. Просто это становится все легче, — сказала Марсия.

Изабель увидела, как по ее щекам текут кровавые слезы. Она подавила желание сказать, что да, действительно, стало легче. Иногда это бывает слишком просто.

После часа сжигания тела и повторного воспламенения оставшихся частей они развеяли пепел по всей фабрике и собрали кости. Их они растолкали в неузнаваемые куски мусора и разбросали по всей фабрике, в мусоре, по заросшей сорняками лужайке снаружи и в канализацию. В одном они были уверены — никто не найдет Скотта.

Марсия вытерла глаза, испачкав предплечье кровавым пятном. Две женщины поймали такси и вернулись в свой отель.

Четверг, 29 июля 1999 года, 3:43

Ресторан «Времена года», Бостонский отель Бостон, Массачусетс

Эта ночь могла закончиться только катастрофой. Это все, что знал Чез. Изабель ожидала, что он будет сопровождать Женевьеву Пендлтон в ее беседе с дипломатом Камарильи Жаком Готье. Пендлтон была мертва, Готье был напыщен, Изабель не очень-то жаловала дипломата, когда они встречались в последний раз, и Чез хотел разорвать парня пополам из принципа.

В интересах того, чтобы все не превратилось в полный групповой трах, Чез держал свое участие довольно сдержано. Изабель не позвонила ему, а это означало, что Миллинеры предположили, что она занимается всем после того, как они получили отставку Пендлтон, и не беспокоили ее. Лучшее, что он мог сделать, это...

«Ну, что? Выиграть время? Сказать Готье, чтобы он пошел к черту?»

Чез должен был встретиться с парнем. У него не было контактной информации Готье, чтобы отложить встречу, но он не знал, какова будет позиция Джованни. Конечно, у него была идея после разговора с Изабель, но он не знал никаких деталей, и «пошел ты, мы собираемся оставаться нейтральными», казалось, не лучшим способом справиться с ситуацией.

Чез решил, что лучше всего встретиться с Готье и сказать ему, что Джованни нужно немного больше времени, чтобы обдумать, что они планируют делать. После этого Изабель сможет с этим справиться. Если повезет, Чез отделается лишь незначительным наказанием за то, что косвенно — ну, хорошо, прямо — испортил ситуацию в первую очередь, предотвратив ее ухудшение.

Но Чез знал, что такого дерьма никогда не случилось. Что-то плохое должно было случиться. Он чувствовал, как беспокойство гложет его. Когда он проснулся, он побрился и оделся к вечеру. Чтобы быть уверенным, он оставил свой пистолет и кастет в гостевом доме Миллинеров, где остановился, и не потрудился достать из багажника машины обрез луйсвилльского отбойника.

Жак приехал рано, что было хорошим знаком. Это показывало, что он серьезно отнесся к этому вопросу и больше заботился о содержании встречи, чем о своем собственном статусе.

«Может быть, в конце концов, это не будет такой уж проблемой», - подумал Чез про себя. Тем не менее, Жак и Чез не были особенно любезны друг с другом во время их последней встречи.

— Добрый вечер, мистер Готье, — поприветствовал эмиссара Чез.

— Добрый вечер, мистер Джованни, — ответил Готье в том же духе.
— Где уважаемая мисс Джованни?

— Что-то случилось в последнюю минуту, и она не смогла до вас

дозвониться.

— Я был свободен всю ночь. Фактически каждую ночь в течение последних двух недель. Я даже оставил ей информацию о том, как оставить сообщение для меня в течение дня, если произойдет что-то странное.

— Я понимаю это, мистер Готье, и приношу свои извинения.

Чез хотел вернуться к обывательству, которое подходило ему раньше, когда он имел дело с этим придурком, но это не сделало бы ситуацию более гладкой.

— Она оставила другого представителя клана — не слишком далеко от истины, — чтобы присутствовать на этой встрече, но что-то произошло, из-за чего она не смогла присутствовать.

— Я понимаю. Итак, первоначальный переговорщик, с которым я говорил о наших общих проблемах, ушел и назначил кого-то ответственным, кто не мог присутствовать на нашей встрече, тем самым оставив только телохранителя, который присутствовал на первой встрече. Конечно, очень неделикатное решение.

— Уймись, я не телохранитель Изабель.

— Тогда кто же вы, мистер Джованни?

— Мы работаем над чем-то еще вместе.

— Прощу прощения? — Готье недоверчиво посмотрел на него. Он поднял брови таким образом, что можно было предположить, что ему было бы весьма интересно услышать, что может быть более важным, чем консультация с высокопоставленным лицом Камарильи в разгар конфликта сект.

— Что-то другое. Не связанное с интересами Камарильи в Бостоне.

— О, я прекрасно понимаю. Позвольте мне обрисовать ситуацию так, как я ее вижу. Член вашего клана принимает меня, а затем решает, что что-то еще требует ее времени больше, чем рассмотрение первоначальной проблемы. Вместо нее она оставляет доверенное лицо, у которого также есть дела в другом месте. И человек, который наконец-то соизволил встретиться со мной, чтобы решить этот вопрос, на самом деле не имеет никакого отношения к ситуации в первую очередь. Боюсь, это выглядит не очень хорошо, мистер Джованни. В лучшем случае, даже если я решу, что клан Джованни не решил проявлять симпатии к Шабашу, он, безусловно, не намерен заключать какое-либо соглашение с Камарильей, потому что он даже не прислушивается к их представителям. Я прав?

— Ну, нет, не совсем, — Чез почувствовал, что смущается, а затем злится. Он знал, как это выглядит, и знал, что ему придется сделать несколько замечаний за это, однако не было необходимости продолжать нагнетать ситуацию.

— О, не совсем так? Ну, тогда, мистер Джованни, пожалуйста, скажите мне, какое именно впечатление я должен произвести на вас в

связи с нынешним поворотом событий?

— Послушай, чувак, я пытаюсь тебе сказать...

— Не предполагайте таких неформальных отношений, мистер Джованни. Я могу заверить вас, что даже если бы я решил проигнорировать полное неуважение, которое вы, очевидно, проявили ко мне, я все же не упустил бы из виду тот факт, что коллективные Джованни Бостона так низко оценивают Камарилью, что они не решаются относиться к ней как к серьезному партнеру, даже когда сталкиваются с возможностью причинения вреда самим себе от рук общего врага. Независимо от того, принимаете ли вы открыто наши предложения или нет, мистер Джованни, игнорирование угрозы, исходящей от Шабаша, не избавит вас от этого.

— Эй, ты хочешь послушать меня? Я облажался. Это не вина Изабель, и это не то, что задумал клан. Я случайно испортил ситуацию с той женщиной, которая должна была с тобой поговорить, и не знал, где тебя найти. И вместо того, чтобы просто отказываться или бежать, я просто подумал, что расскажу тебе, что произошло.

— Немыслимо!

— Эй, приятель, иногда все идет не так, как надо. Это один из таких случаев. Извини, что это случилось с тобой.

— Как и должно быть. У тебя есть какие-нибудь идеи...

— Слушай, не будь таким чертовски ханжеским. Ты же не хочешь, чтобы я вернулся и рассказал всем, что ты начинаешь возмущаться, потому что это может повредить твоим драгоценным отношениям или тому, о чем ты только что болтал. — Чез не мог устоять перед искушением. Несмотря на то, что он почти обезвредил Готье, его самообладание не позволяло ему сдаться.

Готье выглядел потрясенным. С ним никогда еще не говорили так откровенно, по крайней мере, не в лицо — особенно тот, кто по праву должен был занять почтительную позицию.

— Вам лучше остановиться, мистер Джованни. Пока вы не нанесли еще какой-либо ущерб этому потенциально взрывоопасному союзу, я думаю, вам следует придержать язык.

— Не говори со мной свысока, ты, тупой ублюдок, или я устрою тебе взбучку за твою не-жизнь. Я извинился! Изабель все исправит, так что просто заткнись нахрен и пусть все вернется на круги своя!

«Какого хрена я делаю? — Чез удивился про себя, но не мог остановиться. Готье зашел слишком далеко всего несколькими словами! — Чез, черт возьми, приструни его!»

Голос в голове Чеза не контролировал ситуацию, это делало что-то другое. Он не говорил ничего такого, о чем активно думал; неконтролируемая часть его пробудилась ото сна и взяла верх.

— Угрозы? — Это было утверждение, а не вопрос. Голос Жака стал зловеще глубоким, а глаза сфокусировались в пристальном взгляде.

— Я не позволю тебе угрожать мне! Ты слышишь меня, щенок?! — Это последнее он перемежал рычанием и плевком, его клыки торчали наружу, показывая его как монстра, которым он действительно был. Руки Жака превратились в когти, его лицо исказила маска ярости. Чез, ошеломленный, отпрянул от увядающей демонстрации Готье — на короткую секунду, прежде чем его собственный Зверь порвал цепь, на которой был привязан. Сжав руки в кулаки, он бросился на Готье, когда видения крови и убийства пронеслись в его голове.

Однако Жак оказался слишком проворным и быстро уклонился в сторону. Чез пронесся мимо, опрокинув стол, разбросав приборы по всей комнате. Готье оглянулся через плечо, его глаза сузились, пронзительный смех вырвался из его демонического рта. Слишком быстро, чтобы Чез мог видеть, он побежал на кухню. Действительно, если бы Чез не видел, как открылась дверь, он бы не узнал, что Готье прошел через нее. Как разъяренное животное он последовал за целью, ворвавшись в дверь с достаточной силой, чтобы отшвырнуть в сторону любого, кто ждал бы за ней.

К счастью, даже персонал к этому времени покинул ресторан, иначе тела наверняка усеяли бы кухонный пол. Комната была освещена стерильным белым светом, который внезапно превратился во мрак. Если бы Чез был в состоянии ясно мыслить, он бы догадался, что Жак может видеть при меньшем освещении, и выключил свет, чтобы дать себе преимущество. Однако в его безумном состоянии разум покинул его, и он вслепую бросился туда, где, как он предполагал, должен был быть выключатель. По одну сторону от него стоял огромный ряд плит и печей, по другую — высокий ряд полок, уставленных огромными банками с едой. Чез сильно толкнулся в этом направлении, опрокинув полку и все, что стояло на ней, как ряд домино. Одна за другой полки всей кухни повалились на пол. Банки тоже упали, некоторые разбились, другие громко звякнули. Когда упала последняя банка, Чез увидел, как из-за нее промелькнула размытая от скорости фигура. Полсекунды спустя он обнаружил огромную металлическую вилку, торчащую из его груди, и согнулся пополам в мгновенном шоке прежде, чем выдернуть ее и разбрызгать кровь вокруг. Снова распахнулись кухонные двери... Готье выскочил из комнаты.

Чез взревел и последовал за ним, возможно, глупо — с вилкой в руке. И все же Готье пролил первую кровь, что еще больше разозлило Чеза. Ворвавшись обратно в столовую, Чез увидел очертания фигуры Жака, освещенной светом, льющим снаружи. Пара фар.

Жак Готье снова рассмеялся.

— Ты невежественное животное! Ты не можешь поймать меня, ты же знаешь.

Но Чезу не нужно было быть быстрее. Кто-то вошел в переднюю

дверь ресторана. Жак недоверчиво посмотрел на незваного гостя, и Чез в полной мере воспользовался этой возможностью.

Он бросился на Готье со всей силой, опрокинув подиум. Прижимая Готье к земле, он заметил снаружи еще одного человека, в дополнение к тому, который находился за пределами его периферийного зрения. Он мог бы разобраться с ними позже.

Готье боролся под ним, но Чез был намного сильнее. Снова и снова он вонзал тяжелую вилку в лицо Жаку, используя колющие движения, чтобы подчеркнуть свою невысказанную ненависть.

— Ты... тупой... блять! Что... ты... думал... что... сделаешь... случится...

Другой голос прервал его на полуслове и фразе.

— Не двигайся. Джессика! Опрыскайте его!

Холодный туман окутал Чеза. Он удивленно поднял глаза.

— Что, черт возьми, с тобой не так? Неужели ты, блядь, не видишь, что я пытаюсь убить этого парня? Проваливай!

Голос продолжал, не дрогнув:

— Отойди от меня, Сатана. Не искушай Детей Сифа и возвращайся в ад, из которого ты был порожден!

Под Чезом Готье взбрыкнул, застигнув своего агрессора врасплох и сбросив его с себя. Чез упал на спину. Готье тут же исчез в ночи, оставляя за собой вязкий кровавый след.

— Черт возьми! Блядь! Что с тобой не так? Теперь они надерут мне задницу за это!

Еще один холодный туман ударил Чезу в лицо.

— Порождение тьмы! Похититель крови живых! Ходячее оскорбление праведности Божьей!

— О, ради всего святого, оставь это в покое! Это не работает! Господи, откуда вы, люди, все время приходите? Сначала дело Фрэнки в Нью-Йорке, а теперь это? Кто ты, черт возьми, такой? — Чез взглянул в темноту и увидел бледное свечение, очерчивающее то, что, должно быть, было руками. Холодный туман появился слева, где он увидел более стройную фигуру с каким-то громоздким рюкзаком.

— Святая вода не действует! Джессика, переключись на другой бак!

Чез услышал щелчок, услышал шипение, сопровождавшее вспышки тумана, и почувствовал запах бензина.

— О, нет, черт возьми, не надо, — прорычал Чез и прыгнул к черному контуру впереди. Он взмахнул кухонной вилкой вверх, призывая свою адскую силу довести дело до конца. С тошнотворным влажным шлепком вилка прошла вверх, через нижнюю челюсть человека, мимо его рта и в верхнюю часть головы, пробив кость черепа, как пуля, пробивающая листовую металл. Мужчина издал слабый звук, и немедленно рухнул

вперед, в объятия Чеза. Чез отпустил мужчину и развернулся лицом к другому нападавшему — невысокой толстой женщине, держащей в руках что-то вроде пистолета-распылителя. Должно быть, она купила его в хозяйственном магазине; он выглядел как вещь, которую кто-то использовал бы для обработки своего двора пестицидами. Женщина застыла, ошеломленная смертью своего партнера, и Чез выбил неуклюжую насадку из ее руки.

— Хорошо. Что, черт возьми, все это значит?

Женщина только заикнулась.

— Привет? Я говорю с тобой, сумасшедшая сука. Что, ты можешь выстрелить в меня святой водой и поджечь, но не можешь со мной разговаривать? — Чез оттолкнул женщину назад, отправив ее на маленький обеденный стол. Распылитель бесполезно болтался в стороне. Глаза женщины расширились, как блюдца. Она выдавила какую-то простую, повторяющуюся молитву, по-видимому, о защите.

— Я чертовски серьезен. Кто вы, черт возьми, такие, люди? Если вы охотники на вампиров, я думаю, что в следующий раз вам нужно сделать качественно свою домашнюю работу, потому что это дерьмо со святой водой не работает.

Женщина слабо брыкнулась, когда Чез приблизился, ее крепкие ноги не могли противостоять его силе. Он хлопнул ее по бедру, заставив ее крутануться в сторону, и остановил ее как раз в тот момент, когда ее голова оказалась перед ним.

— А теперь, ты собираешься дать мне гребаный ответ, или мне придется тебя сожрать?

И все же женщина слабо запротестовала, слишком напуганная тем, что находится так близко к такому чудовищу.

— Господи, ты дура, ты бы предпочла умереть? Хорошо. Будь, блядь, по-твоему.

Чез прикусил ее так сильно, как только мог, даже не потрудившись найти большую вену или артерию. Женщина наконец обрела дар речи и завизжала долгим, пронзительным воплем, от которого могло бы разбиться стекло. Когда он, наконец, осушил ее, он лизнул рану, и она закрылась. Если повезет, когда тот, кто обнаружит этот беспорядок, попытается сложить два и два, они предположат, что произошла какая-то драка между двумя сумасшедшими, один из которых проткнул голову вилкой, а другой носил распылитель, наполненный странными жидкостями. К черту их!

С этими мыслями Чез, как мог, поправился и поехал обратно в отель. Ему было бы нелегко объяснить с Изабель, и это лучше всего сделать это в другой вечер.

Когда Чез уехал, Готье выскользнул из тени и насытился оставшейся кровью женщины. Затем он скрылся в ночи.

Воскресенье, 25 июля 1999 года, 1:18

Малекон, Гавана, Куба

— У меня есть к тебе предложение.

Анастас ди Загреб, юстициар по делам Тремер, склонил голову, поощряя продолжать.

— Да, и это?..

— Ты и я, мы очень похожи, — начала Изабель. Это была ниточка, которая делала тремера не слишком почитаемым — он был знаком с сородичами клана Джованни, и он знал об определенных причудах, которым те иногда придавались, в частности, во время кормления. В данный момент тремер ничего так не хотел, как быть как можно меньше похожим на нее.

— И наши истории разделяют не одну симпатию. — Анастас ненавидел эту часть. Сородичи и все их мелкие игры раздражали его, и он предпочитал быть либо «в поле», либо в своем собственном святилище. Без сомнения, за просьбами этой симпатичной, но холодной женщины последует какая-нибудь неприятная просьба, изложенная в форме одолжения. Тремер был знаком с такой двойной социальной инженерией — его собственное высокое положение было результатом обмена скрытыми милостями и благами. Его предшественник, могущественный Карл Шрект, чудесным образом остался незамеченным для переизбрания на должность судьи. Вместо этого на ассамблее Внутреннего совета Камарильи в 1998 году Тремер выдвинули темную лошадку — Загреба. Ожидаемое предложение Изабель, несомненно, было какой-то подобной уловкой, тщательно продуманной в красноречии и обмане.

— Наши кланы оба восстали из пепла других. Мы оба приходим из длинных, выдающихся линий предков, которые увидели слабость и предпочли зажечь свечу, а не проклинать тьму. Я не притворяюсь, что знаю секреты тех роковых ночей...

«Не покровительствуй мне, ты, цветущая сука», - подумал Анастас.

— ...Но я знаю, что наши кланы оба выросли, как фениксы, из глупости других. Разве ты не согласен?

— Как бы мне это ни было неприятно, я согласен. Куда ты клонишь с этим, Изабель?

«Какая наглость!» — Такие моменты, как этот, позволяли Анастасу наслаждаться своим положением. Подумать только, что такой юный, как он, сородич всего на одно столетие, мог так беззаботно разговаривать с отпрыском Джованни! Но потом Анастас вспомнил, что только сила Камарильи позволяла ему такую роскошь. Если бы клан Тремер был так же далек от родственных дел, как Джованни, его титул ничего бы не значил. Она бы раздавила его, как жука, если бы только за его спиной не стояла вездесущая башня из слоновой кости.

— Терпение, юстициарий. Не спеши с выводами. Позволь мне объяснить.

— Тогда займись этим, Изабель. Летние ночи короткие, и я голоден.

«Мастерски! Пренебрежительно, но авторитетно! Возможно, в конце концов, политическая игра имела свои преимущества...»

— Очень хорошо. Ты, конечно, знаком с судьбой Равносов?

Анастас кивнул. В начале этого месяца мир сородичей содрогнулся в самом своем основании, когда один из первоначальных, библейских сородичей пробудился ото сна. Основатель клана восстал слишком рано для конца света и был уничтожен, утащив свое детище за собой в Окончательную Смерть. Или так рассказывали эту историю. Никто из тех, кто был там, не стремился об этом говорить, и большинство из тех, кто был там, были мертвы.

— Так и есть.

— Тогда вы понимаете, что они готовы вернуть свой статус, так же, как наши собственные предки претендовали на звание клана. И снова, когда Дети Кейна наблюдают за смертью своих братьев и сестер, они бормочут слова благодарности за то, что судьба решила навредить не им. Но ты должен знать, Анастас, мы, Джованни, которых отвергают как слабых или немногих, можем поменяться ролями и вырвать победу из пасти угнетения.

«Боже милостивый, — подумал Анастас, — она определенно рисует это эпическими мазками».

— Многие Равнос избежали Недели Кошмаров. Те немногие, кто остался, могут воспользоваться слабым светом, в котором их видят другие. Клань падали и раньше, и никогда без страшного повторного удара. В результате появился ваш собственный клан и мой, и ходят слухи, что при формировании Шабаша были схожие обстоятельства.

— Ты хочешь сказать, что Тремер и Шабаш...

— Конечно, нет. Я предлагаю ударить, пока железо горячее. Равнос искалечены. Наша работа почти завершена; мы должны просто закончить дело.

— Уничтожить оставшихся Равнос? — Анастас обдумал это. В этом, безусловно, были свои достоинства. Черета мистиков и негодяев, Равнос оставляли за собой неприятности. Многие родственные принцы Европы и Нового Света отказались пускать Равнос в свои владения. У Равнос не было союзников, да они им и не нужны были. Они практически умоляли, чтобы их прикончили. Такая тактика не только убрала бы занозу из задницы Камарильи, она могла бы укрепить силу секты и позволить ей сосредоточиться на более серьезных угрозах. И если он правильно разыграл свои карты, то смог бы доказать свою ценность внутреннему Совету, который сомневался в его способностях.

Анастас остановился, потрясенный своими мыслями. Действительно

ли он рассматривал геноцид? Неужели он действительно думал, что его репутация стоит смерти других сородичей? Каким слепым и инстинктивным существом он стал, что резня и убийство были предметом столь легкого развлечения? Даже будучи хищником, он сохранил чувство собственной человечности — это был единственный оплот, который у него был против звериных побуждений, которые таились во всех сородичах. Если бы он полностью сдался, он больше не был бы сознательным существом; он стал бы полностью монстром.

— Да. — Ответ Изабель вывел Анастаса из задумчивости. — Они ничего не предлагают, и в интересах всех сородичей мы изолируем и устраним угрозу, которую они все еще вполне способны представлять.

Луна освещала лицо Изабель, придавая ей омерзительный вид, и ее предложение усугубило дискомфорт, который испытывал Анастас.

— Это убийство, Изабель.

— Нет, юстициарий, это выживание. Смерть — это часть цикла всей жизни и не-жизни. Возможно, в большей степени это относится к последнему. Уверяю тебя, любой Равнос, не колеблясь, доставит тебя к твоей последней награде.

— Это невозможно, Изабель. Мы — сородичи — у нас есть собственные мотивы. Не все из нас кровожадные монстры.

— Ты так не думаешь, юстициарий? Ты обманываешь себя. Прародитель Равнос пробудился ото сна и уничтожил своих собственных детей! Какие еще доказательства тебе нужны, чтобы убедить себя?

— Я предлагаю тебе придержать язык, Изабель.

Дискуссия приняла уродливый оборот. Анастас коротко прошептал:

— Независимо от того, претендуете ли вы и ваш клан на членство в Камарилье или нет, мы все равно претендуем на власть над вами. Твои слова не выказывают особого уважения к Маскараду, а мы находимся в общественном месте среди смертных. Я без колебаний приму необходимые меры...

— Послушай, что ты говоришь, Анастас, — так же тихо ответила Изабель. — Вы применяете свой Маскарад и крестовый поход выборочно. Пживые Равнос представляют гораздо большую угрозу для Маскарада, чем я когда-либо могла представить...

— Я не собираюсь предлагать массовое убийство, основанное на твоих уговорах, Изабель. Я не буду занимать позицию против Равнос, потому что некоторые фанатичные сородичи их не любят. Их колдовство и иллюзия менее пагубны, чем ваше собственное поведение. Мы знаем о вашем маленьком пристрастии, моя дорогая. Мы знаем, что ты пьешь жизненные силы только из отрубленных голов своих жертв. И я могу заверить тебя, что не каждый сородич так пресыщен и черств, как ты. Меня не будут использовать, и я не позволю, чтобы мое положение использовалось кланом, который отказывается принимать на себя

ответственность нежити.

— Я вижу, что недооценила тебя, юстициарий. Ты осуждаешь меня за мелкое, смертное тщеславие. Эта политкорректность, как они ее называют, не является продуктом тех времен, когда кто-либо из нас был становлен. Я знаю членов Цимисхи, с которыми ваш клан боролся с самых ранних ночей. Эта война колдунов, в которой обе ваши родословные убивают друг друга за личную власть. Вы и Дом Тремер гораздо хуже любого образа действий, который я предлагаю, потому что мои мотивы утилитарны. Вы убиваете друг друга из-за глаз тритона и забытых заклинаний, и все же вы заявляете о высокой морали, когда я предлагаю устранить проблему до того, как она станет серьезной. Твое лицемерие вызывает у меня отвращение.

Анастас закрыл глаза и потер их, сигнализируя Изабель о своей усталости. Затем он опустил руки и уставился на Атлантический океан, как бы призывая Изабель привести свой последний аргумент или отпустить его. Она видела его растущее разочарование и играла на этом.

— Я знаю все о ситуации в Нью-Йорке, Анастас.

Юстициар обернулся, его глаза горячо сверкнули.

— И какое это имеет отношение к тому, что ты мне здесь предлагаешь?

— Питерсон рассказал мне все. Ну, не напрямую, а через своего связного Жака Готье. Он попросил меня убедить костяк клана Джованни помочь. Это опасная позиция, юстициарий. Шабаш — неприятные враги. Мы, Джованни, сохранили нашу независимость, не вставая на чью-либо сторону — по просьбе вашей Камарильи, если мне не изменяет память и теперь нас просят действовать в прямом противоречии с этим.

— Питерсон помешан на власти, а Готье — шут.

— Да, ну, твое личное мнение вторично по отношению к фактам дела, Анастас. Как бы вы ни уважали Яна и его соотечественников, у вас есть общий интерес к Камарилье. Вот почему я вообще потрудились с тобой поговорить. Я уверена, что ты можешь понять ценность того, чтобы знать как можно больше о ситуации прежде, чем действовать в соответствии с ней, не так ли? Я не хочу втягивать другого Джованни в твой Джихад ради эго Питерсона. Но я готова заключить сделку с победившей стороной.

— Нью-Йорк — это часть средств. Это еще не конец, Изабель.

— Я понимаю это, юстициарий, но Ян сделал заманчивое предложение. Я уверена, что вы не новичок в политике Бостона.

Изабель не смогла устоять перед искушением. Ди Загреб, как и любой другой, кто запачкался в политике сородичей, знал, что влияние в Бостоне разделилось на, казалось бы, неразрешимый трехсторонний тупик между Камарильей, Шабашем и Джованни.

— Так что же ты тогда здесь делаешь, Изабель?

— Разговариваю с тобой, юстициарий.

— Нет, ты — Джованни. Что ты здесь делаешь?

— То, что делают все в Гаване. Ожидаю смерти Кастро.

— И почему это так?

— Чистая экономика, мой дорогой Анастас. Как только старик получит свою последнюю награду, вся эта страна станет крупнейшим свободным рынком в западном полушарии.

— Торговля треугольниками, Изабель.

— Что?

— Торговля треугольниками. Это то, что хочет сделать Толстяк, и ты собираешься поддержать его. Когда, как вы говорите, Кастро умрет, вся эта страна станет крупнейшим черным рынком в Новом Свете.

— Ну и что? — Изабель мило улыбнулась. — Когда наступит переход к капитализму, жадность больше не будет преступлением. Это будет стандартная операционная процедура. Это даже не будет черным рынком, потому что Куба утвердится в качестве поддерживаемого правительством международного торгового центра. Все идет своим чередом.

— Но это только часть уравнения. Куба по-прежнему будет придерживаться строгого антинаркотического законодательства, потому что это будет в их интересах. Половина правительства будет против торговли наркотиками и будет держать ее вне закона, в то время как другая половина будет в выигрыше, поэтому сохранение ее вне закона делает их богатыми на взятках.

— Куда ты клонишь с этим, Анастас?

— Ну, если я хорошо знаю тебя и остальную часть твоего клана, простые, законные инвестиции только намочат ваши клювы. Конечно, вы заработаете миллионы — возможно, миллиарды — на туристическом буме, но это также часть торговли треугольником. Вы собираетесь перевозить героин из Италии на Кубу, откуда либо отправите его в США через Бостон, либо продадите, а прибыль конвертируете в кокаин и марихуану, а затем перевезете через Бостон, потому что именно там у вас в карманах таможенные пошлины. Затем деньги возвращаются в Италию, где на них покупается больше героина, который снова идет через Кубу и так далее.

Брови Изабель приподнялись, а уголки ее рта слегка опустились.

— Неплохо, юстициарий. Совсем неплохо. Но на вас это никак не повлияет, не так ли? Бостон уже стал убежищем для Джованни, Венеция всегда была таковой, и нам нужно всего несколько сородичей, которые будут руководить здесь операцией. Неважно, станет ли Куба площадкой для Шабаша или Камарильи, — вы оба закроете свои рты на несколько пунктов.

— Но нам и не нужно этого делать, Изабель. Вот к чему я клоню с этим. Для нас было бы одинаково выгодно следить за каждой импортно-экспортной компанией, которая создается в этом районе, и закрывать

любую, которая пахнет как Джованни. На самом деле, для того, кто выйдет на первое место, было бы более прибыльным вывести вас, могильщиков, из бизнеса, потому что тогда они могли бы взимать с вас любую плату, какую захотят, чтобы дорожки оставались открытыми.

— Я готова сыграть в эту игру, Анастас. Сородичи давно стали мастерами таких маневров, и это просто еще один. Кто знает... Куба может даже оказаться Утопией, где сородичи могут заниматься своими делами без этого ужасного искусственного багажа, на котором, похоже, процветает ваша идеологическая война. Джованни рады пойти на такой риск. Это наш хлеб с маслом, наша жизненная сила, и мы делаем это уже более тысячи лет, начиная с ночей крестовых походов и раньше. Подобные дела — наш смысл существования. Можете ли вы сказать то же самое? Куба наша — вопрос только в том, когда.

Ди Загреб отвернулся от Изабель, продолжая молчать.

— Однако, как я уже сказала, юстициарий, мы готовы иметь дело с той стороной, которая победит. У нас нет иллюзий относительно вашего превосходства, и, по правде говоря, мы предпочли бы иметь дело с Камарильей, поскольку она почти повсеместно более цивилизована и вежлива, чем эти хихикающие сумасшедшие Шабаша. Но ни на минуту не думайте, что у вас есть какое-либо влияние, которого мы вам не позволяем. Это была бы ожесточенная борьба между нами, и в ней ты почти наверняка победил бы. Но какой ценой?

— Имейте это в виду, юстициарий. На данный момент Джованни ни с кем и ни на чьей стороне, но наши симпатии лежат на стороне Камарильи: и также имейте в виду, что мы выражаем свои симпатии выборочно.

С этими словами Изабель повернулась и пошла прочь. Судья Тремер задумался над смыслом ее слов. Возможно, в конце концов, ему еще многому предстояло научиться.

Пятница, 23 июля 1999 года, 20:17
Отель «Westin Peachtree», Атланта, Джорджия

Марсия Гибберт встала рано — она знала, что должна встать раньше Изабель, чтобы сделать то, что ей нужно было сделать. Она подошла к крайнему столику, достала из сумки блокнот с логотипом Westin и ручку, и приготовила для Изабель записку.

И. —

Я больше не могу этого делать. Мне жаль оставлять тебя безо всякой помощи, но перспектива еще одной ночи для меня слишком велика.

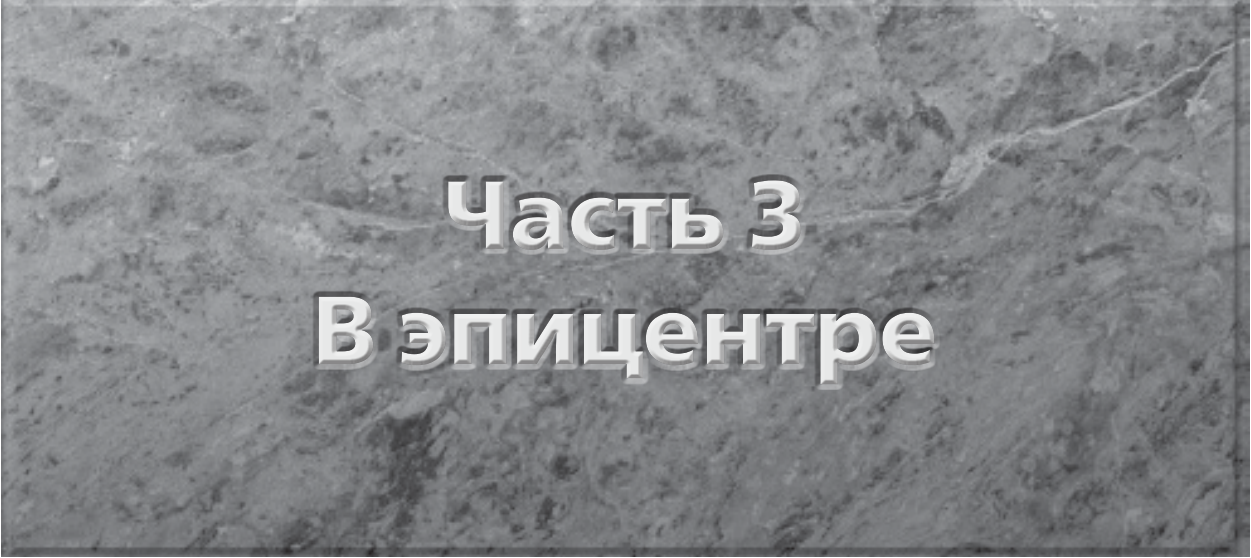
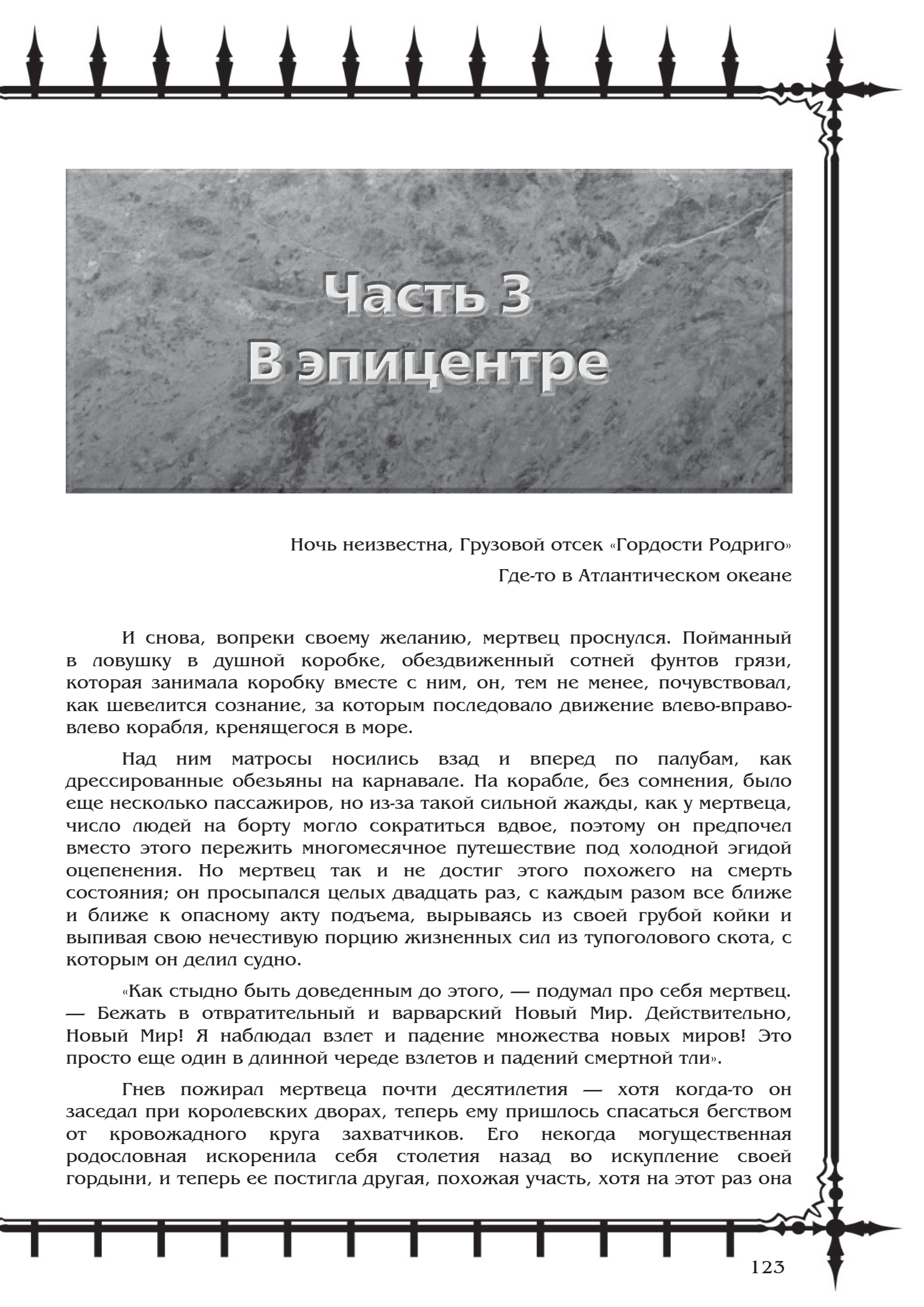
Полагаю, Джейк все еще у тебя в долгу.

— М.

С этими словами Марсия накрылась халатом насколько могла, поднялась на лифте на верхний этаж, вышла по лестнице на крышу и вошла в последние, угасающие лучи солнца.

D.

Часть 3 В эпицентре

Ночь неизвестна, Грузовой отсек «Гордости Родриго»
Где-то в Атлантическом океане

И снова, вопреки своему желанию, мертвец проснулся. Пойманный в ловушку в душной коробке, обездвиженный сотней фунтов грязи, которая занимала коробку вместе с ним, он, тем не менее, почувствовал, как шевелится сознание, за которым последовало движение влево-вправо-влево корабля, кренящегося в море.

Над ним матросы носились взад и вперед по палубам, как дрессированные обезьяны на карнавале. На корабле, без сомнения, было еще несколько пассажиров, но из-за такой сильной жажды, как у мертвеца, число людей на борту могло сократиться вдвое, поэтому он предпочел вместо этого пережить многомесячное путешествие под холодной эгидой оцепенения. Но мертвец так и не достиг этого похожего на смерть состояния; он просыпался целых двадцать раз, с каждым разом все ближе и ближе к опасному акту подъема, вырываясь из своей грубой койки и выпивая свою нечестивую порцию жизненных сил из тупоголового скота, с которым он делил судно.

«Как стыдно быть доведенным до этого, — подумал про себя мертвец. — Бежать в отвратительный и варварский Новый Мир. Действительно, Новый Мир! Я наблюдал взлет и падение множества новых миров! Это просто еще один в длинной череде взлетов и падений смертной тли».

Гнев пожирал мертвеца почти десятилетия — хотя когда-то он заседал при королевских дворах, теперь ему пришлось спасаться бегством от кровожадного круга захватчиков. Его некогда могущественная родословная искоренила себя столетия назад во искупление своей гордыни, и теперь ее постигла другая, похожая участь, хотя на этот раз она

была вызвана той самой семьей, которая была принята в ее ряды.

«Какой позор! Одним взглядом я мог бы превратить любого из них в пыль, но они охотятся даже на сильных каинитов, таких как я, стаями, беспокоя нас, как гончие».

Ненависть кипела в безжизненных венах мертвеца, кровь в них была холодной от неподвижности своего застоя, но горела бессильной яростью.

«Сначала достичь таких высот! Побеседовать с Богом и Его ангелами! Держать в своих руках жизни тысяч людей! А теперь так подло бежать от шайки кровосмесительных негодяев, вооруженных жестокостью честолюбия. Ты был тщеславен, старина. Ты заглянул слишком далеко вперед и позволил этим врагам прокрасться в наши ряды. Почему они не послушались? Иафет и Констанция — оба знали. Но, конечно, Старик во всей своей мученической мудрости... Мы были дураками».

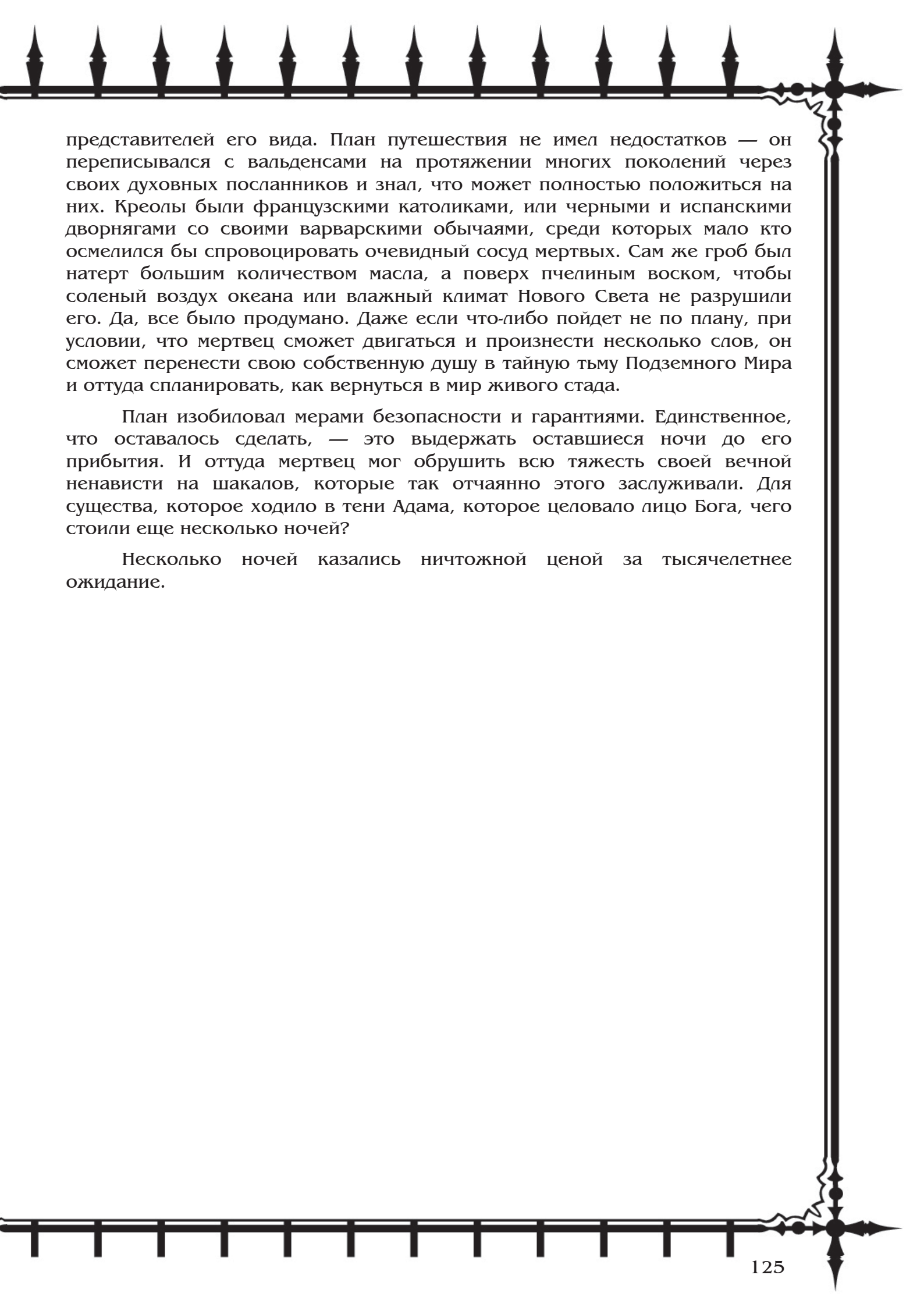
Однако мертвец не был дураком, планируя свой побег. Конечно, некоторые из его собратьев пали. Гордая Элоди — ее серебристые волосы забрызгала ее собственная кровь и кровь вульгарного Джованни. Иегова, Урдра и Абеляр — все сгорели дотла от факелов Джованни. Даже его кровные братья и сестры, а также еще один ребенок матроны Констанции, встретили Окончательную Смерть.

«Ты слышишь меня сейчас, Боже? Ты слышишь меня под этими палубами? Из-под этого слоя сосны и дерьма червей? Будь они все прокляты за то, что восстали против хозяина своего, когда своих драгоценных братьев и сестер топили в их собственной крови!»

Однако мертвец знал, что месть — это блюдо, которое лучше всего подавать с приправой возраста. Бегство было его единственным выбором — бегство, чтобы нанести удар мерзкому Джованни в течение какой-нибудь следующей ночи, которую еще предстоит увидеть. На деньги, полученные от продажи пальцев святых почти четыре столетия назад, он заказал грузовой «проезд» на Гордость Родриго. Когда корабль прибудет в кубинский порт, семья потомков вальденсов¹ в изгнании перевезет драгоценный груз на материковую часть Северной Америки. Оттуда деревянное судно отправится на телеге в болота креолов², которые знали, что лучше не задавать вопросов мертвым или тем, кто с ними связан. По крайней мере, мертвеца сбросили бы в болото, и он поднялся бы только тогда, когда пришло бы время и лучи солнца не смогли бы его опалить. Оттуда он соберет вокруг себя глупых обитателей Нового Мира, возьмет их кровь, как ему заблагорассудится, и заточит свой нож для использования против горла Джованни, как только они истребят остальных

1 Вальдесны - религиозное движение в западном христианстве. Апеллируя к идеалам раннего христианства, вальденсы ратовали за ликвидацию частной собственности, апостолическую бедность и взаимопомощь, а также мирскую проповедь и свободу чтения Библии.

2 Креолы - различные этнические (часто этнорасовые) общности смешанного происхождения, образовавшиеся в колониальный период, главным образом в Америке, Африке и Азии.

представителей его вида. План путешествия не имел недостатков — он переписывался с вальденсами на протяжении многих поколений через своих духовных посланников и знал, что может полностью положиться на них. Креолы были французскими католиками, или черными и испанскими дворянами со своими варварскими обычаями, среди которых мало кто осмелился бы спровоцировать очевидный сосуд мертвых. Сам же гроб был натерт большим количеством масла, а поверх пчелиным воском, чтобы соленый воздух океана или влажный климат Нового Света не разрушили его. Да, все было продумано. Даже если что-либо пойдет не по плану, при условии, что мертвец сможет двигаться и произнести несколько слов, он сможет перенести свою собственную душу в тайную тьму Подземного Мира и оттуда спланировать, как вернуться в мир живого стада.

План изобилует мерами безопасности и гарантиями. Единственное, что оставалось сделать, — это выдержать оставшиеся ночи до его прибытия. И оттуда мертвец мог обрушить всю тяжесть своей вечной ненависти на шакалов, которые так отчаянно этого заслуживали. Для существа, которое ходило в тени Адама, которое целовало лицо Бога, чего стоили еще несколько ночей?

Несколько ночей казались ничтожной ценой за тысячелетнее ожидание.

Воскресенье, 22 августа 1999 года, 00:32
Гавань Маргарет Рейли, Манхэттен, Нью-Йорк

— Ты выглядишь усталой, Изабель.

Изабель остановилась на полпути, чтобы снять куртку.

— Тебе не кажется, что это приятные слова, Маргарет? — Она посмотрела на хозяйку дома большими карими глазами, пытаясь прочесть намерения собеседницы. Неужели она планировала запудрить мозги Изабель заботой, чтобы заставить ее совершить ошибку? Или она была просто грубой, эгоистичной и настолько отстраненной от приличного общества, как и большинство шабашитов, что не жалела сил на вежливость?

Маргарет, лидер и священник стаи бешеных каинитов, которые подчинялись непосредственно Саше Викосу, пожала плечами.

— Ты здесь не для того, чтобы я тебе льстила.

— Да, я так и подумала, но немного приличия, безусловно, было бы очень кстати.

— Отлично. Ты выглядишь просто восхитительно. Если бы я не была мертва, я бы хотела трахнуть тебя.

— Как мило. Однако, если бы ты не была мертва, я бы не стала уделять тебе свое ночное время, особенно в этом наряде. Итак, ты просто хочешь обменяться любезностями или за этим приглашением стояла какая-то цель?

Изабель посмотрела на себя, проходя мимо зеркала в фойе убежища Маргарет. Ведьма была права — она действительно выглядела усталой. Неосознанно Изабель втянула в себя воздух. События последних нескольких месяцев измотали ее, и она не собиралась позволять этим переговорам провалиться, как это было в случае, когда Чез случайно напортачил с лакеем Питерсона. Если бы ей хоть немного повезло, Изабель узнала бы, что Готье бесцеремонно уволили из свиты Питерсона, так плохо он себя показал. Тем не менее, несмотря на то, что у нее не было намерения заключать какой-либо союз ни с Шабашем, ни с Камарильей, она делала все возможное, чтобы развлечь их. Если бы кто-то из них воспринял Джованни как угрозу, любой мог бы оставить свои старания против другой секты и обратить внимание на некромантов.

— Тебе не понравится цель, я могу это гарантировать. Но я никогда не была тем, кто смягчает удар, поэтому я не собираюсь петь и танцевать перед тобой. — Дипломатический стиль Маргарет сильно отличался от стиля Готье.

Изабель снова застыла на месте.

— Тогда зачем вообще утруждать себя притворным предложением? Я знаю, в чем дело. Речь идет о Шабаше и Камарилье, выстроившихся по обе

стороны Бостона и претендующих на него.

— Умная девочка.

— Ну, для этого не нужно быть гением. Однако ты кое-что забываешь.

— И что это?

— Не каждый город должен быть под каблуком Шабаша или Камарильи.

— Изабель, я думаю, ты немного наивна, нет? Ты знаешь, что мы ведем войну, и если город не с нами, он против нас.

— Что это значит? Я скажу тебе прямо, Джованни не заинтересованы в заключении союза с Шабашем. А теперь подождите, кажется, у нас нет никаких причин вступить в союз с Камарильей.

— Да, я слышала о том, как прошел ваш диалог с человеком Питерсона. И для протокола, у Джованни действительно сложились отношения с Шабашем, хотя и на индивидуальном уровне.

— Ты имеешь в виду Женевру? Она мертва, ты же знаешь.

— Разве не как мы?

— Это не то, что я имела в виду.

— Я тоже, — злобно улыбнулась Маргарет. — Рано или поздно даже самый старший из нас должен пасть. Женевра не единственный некромант, который ведет переговоры с Шабашем.

— Ну, она единственная, кто имел дело с Шабашем, кто был в Бостоне. Я знаю, что Фрэнсис Джованни продавал оружие Максу Лоуэллу, но это коммерческое соглашение, а не какой-то высокомерно-философский союз в вашей религиозной войне.

— Какой самодовольный тон! Ты же знаешь, что мы могли бы просто сосредоточиться на Джованни в Бостоне и позже вернуться к Камарилье, не так ли, Изабель?

— Я знаю, что вы могли бы, но вы этого не сделаете. В ту самую ночь, когда ваша враждебность к Джованни станет для вас приоритетом, Камарилья проникнет в город за вашими спинами. Вы могли бы вытеснить Джованни из Бостона, но при этом вы удвоите усилия, необходимые для его полного заражения Шабашем.

— Заражение, да?

— Да, как паразиты. Мы с тобой знаем, что ваши ресурсы было бы лучше использовать против Камарильи. Куда разумнее взять из Бостона то, что вам нужно, и не беспокоиться о туманной принадлежности к секте. По крайней мере, мы видим это таким образом. Мы знаем, что у вас есть люди в Бостоне, как и у Камарильи. И это никак не влияет на нас. Сородичи... извините меня, каиниты, сражающиеся на улицах, однако, никому из нас не приносят никакой пользы. — Изабель села в то, что она приняла за кожаное кресло, и скрестила руки на коленях.

Маргарет последовала ее примеру.

— Умеренность — это не дипломатия, Изабель. Но нам следует подкрепиться, прежде чем мы продолжим. Джонатан!

Из тени за пределами комнаты появился худой, бледный молодой человек, возможно, лет двадцати с небольшим или около того. На нем не было одежды, и все внешние признаки его пола были удалены — у него не было ни фаллоса, ни лобковых волос, и единственной причиной, по которой Изабель вообще предположила, что он — мужчина, — была форма его мускулатуры. Его голова и лицо также были безволосыми. И самым тревожным из всех был тот факт, что Маргарет удалила все следы рта и носа Джонатана; его печальные глаза смотрели с безликого алебастрового полотна его лица.

Изабель сдерживала свое отвращение — из всех вещей, которые она делала в жизни и не в жизни, которые другие могли бы не одобрить, по крайней мере, они были в основном человеческими по своей природе. То, что некоторые могли бы счесть сексуальным извращением, актами жестокости или даже порочным безразличием, — все это берет свое начало в изначальной человечности их преступника или, чаще всего, в смертности их жертв или подданных. С членами Шабаша, такими как Маргарет, порочность часто не имела никакого отношения к человечности. Джонатан, например, был переделан по образу некоего андрогинного идеала, который Маргарет в какой-то момент сочла эстетически приятным. Или, возможно, у нее было так мало сочувствия к скоту, что единственным смыслом существования Джонатана было удовлетворение ее потребностей и отрицание его собственных. Хотя, конечно, если бы он был упырем, ему нужно было бы каким-то образом взять у нее кровь. Если бы он не был упырем, ему все равно нужно было бы поесть. Возможно, он был чем-то вроде «визитной карточки Цимисхи», которую Маргарет переделывала снова и снова по мере возникновения такой потребности, только чтобы потом вернуть его в исходное состояние. Изабель полностью отбросила ход своих мыслей; о ком-то, столь далеко находящимся за пределами нормального, как Маргарет, трудно было размышлять.

— О, не будь таким снобом. Я запечатала ему рот в качестве услуги, чтобы тебе не пришлось слушать, как он будет кричать, когда ты возьмешь у него кровь. Я знаю, как мучителен Поцелуй Джованни. Я также должна признаться, что мне интересно увидеть твою особенность кормления на практике. Ты ведь не возражаешь, Джонатан, если моя подруга Изабель отрубит тебе голову?

— Только не говори мне, что ты веришь в эту чушь, Маргарет? Что я могу пить только из отрубленных голов? Если бы это было правдой, я бы давным-давно опустилась до твоего уровня разврата. В конце концов, если мы хотим верить всему, что слышим, я должна подозревать ваш Шабаш в бессмысленном, разрушительном, хихикающем сатанизме. И тот простой факт, что я здесь и готова обсудить ваши планы относительно Бостона, доказывает, что слухи иногда необоснованны, не так ли? Стала бы я торговаться с такими дураками?

— Ты разочаровываешь меня, Изабель. Во что бы то ни стало, однако, ешь. Я надеялась на проявление безумия или избытка чувств, а вместо этого ты говоришь мне, что я слишком высоко ценю городскую легенду.

Изабель воспользовалась возможностью поест. Джонатан согнулся под ней, упав на колени, когда она припала к его горлу, выцеживая жизнь. Пока она пила, Изабель слышала пронзительный вой, прерываемый непонятными щелчками. Она посмотрела вниз, погруженная в жгучий трепет его крови, и увидела две открывающиеся и закрывающиеся царапины на внутренней стороне ладоней Джонатана. Очевидно, Маргарет не наделила их голосовыми аппаратами, и тонкий вой был просто втянутым и выдохнутым из них воздухом. Щелчки исходили от крошечных игольчатых клыков, которые окружали отверстия, скрежеща и сталкиваясь, когда рты рук извивались.

Испытывая отвращение, она оттолкнула его.

Маргарет встретила ее взгляд с усмешкой.

— Ну, мальчик должен же как-то есть, не так ли? Вот, Джонатан, мое бедное дитя; возьми назад немного из того, что отняла у тебя наша осуждающая святая Изабелла.

Она распахнула переднюю часть своей прозрачной шелковой рубашки, обнажив безупречную грудь цвета слоновой кости, вершина которой была гладкой, без складок. Джонатан протянул руку и погладил кожу своего домитора, пронзая плоть очень неглубоко и, без сомнения, вытягивая вкусные струйки ее богатой крови.

— Ты должна быть рада, Изабель. Ты бы заподозрила меня в попытке установить кровные узы, если бы я сначала отдала Джонатану должное за его ночную работу.

— С меня хватит этого. — Изабель прервала разговор. Она встала, вернулась в прихожую и взяла свою куртку. Даже не попытавшись встретиться взглядом с Маргарет, она крикнула в другую комнату:

— И я уверена, вы видите, что у нас нет ничего общего, и, следовательно, мы ничего не выиграем даже от пустого союза. Не будьте настолько глупы, чтобы думать, что вы можете сорвать Бостон, как спелую сливу. Ни одна из групп Сородичей, которые выступают против вас, не допустит этого.

— Ах, простодушная Изабель. Разрешение не является частью проблемы. В течение недели Буффало достанется нам. Хартфорд будет нашим до конца года. Архиепископы уже собрали группы каинитов, чтобы силой или удачей завладеть драгоценным Бостоном. Послушай моего совета, Изабель. Заплати дань или пади, как все остальное Восточное побережье.

Но Изабель уже не слышала ее последних слов; она покинула жалкое убежище Маргарет и вызвала такси, чтобы отправиться на Центральный вокзал.

Пятница, 27 августа 1999 года, 00:03

Бисконсин-авеню Вашингтон, округ Колумбия

Полонья и Борхес обменялись серьезными взглядами, которые сменились алчными, хищными улыбками.

Полонья приподнял бровь и сосредоточенно закрыл глаза.

В сотнях миль отсюда смертная, оживленная, как марионетка грозной волей Полонии, поднялась с земли и подняла руки над головой. Вокруг нее по кругу маячила стая голодных шабашитов, ожидающих только этого сигнала.

Полонья ослабил свой контроль над марионеткой, последней сознательной мыслью которой было: «Что я здесь делаю?», прежде, чем разъяренные кайниты разорвали ее в клочья от возбуждения. Ничего не выражающий вампир коснулся лба каждого из воинствующих кайнитов, прежде чем выпустить их в ночь.

Как бешеные волки, стая обрушилась на Бостон.

Понедельник, 25 октября 1999 года, 00:15

Лоджия Мавзолея, Венеция, Италия

— Мой дядя Мартино передает вам привет.

Изабель Джованни стояла в халате, полуулыбка украшала светлую кожу ее лица, дверь в комнату была открыта, чтобы принять гостя.

Это был молодой Квай делла Пассалья, — «племянник» одного из самых выдающихся вампиров Джованни когда-либо стоявших перед ней. В руках он держал маленькую, завернутую коробочку: подарок.

— Добро пожаловать, Квай. Пожалуйста, входите. Могу я вам что-нибудь предложить? — испытание, подумала Изабель. Если у Мартино есть племянник — практически мальчик! — гуль, он, возможно, попросил бы поток бессмертного вите. Изабель закуталась в платье и накинула на плечи тяжелый халат.

Квай положил подарочную коробку на туалетный столик и оглядел комнату. Как и несколько других комнат, которые он видел на лоджии, комната Изабель больше походила на временную квартиру или гостевой дом, чем на настоящее убежище.

Спальня. У Изабель было разбросано несколько личных вещей, но комната определенно не выглядела обжитой. Он заметил графин на тележке в дальнем конце комнаты.

— Я выпью бренди, если вы не возражаете. Сегодня необычайно прохладно.

— Угощайся. А как поживает твой дядя? — Изабель улыбнулась.

Мартино был сородичом по меньшей мере два столетия, а, возможно, и больше. Если Квай не был хорошо сохранившимся гулем, Мартино, скорее всего, приходился ему двоюродным дедушкой в десятом поколении, если они вообще были родственниками.

— Хорошо, очень хорошо, спасибо. Этот сезон был щедр на шелк. — Итальянский Квая был скорее более схоластическим, чем разговорным. — Он знает, что вы очень любите шелк, поэтому послал вам подарок. Надеюсь, я не испортил сюрприз. Простите мое невежество, но вы его сестра?

— Что-то в этом роде. — Изабель расчесала волосы, пока Квай наливал в неглубокий бокал бренди. На самом деле Мартино был знаком с ее отцом. Давным-давно он женился, чтобы попасть в семью Джованни, и вскоре после этого стал членом клана Джованни. У них с Изабель не было глубокой любви — она считала его сутенером с желтой лихорадкой, а он думал, что она была символом всего, что было не так в клане, от порока до потворства. — Это так... трудно уследить. Наш род достаточно древний.

Квей улыбнулся, потягивая из своего бокала.

— Но, пожалуйста, Квай, присаживайся. — Изабель сняла платье со

спинки стула и повесила его, освобождая гостью место для отдыха. — У вашего дяди Мартино было еще что-нибудь, что он хотел бы мне сообщить? Я слышал о печальной кончине его отца. — Она практически озвучила кавычки вокруг этого последнего слова. Если бы Квай знал что-нибудь о неестественных аспектах семьи, это была бы его возможность любезно поделиться этим.

— Это величайшая трагедия, спасибо за ваши соболезнования, — ответил Квай.

Вероятно, даже не гуль, рассудила Изабель.

— Такова опасность занятий моего дяди. Многие с Востока хотели бы, чтобы он потерпел неудачу.

— Да, многие на Западе тоже хотели бы, чтобы он потерпел неудачу. Твой дядя — смелый человек, Квай, как ты, я уверена, знаешь.

Квей приподнял бровь.

— Что вы имеете в виду под этим? — он неправильно сформулировал вопрос, сделав акцент на «этом», а не «имеете в виду».

— Ты, конечно, знаешь, что у нас с ним не самые сердечные отношения? — ответила Изабель. — Он бы сказал тебе это, готовя к путешествию.

— Нет, он этого не сделал. Мне жаль это слышать.

— Это не твоя вина. Я не накажу тебя, если он не сделает все возможное, чтобы оскорбить меня. А теперь дай мне посмотреть на этот подарок. — Улыбка Изабель была колючей.

С нервным видом Квай протянул Изабель коробку. Она была тяжелой. Изабель подумала про себя, был ли Мартино недоволен Кваем, или мальчик сделал что-то, что расстроило его «дядю». Подарок внутри расскажет правду об этой истории. Конечно, захватывающей для мальчика могла бы быть и сама поездка, он, вероятно, никогда не покидал Гонконг. Мартино, однако, знал, что у них с Изабеллой были разногласия. Много лет назад она послала одного из своих собственных гулей, чтобы доставить свадебный подарок одному из членов его смертной семьи. Мартино счел подарок, доставленный по доверенности, большим оскорблением — Изабель не только отказалась доставить подарок лично, но и прислала кадило, наполненное благовониями, на которые у невесты была ужасная аллергия. Бедняжка сильно вдохнула и сразу же впала в реактивную кому. Мартино отпустил смущенного упыря, но через несколько часов молодому человеку перерезали горло. Короткая записка, написанная рукой деллы Пассальи, информировала Изабель о ее оплошности. Не то чтобы он ей когда-нибудь нравился или она бы подумала о том, чтобы присутствовать на свадьбе. И все же со стороны Изабель это выглядело либо злобно, либо по-любительски, в зависимости от того, с какой стороны посмотреть на несчастный случай.

С этими мыслями Изабель открыла коробку. Внутри лежал плотный

прямоугольный предмет, завернутый в непрозрачную папиросную бумагу. Поверх подарка лежал сложенный лист рисовой бумаги. Изабель открыла записку и прочитала:

— И.

Это, я надеюсь, поможет вам с вашим нынешним делом. Я надеюсь, что перелистывание страниц не раздражает вашу нежную кожу.

— М.

Она развернула подарок: книгу в шелковом переплете. Мартино знал, что Изабель ненавидит его шелка. Она считала их такими же грубыми, как и он, и испорченными многочисленными недостатками. Это была его месть за благовония — тонкое, но безошибочное пренебрежение вкусами Изабель. В мире Сородичей такие тонкости имели большое значение; это было то, как раса Кейна подсчитывала свои сложные очки статуса на различных этапах игры в джихад. Мартино, с его точки зрения, сравнивал счет, убив упыря Изабель много лет назад. Теперь, когда у него появилась возможность, Изабель увидела, что он воспользовался шансом занять лидирующее положение, не только презрев ее вкусы, но и заставив ее отказаться от них ради своей помощи.

И все же у нее был выход. «Дар» Мартина, несомненно, связан с древним вампиром, которого она выследила, — возможно, это была матрица геоманта, которая показала местоположение его склепа, или восточный некромантический ритуал, который мог противостоять одной из его мощных способностей.

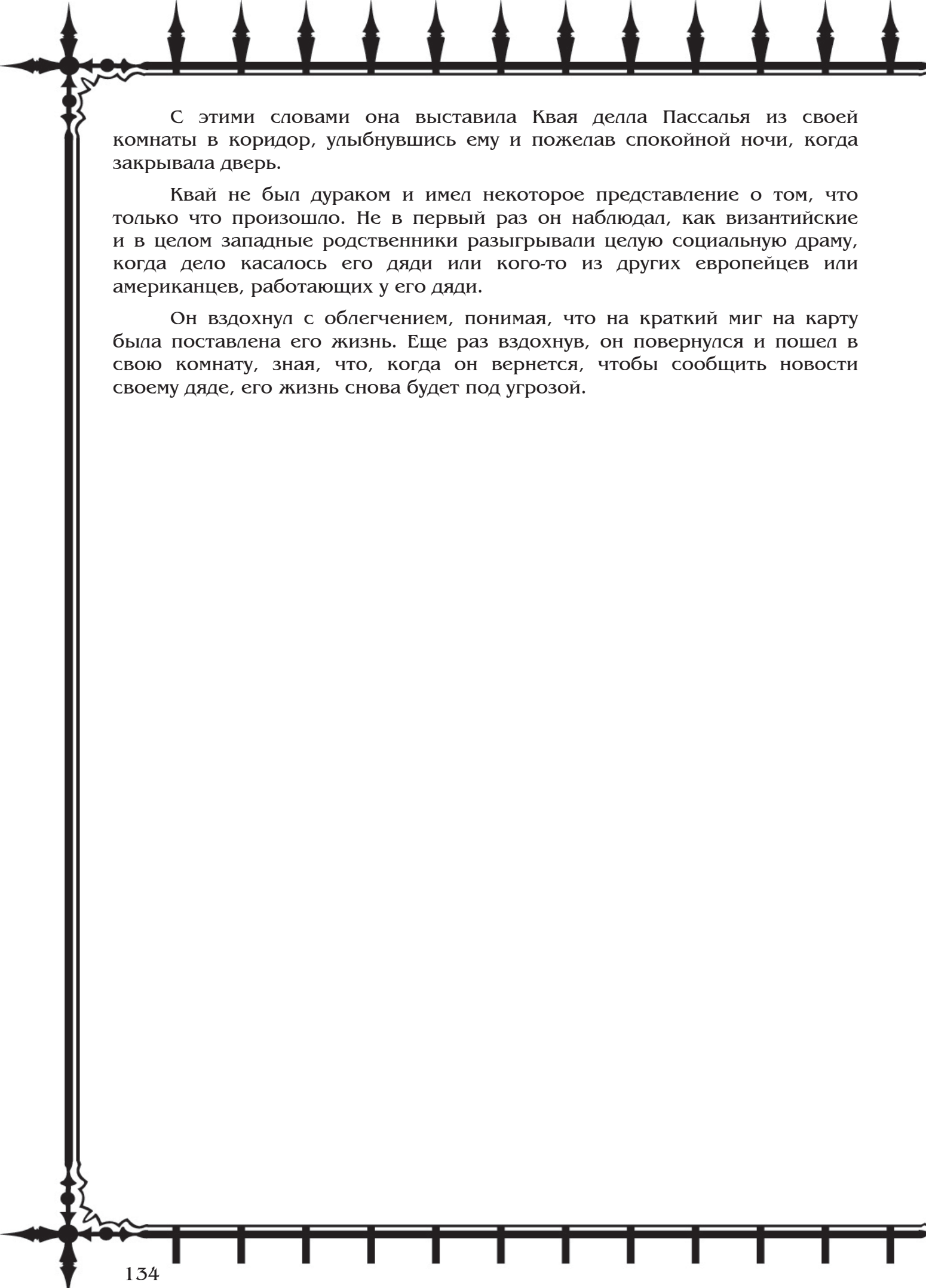
На это Изабель сделала ставку. В дневнике, который нашла Марсия, указывалось вероятное местоположение, или, по крайней мере, недавнее местоположение существа, которое она искала. Вернув подарок Мартино, она могла помешать ему одержать над ней свою маленькую победу. Такова была природа азартной игры. Могла ли она позволить себе отказаться от этой информации, зная, что это может лишить ее выгоды, которую она сможет извлечь? Или ей следует избегать того, чтобы Мартино взял на себя инициативу в их личной войне, войне, которая меркла по сравнению с более крупными ставками, связанными с вопросом о возвращении старого клана?

В конце концов сородичи — гордые существа. Изабель приняла решение так же быстро, как ей его представили.

— Ну, Квай, я боюсь, что удаленность твоего дяди от лоджии, к сожалению, вывела его из дел. Это не та книга, которую я искала. Я не могу позволить ему отдать ее мне — она принадлежит его собственной библиотеке, где кто-то мог бы использовать ее лучше, чем я.

Она осторожно вернула ему книгу, сделав искусное представление и без того, чтобы открыть ее.

— Пожалуйста, верните ее ему и дайте ему знать, что я ценю этот жест, но я просто не могу позволить ему так сильно жертвовать своими собственными ресурсами ради моей выгоды.

С этими словами она выставила Квая делла Пассалья из своей комнаты в коридор, улыбнувшись ему и пожелав спокойной ночи, когда закрывала дверь.

Квай не был дураком и имел некоторое представление о том, что только что произошло. Не в первый раз он наблюдал, как византийские и в целом западные родственники разыгрывали целую социальную драму, когда дело касалось его дяди или кого-то из других европейцев или американцев, работающих у его дяди.

Он вздохнул с облегчением, понимая, что на краткий миг на карту была поставлена его жизнь. Еще раз вздохнув, он повернулся и пошел в свою комнату, зная, что, когда он вернется, чтобы сообщить новости своему дяде, его жизнь снова будет под угрозой.

Вторник, 26 октября 1999 года, 4:02

Лоджия Мавзолея, Венеция, Италия

— В этом нет никакого смысла. — Чез нахмурился и посмотрел на других присутствующих в комнате.

— Прискорбный факт, на который я не могу дать лучшего ответа. Просто так обстоят дела, и я не могу объяснить иначе, не вникая в более тонкие детали нашей магии, которые, я уверен, вам все равно не понадобятся, — ответил Амброджино Джованни. — Изабель понимает так много только потому, что знает основы нашей некромантической практики. Честно говоря, это все равно не должно иметь для тебя особого значения. Ты — просто мускул.

Чез не знал, было ли это оскорблением или констатацией факта. Иногда эти старые вампиры так долго пребывали в социальной изоляции, что грация их высказываний попросту атрофировалась.

— Не волнуйся, Чез. Вот как это работает. — Изабель откинулась на спинку стула, протирая глаза, по-видимому, благодарная за возможность отойти от того, что было напряженным разговором с Амброджино. — Мы уже говорили раньше о призраках, помнишь? Ну, как оказалось, огромная ударная волна духовной энергии просто опустошила их мир. Думай об этом как об урагане, пронсящемся по городу и разрушающем все, к чему он прикасается. После этой духовной бури границы между мирами живых и мертвых немного размылись. В некоторых местах они настолько истончились, что любой дух может пробиться сквозь них. В других местах им не нужно даже пробиваться — шторм оставил зияющие дыры в завесе между мирами.

— Хорошо, так что это значит? — вмешался Чез, желая убедиться в том, что он все верно понял. — Повсюду бродят призраки? Скитаются по миру? Что, черт возьми, это значит? Если только мы не имеем к ним какого-то особого отношения, какое это вообще должно иметь значение?

— Значение имеют последствия, — добавил Амброджино. — Прежде всего, нужно знать, что некромантическая магия — это наука, а не искусство. При создании эффектов магии смерти почти всегда надежно получают поддающиеся количественной оценке результаты. Если желаемый результат не наступает, значит, где-то в цепочке событий, необходимых для его достижения, что-то не получилось. Это может быть что-то неконтролируемое, например, огромная сила воли со стороны призрака. Возможно, это был шаблонный шаг, который некромант пропустил. Возможно, это было что-то столь незначительное, как кратковременная потеря концентрации или неправильное произношение слова. В любом случае, некоторые требования не были выполнены.

— Хорошо, — сказал Чез, все еще сомневаясь, его глаза превратились в щелочки.

— Все это мы установили. Однако в случае последствий шторма

духов что-то еще стало частью уравнения — что-то, не поддающееся количественному определению. Это может быть очень могущественный сородич или немисливо могущественный дух, — продолжил Амброджино.

— Или, как предполагают некоторые сородичи, — перебила Изабель, — это может быть рука самого Бога.

Чез фыркнул.

— Бога? Ты думаешь, Бог спустился с небес и начал шлепать вампиров и призраков повсюду? Разве это не было бы немного более... О, я не знаю... Чертовски очевидно? Разве Он не стал бы просто бросать молнии с небес или заставлять солнце светить весь день и ночь?

Амброджино встал, презрительно ткнув пальцем в Чеза.

— Не претендуй на понимание Бога, щенок. Перед Ним ты ни что иное, как пылинка в облаке. Ты уже слышал это раньше: «пути Господни неисповедимы». Тот простой факт, что мы не можем эмпирически найти причину шторма или его итоги, наводит на мысль о чем-то, что далеко за пределами нашей способности понять, не говоря уже о том, чтобы овладеть. Что-то более могущественное, чем наша магия, или, на самом деле, магия кого-либо еще.

Вмешалась Изабель, надеясь разрядить гнев Амброджино и вернуть их к изначальной теме.

— Но ситуация с призраками — не самое страшное, хотя она и доставляет нам некоторые неудобства. Я упомянула Бога потому, что похоже, буря не входила в Его намерения. На самом деле, он, похоже, предпринял шаги, чтобы убрать мусор, оставленный бурей. Агенты Бога теперь ходят по-ночам — они хотят уничтожить призраков, которые пробилась в мир живых. Иногда они сталкиваются с вампирами, которых они также считают монстрами. Вот с чем вы столкнулись после того, как неумело провели переговоры о Камарилье в Бостоне.

Чез невольно покраснел и почувствовал вспышку красного гнева.

— Смерть твоего Виктора также соответствует образу действий этих новых охотников. Их команда обосновалась в Лас-Вегасе. Мы думаем, что они поверили, что он — вампир, — ты спал в ванной, чтобы избежать солнца, и им даже не пришлось в голову проверить там. Не зная, как лучше всего уничтожить «вампира», они экспериментировали и отравили его. Тот запах миндаля, который ты помнишь... Не смотри так потрясенно. Ты знаешь, что я могу читать твои мысли. Цианид.

— Хорошо, — Чез вернулся к разговору. — Тогда как это связано с двумя другими вещами, за которыми мы гонялись? Какое это имеет отношение к «старому клану» или чему-то еще, и как Бенито вписывается в картину?

— Ну, Чез, честно говоря, Бенито не вписывается в этот кризис. Его исчезновение четыре месяца назад совершенно случайно произошло в то же самое время, когда мы узнали о проблеме в преступном мире. Теперь я

уверена, что Бенито знал о том, что происходит, по крайней мере, в каком-то смысле. Он сам практикует черное искусство, но он не играет такой уж важной роли в этой конкретной главе драмы Джованни, — призналась Изабель. — Я признаю, что не уделила его исчезновению особого внимания. Потому что один пропавший Джованни — не так важен для благополучия всего клана, как возвращение тех, кого мы считали уничтоженными в далеком прошлом.

Амброджино вмешался

— Что подводит нас ко второй части вашего вопроса: сам старый клан. Когда Джованни начали претендовать на звание клана, мы должны были убедиться, что не возникнет никакой угрозы для наших притязаний. Сородич, который даровал нам становление, стал для нас скорее препятствием, чем благодетелем. Мы уничтожили его выводок, насколько это было в наших силах. Я сам охотился за тем, кого мы считали последним выжившим представителем этой родословной.

— Однако, похоже, что наши усилия были тщетны. Мы недооценили наших предков, они многому научились из некромантии, которой мы их учили. Нескольким из наиболее могущественных детей Ашура удалось сбежать в загробный мир, где они могли легко спрятаться от нас, поскольку они не стали настоящими призраками — мы не имели над ними власти, пока они прятались в землях мертвых. Мы не могли заставить их прислушаться к нашему призыву; мы не могли заставить их служить нам, поскольку они все еще были сородичами, хотя и сородичами, запертыми в мире духов.

— Спустя столетия мы стали слишком самоуверенными. Мы очень долго ничего не слышали об этих сородичах, и мы просто предположили, что Мир Мертвых поглотил их, так как это — крайне негостеприимное место для любого сородича, который остается там надолго.

— Мы были неправы. Правда в том, что старые сородичи клана, которые сбежали, процветали в этом адском царстве. Они практиковали свою нигромантию, не сталкиваясь с границей между мирами. Та же завеса, которая поймала их в ловушку на дальней стороне мира духов, больше не отделяла их от места, где зародились их мистические силы. Джованни создали магию, которая стала родственной практикой некромантии, тарый клан же овладел ею за сотни лет, проведенных по ту сторону Савана.

— Наконец, когда шторм духов иссушил завесу, старый клан воспользовался шансом прорваться обратно в царство живых — в этот мир. Так вот, таких сородичей не так уж много. По моим оценкам, всего их около двадцати. Но старый клан, которому удалось спастись и вырасти, очень силен. Дитя из рода, который даровал становление Августо Джованни, может быть также среди них. Во время нашей чистки только самым могущественным из старого клана удалось сбежать в Мир Мертвых, и с тех пор они стали намного сильнее.

— Так что о том, чтобы просто надрать им задницы, не может быть и речи, — прокомментировал Чез.

— Ну, прямо скажем, да, — ответил Амброджино. — С существами такого возраста и хитрости единственная надежда, которая у нас есть, — это обман. Что-то настолько старое может быть очень хитрым, однако физическое столкновение куда опаснее — это просто самоубийство. Должно существовать какое-то магическое средство.

— Эм, тогда могу я задать вопрос? — рискнул Чез.

— Конечно.

— Если мы не можем победить эту штуку, и она намного сильнее нас магически, то какого хрена Изабель гоняется за ней? Без обид, Изабель, я знаю, что ты хороша в своем деле, но ты не так стара, как эти твари, и они, вероятно, чертовски хорошо справляются с магией смерти. Я имею в виду, я знаю, что не обязан соглашаться с тобой, но в данный момент я выберу это. Однако если это просто убьет меня, я хотел бы быть уверенным, что я сделал все возможное.

Изабель улыбнулась.

— Ах, Чез, ты всегда так легкомыслен. То, о чем говорит Амброджино, — всего лишь предположение. Никто из нашего клана не видел ни одного из этих существ. По крайней мере, не выжил после встречи. Даже Мартино в Гонконге видел лишь мельчайшее пятно, которое могло быть чем угодно. Нам нужно увидеть это, узнать, что оно существует, и узнать у него все, что сможем. Если он не воспримет меня как угрозу, я, возможно, смогу доложить об этом. Разведка — ценный ресурс.

— Но если это убивает Джованни... — Чез замолчал, не в силах осмыслить эту мысль.

— Не всех Джованни. Похоже, старый клан начинает с тех, кто лично несет ответственность за их уничтожение, а затем движется вниз по родословной, — добавила Изабель.

— Тогда почему никто из них не пришел за тобой, Амброджино?

Амброджино посмотрел на Изабель, затем снова на Чеза.

— Я не знаю. Я и сам достаточно могущественен, и, возможно, они хотят устранить меньшие угрозы, прежде чем сосредоточиться на большей, такой как я.

— Я все еще не понимаю этого, — произнес Чез.

— Никто не понимает, кроме старого клана, — призналась ему Изабель. — Пока мы точно не выясним, чего они хотят, все, что мы можем сделать, — это обороняться.

— И у меня есть сородич, который может помочь вам сделать именно это, — добавил Амброджино.

Четверг, 28 октября 1999 года, 1:17

Французский квартал, Новый Орлеан, Луизиана

— Дамы и господа, я с гордостью представляю вам... Натасия!

Глухой, но тяжелый рев голосов завсегдатаев вечеринок ненадолго превратился в приветствие, прежде чем снова вернуться к монотонному гулу. Не многие люди здесь знали Натасию, но они пришли в полуразрушенный дом недалеко от главной улицы, потому что вечеринка длилась без остановки большую часть дня. Зброшенный таунхаус был до отказа заполнен гостями. Люди всех мастей пришли, услышав, что Джейк Алмерсон усыновляет ребенка или что-то в этом роде, и, эй, почему бы не помочь Джейку отпраздновать? Конечно, некоторые люди знали Джейка, знали, что он действительно праздновал со своим ребенком, но это слово имело совершенно другое значение, чем омоним, который, как предполагало большинство гостей, предназначался.

Действительно, Джейк Алмерсон устроил настоящую вечеринку. Отец Натасии, Бруха, позволил каждому гуляке в городе услышать о предстоящей вечеринке — в этот самый момент некоторые из знакомых Джейка бродили по Бурбон-стрит, направляя пьяных туристов и вкрадчивых местных жителей на эпический разврат, происходящий всего в нескольких кварталах отсюда.

Шесть часов назад прибыла пара полицейских патрульных машин. Два офицера шли по тротуару к дому, качая головами и улыбаясь друг другу. После беглых попыток найти кого-нибудь «кого угодно», кто был хоть как-то связан с организацией этого дела, они сдались. Лучше позволить соседям подать несколько жалоб на шум и позволить вечеринке затихнуть самой по себе, чем превращать это дело в полицейский бунт. Кроме того, уже было вызвано несколько машин скорой помощи, чтобы увезти измученных или пьяных празднующих. Пожав плечами, полицейские вернулись к своим машинам с чашками на вынос и продолжили дежурство.

Наверху кто-то провалился сквозь пол того, что когда-то было небольшой библиотекой, но с ним все было в порядке, он упал на пару подростков с электронными роликами, которые щупали друг друга в грубо переделанной прачечной. Туалет представлял собой пересаженный трон посреди гостиной, который в настоящее время занимал «Король Бахус», пьяный Ангел Ада неизвестного происхождения. На короткое время завязалась драка, но победитель уложил своего врага, разбив голову жертвы об окно и размозжив лоб осколками стекла.

Чез провел Изабель по потрескавшейся дорожке и перешагнул через бесчувственное тело заезжего бейсболиста из Техасского университета.

— Милое местечко, но я бы не подумал, что это люди твоего типа, — ухмыльнулся Чез Изабель.

— Я давно знаю Джейка, — запинаясь, ответила Изабель. — У каждого есть свое хобби. Он устраивает вечеринки.

— Ты сказал, что он не был самым дружелюбным человеком в мире.

— Посмотри вокруг. Ему это нужно?

Когда они вошли в дом, небольшая группа, казалось, прыгала вверх и вниз в углу. Чез схватил сумасшедшего завсегдадая вечеринок, который просто случайно проходил мимо.

— Что, черт возьми, там произошло?

Налитые кровью глаза другого гостя на мгновение сфокусировались.

— Они потушили этот чертов пожар. Знаешь, у Натасии сегодня день рождения. Эй, ты знаешь, кто Натасия такая?

— Нет, — Чез отпустил бедного парня. — Пожар, да? Звучит как адская вечеринка!

Изабель ничего не сказала, вместо этого взяв Чеза за руку и начав трудный процесс подъема по лестнице, который повлек за собой расталкивание десятков людей с дороги.

Вонь марихуаны висела над коридором наверху лестницы, как и менее распространенный, но сильный химический привкус кокаинового дыма. Запахи смертного пота и сухой гнили также столкнулись, приправленные намеком на рвоту.

Изабель продолжала настаивать, но Чез высвободился из ее объятий. Толпа более чем начала действовать ему на нервы. Одно дело — устроить вечеринку, но совсем другое — загнать в угол цирк уродов, подобных этим. Чез сделал ненужный вдох, выпрямляясь всем телом и ища любой предлог, чтобы ударить одного из этих пьяниц по лицу. К его удивлению, толпа, казалось, собралась вокруг него, перекатываясь и отрываясь от него, когда он проходил, почти как если бы они чувствовали присутствие его враждебности на каком-то подсознательном уровне и столь же подсознательно старались избегать его.

Несколько рук коснулись его, заигрывания женщин, слишком пьяных, чтобы почувствовать его осязаемую угрозу, ищущих быстрых любовных отношений, ну, с кем угодно, но Чез проигнорировал их. Если он и собирался ввязаться здесь в драку, то не с какой-нибудь пьяной шлюхой, которую он мог бы разорвать пополам. И все же, может быть, у одной из этих шлюх был парень, который согласился бы на внештатную стоматологическую работу...

Вид Изабель в коридоре вывел его из буйных фантазий. Она закрыла одну дверь, обернулась и увидела его, прежде чем открыть другую дверь. Она махнула ему рукой, подзывая.

— Ты, блядь, хочешь выпить, чувак? — Парень, которого Чез остановил внизу, выстроился перед ним, сам только что поднявшись по лестнице и увидев знакомое лицо. — Тебе не нужно возвращаться вниз. Я думаю, здесь тоже есть немного выпивки... Я знаю, что в ванной есть пиво.

— Нет, спасибо. — Чез обуздал желание сломать этого подонка, как веточку. Изабель махала ему рукой, что, вероятно, означало, что она нашла

Джейка, и они могли убираться отсюда к чертовой матери.

— Я, э-э, я не люблю пиво.

— Как хочешь, брат. Ты ищешь что-то более серьезное? Я знаю, у одного парня здесь есть закладки, несколько булочек...

— Нет, чувак, я просто иду туда, чтобы увидеть своего... — Чез прошел мимо своего нового знакомого и прекратил разговор. Он все равно не знал, как бы закончил предложение.

Он присоединился к Изабель, которая покачала головой с притворным неодобрением и открыла дверь.

— Черт возьми, эта ебаная дверь закрыта не просто так, — прогремел голос из темноты комнаты, твердый баритон, с более чем намеком на то, что кто-то уже прерывал его владельца раньше. В воздухе повис тяжелый мускусный запах.

— Прости, что прерываю, Джейк, но нам действительно нужно поговорить.

Полулежащие тела наполняли комнату, возможно, дюжина или около того. Некоторые беспорядочно свисали со сломанных стульев; другие лежали на полу или на ободранном диване, прислоненном к стене. В самой комнате окна были забиты, заклеены скотчем и заляпаны листами гофрированного картона. Ни один лучик света с улицы не проникал в комнату; только усталый огонек единственной свечи освещал это место. Воздух был тяжелым от марева.

— Ну, а кто, блядь, спрашивает? — Одна из форм, самая темная, двигалась, как тень, становясь плотным человеком. — О. Я, блядь, должен был догадаться.

— Такие грубые интонации... — Изабель заметила, что все остальные обитатели комнаты были женщинами. — Что это на этот раз? Я не чувствую здесь никакого запаха наркотиков. Они что, пьяны?

— Они трахались под абсентом. Попробуй и сама.

— Это, по-твоему, смешно?

— Привет, красотка Изабель, это Новый Орлеан. Это то, что сделал бы Лестат, — улыбнулся Джейк. Изабель увидела, что его глаза налились кровью, — она надеялась, что он все еще достаточно разумен, чтобы помочь ей.

— Это прекрасно, Джейк. Кто-нибудь из них мертв? Я не хочу, чтобы кто-то вспомнил обо мне в доме, когда полиция обнаружит комнату, полную мертвых шлюх.

— Они не шлюхи. Я думаю, это чирлидеры из штата Джорджия. Или, может быть, это был штат Сэм Хьюстон. Я не помню. Кого, блядь, это волнует?

— Это была не самая важная часть. Я спросила, мертвы ли они?

— Эта мертва, — вмешался Чез, поднимая одну из маленьких девочек, которая висела у него на руке, как сломанная кукла.

— Они не мертвы. По крайней мере, я так не думаю. Я думаю, ей просто холодно. Абсент заводит тебя, чувак. Не запотевай. Не пей, блядь, это дерьмо, — улыбнулся Джейк. — Эй, ты знаком с Натасией? Она где-то здесь. Моя гордость и радость, детка, мой собственный ребенок.

— Она когда-то была чирлидером? — скромно спросила Изабель, что показалось еще более нелепым, когда она оттолкнула не сопротивляющуюся девушку в сторону, чтобы освободить место для себя на разрушенном диване. Чез подошел к двери, прислонившись к ней широкой спиной.

— Нет, черт возьми, Изабель. Я думаю, она была... она была кем-то вроде стюардессы. Нет, подожди, она была... Черт, я не помню. Но теперь она моя. — Он повернулся, чтобы посмотреть на Чеза. — Что, ублюдок, ты думаешь, кто-то собирается бежать отсюда?

Чез посмотрел вниз на Джейка, который лежал на боку на полу, используя одну из девушек в качестве подушки, положив голову на ее обнаженный живот.

— Нет, я беспокоюсь о том, что кто-то еще войдет. О тебе я могу позаботиться, но я не хочу убивать того, кого не нужно.

— Черт возьми, Изабель, зачем ты притащила сюда этого ублюдка-панка? Он твоя игрушка?

— Он присматривает за мной, Джейк. Он мне кое в чем помогает. Мне также нужна твоя помощь.

— К черту это дерьмо. Я не собираюсь уходить. Я, блядь, хозяин этой маленькой, блядь, вечеринки. И мне все равно не нравится твой мальчик.

Чез рассмеялся.

Джейк обернулся к Изабель.

— О, у тебя здесь настоящий победитель, детка.

— Чез, не мог бы ты, пожалуйста, разобраться с этим? — Изабель посмотрела на Чеза, покачала головой и подняла руку, надеясь, что Чез поймет намек и оставит его в покое.

— Что ж, давай поторопимся, Изабель. Заставь эту ебаную обезьяну спеть, и пошли, — Чез скрестил руки на груди.

Джейк громко рассмеялся и поднял руку, чтобы протереть глаза.

— Чего вы здесь с Робертом де Ниро хотите? Позволь мне вернуться в мой гарем, а?

— Нам нужно найти Оливера Прадомма, — сказал Чез. Нет смысла позволять Изабель превратить это во что-то еще более затянувшееся, чем оно уже было.

— Прадомм? Этот ублюдок сошел с ума. У него нет ничего, что тебе

могло бы пригодиться.

Действительно, Амброджино предупреждал Изабель о тяжелом душевном состоянии Прадомма. Очевидно, бремя родства тяжело давило на него. Тем не менее Амброджино был куда более компетентным некромантом, чем Изабель, и он ее никогда раньше не вводил в заблуждения. Если Амброджино сказал, что Прадомм был ключом, ничто из того, что говорил бы Джейк, не убедило бы ее в обратном.

— Мы решим это сами, Джейк, — сказала она.

— Ну, в любом случае, к черту все это, потому что я не знаю, где этот ублюдок живет.

— О, Джейк, это не может быть правдой. Ты хочешь сказать, что есть что-то, чего не знает будущий принц Нового Орлеана?

— Забей, Изабель. Я никогда не утверждал, что я принц. И пошел ты тоже, нахуй, сука. — Он махнул рукой через плечо на Чеза.

— Значит, ты не знаешь. Ты бесполезен. — Изабель положила руки на подушки рядом с собой, словно пытаясь приподняться.

— Бесполезен? Я не тот ублюдок, который приходит на вечеринку и, блядь, потеет над братом, который просто пытается хорошо провести время. Если хочешь найти Оливера, блядь, Прадомма, попробуй заглянуть в мусорные баки за «Эмерилом» или, может быть, на стоянке у отеля «Интер-Континенталь».

— Это никуда не годится, Джейк, и ты это знаешь. Я думаю, тебе придется отплатить мне за услугу когда-нибудь в другой раз, когда ты действительно будешь способен ее выполнить.

— О, все в порядке, — Джейк снова перевернулся на спину. — Я просто хотел услышать, как ты это скажешь. Это почти делает нас равными, верно? Я имею в виду, мне бы не хотелось, чтобы ты думала, что не можешь доверять старому Джейку в том, что он сдержит свое слово.

Изабель покачала головой.

— Все верно, Джейк. Все в порядке.

— Теперь это то, что брат хочет услышать. Твой Оливер Прадомм, он живет в старой школе примерно в двадцати минутах езды по шоссе штата. Это один из старых городов, давно высохший. Ты узнаешь, когда доберешься туда.

— Спасибо, Джейк, ты был очень любезным хозяином.

— О, мне было очень приятно. Обязательно приходи ко мне как-нибудь еще. Ты даже можешь привести сюда своего мудрого друга.

— Пошел ты, баклажан!

— Пока. — Джейк помахал на прощание вялой рукой девушки под ним.

Изабель и Чез пробрались сквозь пеструю толпу завсегдаев

вечеринок наверху лестницы, остановившись только для того, чтобы оттолкнуть матроса, запикивающего огромную пачку травы в трубку, сделанную из свежего яблока.

— Хочешь попробовать яблочко?

— Нет, — отмахнулся Чез от моряка. Впереди, на лужайке показалась еще одна пара полицейских машин, подъехавших как раз в тот момент, когда Изабель и Чез добрались до ворот, чтобы выйти наружу.

— Там довольно шумно, не так ли? — Один из полицейских окликнул пару, когда вылез из своей машины и засунул дубинку и фонарик в петли на поясе. Слово в подтверждение вопроса, что-то горящее вывалилось из дыры в том, что, должно быть, было чердаком дома, и бомж, прислонившийся к забору, выпустил поток рвоты.

— Да, там настоящий цирк, — небрежно пробормотал Чез. — О, да, офицер, еще кое-что. В комнате слева на верхней площадке лестницы абсолютно нет наркотиков.

Изабель шлепнула Чеза и бросила на него взгляд, который заметили коп и его запоздалый напарник.

— Мм-хм. Хорошего вам двоим вечера, — ответил офицер, проверяя свою кобуру и перцовый баллончик.

— Вам тоже, — с этими словами Чез вывел «ауди» на полосу и проехал сквозь темноту, которая надвигалась с окраин города.

Пятница, 29 октября 1999 года, 2:02 УТРА
Школа Пончартрейн, Ла Лак Блан, Луизиана

Чез припарковал «Ауди» у обочины, где начиналась ветхая лестница, поднимающаяся вверх на добрых двадцать футов. Наверху лестницы маячила заброшенная школа. Поскольку местное самоуправление в Луизиане работало по-другому — в штате не было округов, вместо этого он был разделен на епархии, управляемые Церковью, — школа просто закрылась после того, как сообщество вокруг нее было поглощено болотом более шестидесяти лет назад. Город только что исчез, оставив лишь несколько следов своего существования. Однако и те теперь лежали под слоями виноградных лоз и отложений кальция. Шесть зданий здесь все еще стояли, покрытые плесенью и гнилью. Вся местность выглядела больной, как груда меловых костей, медленно и неизбежно осыпающаяся в землю там, где их оставили. Даже дорога заросла, грязь на ее поверхности предоставляла достаточно почвы для укоренения новой вредоносной растительности. Полный привод автомобиля несколько раз соскальзывал, когда Чез слишком быстро крутил руль «Ауди».

Не помогало и то, что деревья росли неестественным пологом, заслоняя большую часть лунного света и отбрасывая скелетообразные тени там, где освещению едва удавалось пробиться сквозь паутину ветвей. Даже воздух был неподвижен и мертв.

— Как, черт возьми, кто-то должен найти это место здесь, посреди ебаного нигде? — вслух поинтересовался Чез.

— Я думаю, в этом-то и дело, — ответила Изабель. Она достала сумку, в которой лежала странная рукопись, переданная ей Марсией Гибберт.

Они поднялись по лестнице, неуклюже шаркая в темноте, но добрались до верха без каких-либо серьезных трудностей. Маленький электрический фонарик Чеза мало что мог осветить вокруг. Его луч, казалось, исчезал во мраке всего в нескольких футах перед ними и полностью исчез к тому времени, когда они остановились перед входной дверью здания.

Изабель услышала хрипящий, шипящий звук, когда потянулась к двери.

— Ты слышишь это, Чез?

— Прости. Это я, — ответил Чез, и Изабель услышала улыбку в его тоне.

— Что смешного? — Она посмотрела на него так пристально, как только могла, его зубы цвета слоновой кости и запавшие глаза делали его лицо демонически прозрачным, плавающим в темноте перед ней.

— На самом деле это не столько смешно, сколько странно, — сказал он. — Я делал подобные вещи миллион раз, но никогда в подобной ситуации, понимаешь? Я делал все, что мне говорил Фрэнки Джи, попадал

в странное дерьмо и разговаривал с людьми, которые устраивали свои убежища в очень хреновых местах. Я разговаривал с носферату, которые устраивали свои гнезда под гребанным отелом «Челси». Я разговаривал с сородичами в подвалах собора Святого Марка и провел день, прячась в подъездных туннелях нью-йоркского метро. Но все было не так — все это дерьмо было заасфальтировано. Никаких деревьев. Ничего, кроме бетона. Даже Центральный парк кажется, я не знаю, рукотворным, а не естественным. Это дерьмо... Я бы никогда не подумал, что ты застанешь меня здесь. Меня даже не волнует, что это не город. Что меня беспокоит, так это то, что это не под контролем. Это просто хуевое место, которое нашел какой-то сородич и решил остаться здесь. Как будто весь остальной мир не хотел принять его. Как будто другие сородичи не имели к нему никакого отношения и заставили его просто пойти куда-нибудь подальше.

— Но разве это не всегда так? — спросила Изабель, начиная нервничать из-за того, что так сильно тревожило Чеза. Она бесстрастно наблюдала за его упадком уже несколько месяцев. Однако не ее делом было наставление Чеза на путь морали. Возможно, это было результатом того, что он стал больше Зверем, чем человеком. Возможно, он становился более созвучным туманным стимулам, которые могли чувствовать животные и на которые мужчины и женщины не обращали внимания.

— Разве мы не всегда направляемся туда, где можем обосноваться? У меня такое чувство, что наш друг здесь более чем встревожен и он не может подойти к другим ближе, чтобы не известить их о своем присутствии. Ну же, Чез, ты же знаешь, что мы хищники. Ты же знаешь, что мы можем оставаться среди овец достаточно долго. Этот парень, вероятно, вообще не сможет этого делать в течение какого-либо времени.

— Я не притворяюсь, что знаю, что это за хрень, Изабель. Это просто ощущение... смерти.

Изабель открыла дверь, которую Чез придержал, жестом приглашая ее войти.

«Он действительно превратился в животное, — подумала про себя Изабель. — Это даже не по-джентельменски — он просто чувствует что-то ужасное внутри, и его инстинкты заставляют его послать меня первой».

Инстинктивно она призвала свои оккультные силы, чтобы заглянуть сквозь завесу между мирами. И действительно, в мире мертвых школьные коридоры выглядели еще более жутко. Тонкие слои паутины колыхались на болезненном призрачном ветру, и множество крошечных черных отпечатков рук усеивали стены. Все окна в призрачном зале были разбиты. Пустые кабинеты были завалены бумагами. В классных комнатах призрачные куртки висели на крючках в стенах.

Жестяная музыка эхом разнеслась по пустым коридорам. Чез и Изабель обменялись молчаливыми взглядами, прежде чем двинуться на звук. Когда они завернули за угол, музыка стала громче, и они оба увидели мерцающий оранжевый свет, исходящий из одного класса впереди. Должно быть, в нем не было окон, выходящих на фасад здания. Иначе они

наверняка увидели бы даже слабый свет костра снаружи.

Приближаясь, они различили голос чуть ниже звуков музыки, который сам по себе стал отчетливее. Печальная музыка — это был Хэнк Уильямс, его одинокие гитарные ноты, разносящиеся по коридорам и звучащие за миллион миль отсюда. Поверх слов песни какой-то голос читал лекцию.

— И что мы можем... сделать, когда мы не можем найти в себе никакой надежды, дети? Что мы делаем, когда кажется, что миру было бы лучше без нас? Мы не должны поддаваться потере нашей надежды. Господь говорит, что отчаяние — это грех, ибо оно отрицает веру, которую Он хочет, чтобы мы имели в Него. Уповайте на Господа. Он — наш пастырь и наше спасение. Вот, что мы должны делать, дети. Мы должны просить Бога о Его помощи. Мы должны молиться. Он любит нас и просит только, чтобы мы отдали Ему себя. Помните, что Его сын, Иисус, умер за всех нас — он взял на себя все наши грехи и дал Богу возможность простить их. Божья любовь бесконечна. Божья любовь безусловна. Но мы должны позволить Ему дать это нам. Он не хочет, чтобы мы брали это против нашей воли — Бог позволяет нам выбирать.

— Вы, дети, знаете это лучше меня. Вы находитесь с Богом. Вы знаете. Я же все еще здесь... Я еще не знаю, чем вы занимаетесь, и все, что у меня есть, — это вера. Он услышал ваши молитвы и послал меня, чтобы я позволил вам встретиться с Ним, не так ли? Это не так сложно, как кажется. Я не жестокий человек. Хотя среди вас есть те, чьи родители сказали бы, что я орудие дьявола или даже что я сам Дьявол. Вы знаете это лучше, чем я. Вы знаете, что у Бога свои собственные замыслы и что я служу ему, а не воле дьявола. Можно ли сказать, что орудие дьявола имеет Бога в своем сердце? Как может такой человек, как я, который вверяет свою веру и судьбу в руки Бога, предположительно выполнять работу дьявола? Неужели я заблуждаюсь, дети? Я так не думаю. Я молюсь. Я говорил с Богом, и Он дал мне понять, что даже тот, кто так далек от Него, как я, все еще не выходит за пределы Его любви.

— Молитесь, дети. Молитесь, чтобы увидеть еще один восход солнца. Молитесь, чтобы все Божье творение оставалось открытым для вас. Молитесь, чтобы Бог показал вам, как избежать челюстей Ада. Ад — это этот мир, дети, и я спас вас от него. Я в Аду, и я поставил вас на порог дома Господа Бога. Дети, слушайте! Не надо меня ненавидеть! Я сделал вам величайший подарок из всех! Я дал вам рай! Если бы вы сделали это сами, вы бы все еще жили здесь или на круге ниже. Дети! Ответьте мне! Скажите мне, что у вас нет ненависти ко мне, что у вас есть только любовь Господа!

— Боже! Боже, я вернул Тебе этих детей. Я вернул их Тебе на порог! Они умерли там, где их имена не имеют значения. Я перерезал тонкую серебряную веревку, которая связывала их с этим Адом. Они снова Твои! Боже?

— Дети?

Изабель постучала в дверной косяк.

— Мистер Прадомм?

Мужчина не выказал никаких признаков удивления. На вид ему было около пятидесяти смертных лет, плотный седовласый мужчина с аккуратно подстриженными бородой и усами. На нем были плиссированные брюки, белая рубашка и свитер-кардиган, в котором, как ни странно, не было растительной грязи покинутого болотного городка.

— Да? Прошу прощения, дети, у меня гость. Это мисс Изабель из кабинета отца-настоятеля. Поздоровайтесь с мисс Изабель, дети!

Тишина.

Изабель заглянула в комнату, за мужчину, которого она приняла за связного Амброджино, Оливера Прадомма. Ряды и колонны маленьких деревянных столов занимали центр комнаты, каждый из которых был занят неподвижным телом маленького ребенка. Некоторые очевидно пробыли там дольше других, разложившись до такой степени, что единственное, что в них осталось человеческого, — это их расплывчатые очертания. Другие присоединились к классу совсем недавно, на их прохладной коже и синих губах еще не было никаких признаков гниения. У всех были закрыты глаза, их крошечные ручки были сложены в грубом подобие молитвенной позы. В классе было примерно две дюжины мальчиков и девочек, некоторые в синих джинсах и футболках, как современные дети, другие в более официальной одежде и даже униформе, которая наводила на мысль о давно минувших десятилетиях.

Тихо звучали песни Хэнка Уильямса, единственный звук, нарушавший тишину.

— Мистер Прадомм, меня направил к вам Амброджино Джованни, — начала Изабель.

— Я знаю, Изабель. Я знаю тебя. Я знаю, чего ты хочешь. — Прадомм вдруг показался очень усталым, как будто то, что его прервали в пылу, истощило его. Он снял пенсне с переносицы и потер глаза сжатыми пальцами.

— Дети, прошу прощения. Пожалуйста, начинайте свои молитвы, и я скоро вернусь. — Прадомм двинулся, чтобы выйти из комнаты, выжидающе глядя на Изабель и Чеза, которые должны были идти впереди него.

— В любом случае, что это, черт возьми, такое? — Чез протянул руку, остановив Прадомма за плечо. — Что, черт возьми, происходит с этими детьми? Ты что, какой-то больной ублюдок?

Прадомм в ужасе отступил от руки Чеза.

— Мисс Изабель, этот наглый юноша путешествует с вами? — Он отпрянул от жеста Чеза, будто скорее предостерегая, чем бросая вызов.

Со своей стороны Изабель тоже была шокирована.

— Чез, что ты, по-твоему, делаешь?

— Это тот парень, Изабель. Он тот, кто несет ответственность за то,

что это место чувствует себя хреново. Не так ли, ты ненормальный? Ты точно знаешь, где эти дети.

— Чез, что ты...

— Не морочь мне голову, Изабель. Ты знаешь, что я прав. Я прав, не так ли, Прадомм? У тебя где-то заперты все эти гребанные дети. Ты делаешь что-то из этого дерьма с магией смерти, чтобы удержать этих чертовых детей рядом. — Чез шагнул вперед, схватил Прадомма за свитер и поднес его к своему рычащему лицу. — Ты ебаная свинья!

Изабель схватила Чеза за плечо и заставила его повернуться, глядя ей в глаза.

— Отпусти его, Чез, сейчас же!

Глаза Чеза затуманились. Он зашипел и, прищурив глаза, уронил Прадомма на пол. Оливер пополз назад по земле, подальше от своего мучителя, а Изабель посмотрела вверх на своего спутника.

— Не пытайся испробовать это дерьмо на мне. Не пытайся, блядь, сделать это. Я разорву тебя пополам, шлюха. — Чез навис над Изабель, но она отказалась сжиматься, положив одну руку ему на грудь, чтобы он больше не прижимался к ней.

— Пожалуйста, следите за своим языком в присутствии детей, — запротестовал Прадомм.

Изабель взяла себя в руки, мягко прижимая Чеза и неотрывно глядя ему в глаза.

— Ты отойдешь.

И Чез сделал это, не в силах сопротивляться. Он продолжал рычать, темно-красная пелена застилала его глаза. Изабель увидела, что он на грани безумия, и сама отодвинулась от него.

— Расслабься, Чез, — прошептала она. — Он даже не один из нас. Не из семьи.

Чез вздрогнул, очнувшись ото сна. Хмурое выражение все еще оставалось на его лице, но красная ярость утихла.

— Я... о, черт. Я... Мне жаль. Я не знаю, что случилось.

— Тебе нехорошо, Чез. Ты слишком близко подобрался к Зверю, — сказала Изабель.

— Она права. Ты провел слишком много времени не с той своей половиной, — предположил Прадомм, поднимаясь на ноги. Все еще немного неуверенный, он приблизился. — Дай мне посмотреть ... посмотри на меня.

Прадомм вытянул руки перед собой, чтобы показать Чезу, что у него не было дурных намерений.

— Просто дай мне посмотреть. Да, вы совсем далеко ушли. Этот человек был побежден.

— Что, черт возьми, это значит, старина? Что я доставляю неприятности? Черт, да, у меня проблемы. Неприятности для кого-то вроде тебя.

— Чез, я предупреждаю тебя. Успокойся, — повысила голос Изабель.

Настала очередь Чеза устать. Он поник и прислонился спиной к стене.

— О, черт. Что со мной не так? — он ни у кого конкретно не спрашивал. Он обхватил голову руками. Изабель усадила его на пол.

— Что там происходит, Прадомм? Вы учитель?

— Боюсь, я такой же ученик, как и учитель.

— Что там было за дерьмо про Бога и возвращение к Нему детей?

— Все так, как я сказал. Все эти дети умерли. Кто-то должен о них заботиться.

— Ты отправил их всех обратно к Богу? Ты убил их всех?

Оливер Прадомм смущенно посмотрел на Изабель, которая вмешалась.

— Чез, не мог бы ты подождать в машине, пожалуйста. Здесь все в порядке; спасибо, что позаботился о том, чтобы я прибыла в целости и сохранности.

Чез встал, бросив настороженный взгляд на Прадомма, прежде чем повернуться и уйти в задумчивости. Его ботинки оставили холодное эхо в коридоре, когда он зашагал прочь.

— Я приношу свои извинения за это. Он не в себе с тех пор, как... — голос Изабель затих. Она не могла найти для него оправданий. Это было не ее дело, она только наблюдала, как Чез медленно позволял Зверю разрушать то, что осталось от него после Объятий.

— Не обращай внимания, моя дорогая, — Оливер Прадомм потер лоб большим и указательным пальцами. — Пожалуйста, просто дайте мне посмотреть бумаги. Я знал, что ты прибудешь.

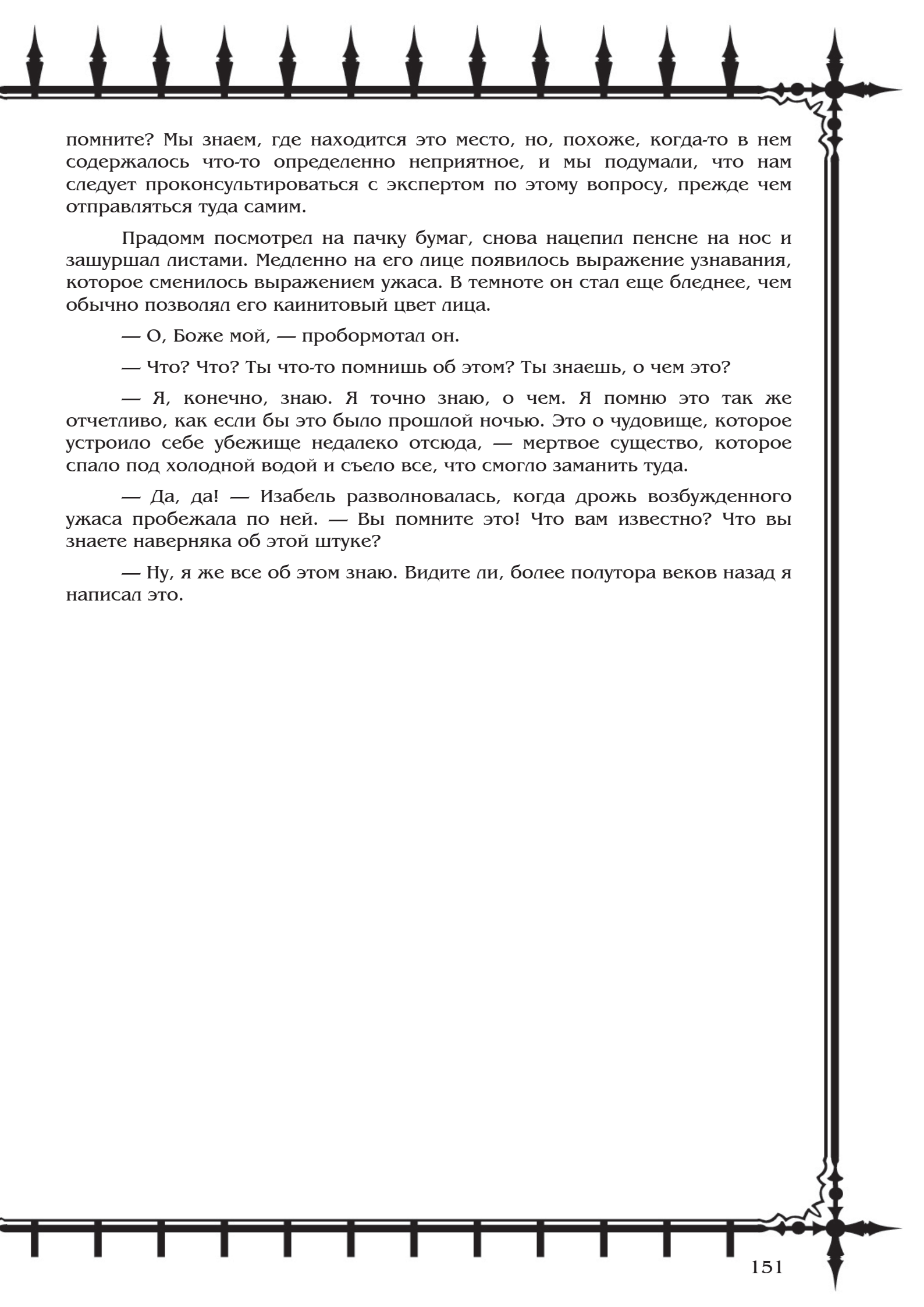
Изабель скептически посмотрела на него.

— Амброджино сказал тебе?

— Амброджино? Я не знаю, о ком ты говоришь. Я видел, что ты придешь. Дети были очень взволнованы; они шептались о тебе весь вечер. Юный Кливленд Тибодо по уши влюблен в тебя. У тебя есть то, для чего я тебе нужен.

Изабель решила, что лучше не задавать лишних вопросов. Она открыла свою сумку и протянула Оливеру дневник.

— Мне нужна ваша острая память, мистер Прадомм. Вы пробыли здесь достаточно долго. Некоторое время назад мой знакомый нашел это, и я надеялась, что вы сможете рассказать мне что-нибудь об этом месте. Никаких странных происшествий, ничего необычного, все, что вы

помните? Мы знаем, где находится это место, но, похоже, когда-то в нем содержалось что-то определенно неприятное, и мы подумали, что нам следует проконсультироваться с экспертом по этому вопросу, прежде чем отправляться туда самим.

Прадомм посмотрел на пачку бумаг, снова нацепил пенсне на нос и зашуршал листами. Медленно на его лице появилось выражение узнавания, которое сменилось выражением ужаса. В темноте он стал еще бледнее, чем обычно позволял его каинитовый цвет лица.

— О, Боже мой, — пробормотал он.

— Что? Что? Ты что-то помнишь об этом? Ты знаешь, о чем это?

— Я, конечно, знаю. Я точно знаю, о чем. Я помню это так же отчетливо, как если бы это было прошлой ночью. Это о чудовище, которое устроило себе убежище недалеко отсюда, — мертвое существо, которое спало под холодной водой и съело все, что смогло заманить туда.

— Да, да! — Изабель разволновалась, когда дрожь возбужденного ужаса пробежала по ней. — Вы помните это! Что вам известно? Что вы знаете наверняка об этой штуке?

— Ну, я же все об этом знаю. Видите ли, более полутора веков назад я написал это.

Среда, 27 Октября 1999 Года, 11:24 вечера
Шоссе 95 За пределами Лас-Вегаса, штат Невада

Бенито услышал гул автомобильного двигателя и почувствовал, как воздух вокруг него завибрировал. Он ничего не видел; черный мешок у него на голове был туго завязан на шее, и он обнаружил, что непроизвольно сплывает вслепую. Он чувствовал запах засохшей крови, запекшейся на щеке, чувствовал, как она покрывается коркой под правым глазом. Он также чувствовал вонь, которая сопровождала его похитителей — одному Богу известно, как долго. Ночи? Недели? Господи, месяцы? Он понятия не имел. Его вонючие похитители накормили его достаточным количеством крови, чтобы он оставался в сознании, но не настолько, чтобы рисковать его освобождением. Они были так же сильны, как и он, — возможно, они были бруха, или, может быть, носферату. Они могли бы даже соперничать с Джованни, но он не мог себе представить, чтобы у этого несносного Николая хватило ума сыграть против двух фракций Джованни.

Нет, все улики указывали на носферату. Бенито вообразил, что этот оципаный дьявол Монтроуз каким-то образом замешан в этом. Из него, безусловно, выкачивали информацию во время пребывания у похитителей. Но теперь, казалось, они покончили с ним.

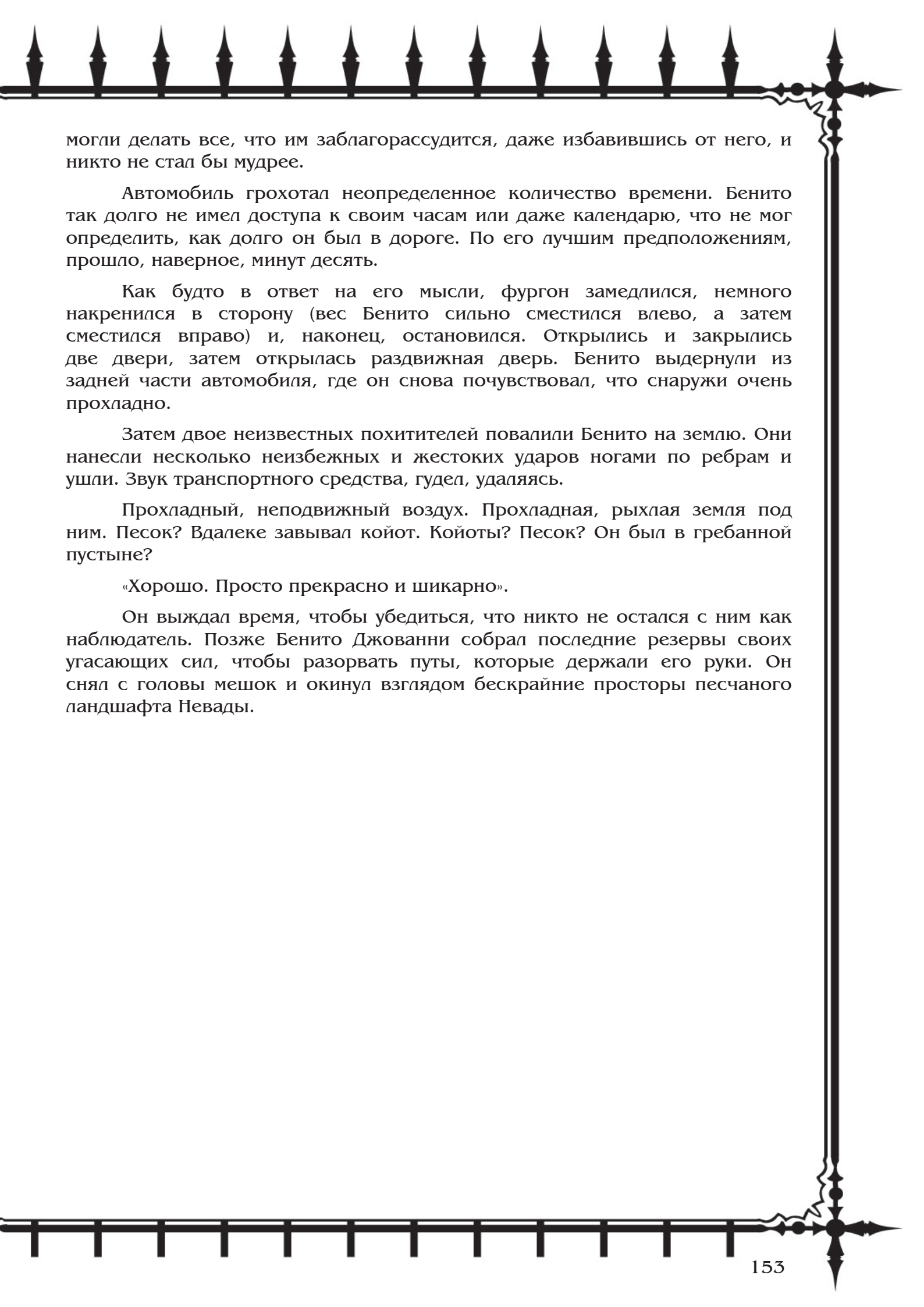
— Что происходит, я спрашиваю? — кричал Бенито любому, кто мог бы ответить или проявить достаточно сочувствия. Однако здесь ничего подобного не было. Его вспышка гнева только принесла пощечину и грубое: «Заткнись нахрен!»

Затем положение изменилась. Бенито почувствовал, как его толкают вверх и вниз, и звук двигателя сменился глухим ревом — его посадили в какую-то грузовую машину. Раздвижная дверь хлопнула рядом с его головой.

«Успокойся, старина, — сказал себе Бенито. — Если бы ты был им нужен мертвым, они бы не стали утруждать себя тем, чтобы сначала отвезти тебя куда-нибудь».

С этого момента его похитители вели себя тихо. Бенито даже не знал, подходит ли множественное число; это мог быть просто один человек, которому было поручено доставить этот относительно пассивный груз туда, куда он направлялся. Или, возможно, группа просто действовала с той эффективностью, которую они демонстрировали все это время, — это были профессионалы.

Теперь, когда Бенито снова оказался рядом со внешним миром, он почувствовал, как в воздухе повеяло прохладой. Воздух также казался относительно сухим — конечно, это был не Бостон. Он не чувствовал слабого запаха соли на ветру и не слышал приглушенного шума уличного движения из соседнего города. Нет, Бенито знал, что он, вероятно, находится в глуши, где, кем бы ни были эти ублюдки, которые его держали,

могли делать все, что им заблагорассудится, даже избавившись от него, и никто не стал бы мудрее.

Автомобиль грохотал неопределенное количество времени. Бенито так долго не имел доступа к своим часам или даже календарю, что не мог определить, как долго он был в дороге. По его лучшим предположениям, прошло, наверное, минут десять.

Как будто в ответ на его мысли, фургон замедлился, немного накренился в сторону (вес Бенито сильно сместился влево, а затем сместился вправо) и, наконец, остановился. Открылись и закрылись две двери, затем открылась раздвижная дверь. Бенито выдернули из задней части автомобиля, где он снова почувствовал, что снаружи очень прохладно.

Затем двое неизвестных похитителей повалили Бенито на землю. Они нанесли несколько неизбежных и жестоких ударов ногами по ребрам и ушли. Звук транспортного средства, гудел, удаляясь.

Прохладный, неподвижный воздух. Прохладная, рыхлая земля под ним. Песок? Вдалеке завывал койот. Койоты? Песок? Он был в гребанной пустыне?

«Хорошо. Просто прекрасно и шикарно».

Он выждал время, чтобы убедиться, что никто не остался с ним как наблюдатель. Позже Бенито Джованни собрал последние резервы своих угасающих сил, чтобы разорвать путы, которые держали его руки. Он снял с головы мешок и окинул взглядом бескрайние просторы песчаного ландшафта Невады.

Пятница, 29 октября 1999 года, 11:59 ВЕЧЕРА

Лоджия Мавзолея, Венеция, Италия

Амброджино Джованни разложил перед собой инструменты: одинокую черную свечу, кусок грубой веревки, завязанной в петлю, полоску бордового бархата. Погасив лампы в комнате, он чиркнул спичкой, зажег свечу и подождал, пока от свечи не поднимется густой столб дыма.

Когда фитиль оплыл и поднялся дым, Амброджино поднял свечу над петлей и пролил на нее несколько тяжелых капель темного воска. Затем он провел пламенем свечи под указательным пальцем левой руки, медленно двигая его туда-сюда. Кожа задымилась, загорелась, почернела и, наконец, раскололась, выпустив на веревку грубую каплю крови, которую Амброджино, морщась от боли, промокнул бархатом.

Желая, чтобы его бессмертные силы закрыли рану, Амброджино заговорил вслух.

— Мертвыми водами реки Стикс, и песней Харона, я заклинаю тебя, Уильям Берк, предстать передо мной.

Пламя свечи погасло, когда порыв холодного воздуха пронесся по комнате.

— Что это за чертовщина? — раздался хриплый голос, за которым не стояло тело. — Что, еще одна поездка для меня? У тебя есть еще что-то, что нужно передать?

— Все верно, мой злобный мальчик, — ответил Амброджино. — Снова в Новый Свет — через все море.

— Это какая-то хрень. Я не буду этого делать, конечно, не буду. Ты не можешь указывать Билли Берку, что ему делать. Он сам по себе, он такой. Билли Берк не прислушивается ни к кому, кроме своего адвоката, это правильно.

— Ах, мистер Берк, боюсь, вы ошибаетесь. Ты действительно сделаешь так, как я прошу. Как видишь, ты больше не принадлежишь себе, а я — хозяин твой и тебе подобных мертвецов.

Амброджино получал огромное удовольствие, вызывая призраков убийц, воров и им подобных. Он обнаружил, в этом большой источник иронии, в том, что он должен посылать этих эгоистичных призраков выполнять свои поручения, доставлять свои послания и запугивать своих врагов. Уильям Берк при жизни был грабителем могил, который продавал похищенные трупы врачам, анатомам и тому подобным, которым нужны были свежие образцы для экспериментов или изучения. Берк так оживленно вел дела в Шотландии, что вскоре исчерпал естественный запас трупов и занялся убийствами, чтобы сохранить свое положение.

— Брось это все или дьявол тебя покарает. Я сбежал для тебя в последний раз.

Амброджино улыбнулся. Он пропел своему призрачному гостю:

— Вверх по ступеням и вниз, в доме, где жили Берк и Хэйр. Берк — мясник, а Хэйр — вор. Нокс — мальчишка, скупающий скот.

— Прекрати эту чушь нести! — взревел призрак Берка. Его напарник, Уильям Хэйр, вместе с ним грабил могилы и совершал убийства, чтобы обеспечить доктора по имени Нокс образцами в течение первой половины девятнадцатого века. Вскоре Хэйр признался во всем на допросе в полиции и выдал своего сообщника. Берка повесили и публично препарировали, но его мстительный дух отказался отправляться в свое последнее пристанище. Весь этот инцидент был представлен как болезненная детская песенка, которая причиняла призраку Берка бесконечные страдания.

— Да-да, приятель, хорошо! Я пойду и сделаю это только для того, чтобы быть подальше от тебя!

— Хороший мальчик, Берк. Я хочу, чтобы ты поговорил с тем же сородичом, с которым разговаривал в прошлый раз. Он на том же самом месте. Ты скажи ему, что та, кто придет к нему — Изабель — она должна пережить эту встречу и вернуться ко мне. Дай ему знать, что если с ней что-нибудь случится, я буду очень расстроен. Понял, Уильям Берк? Тебе все ясно?

— Значит, это тот, с короной из черепов?

— Верно, Уильям Берк.

— О, он такой холодный, точно. Я не знаю, чем ты намерен мне заплатить, но если это удержит меня подальше от тебя и его, я сделаю это и уеду.

— Это хороший парень, Уильям Берк. Хороший для тебя.

Пятница, 29 Октября 1999 Года, 10:11 вечера
Шоссе 95 За пределами Лас-Вегаса, штат Невада

Бенито провел два предыдущих дня под выступом скалы. Он урывками дремал, не будучи уверенным в том, что скала отбросит достаточно тени, чтобы укрыть его от палящих лучей солнца. Много раз в течение дня он просыпался в кровавом поту, который слизывал с пальцев, и вяло передвигался дальше, вне досягаемость приближающегося света.

К вечеру пятницы Бенито пришел в себя настолько, насколько это было возможно, учитывая обстоятельства. Он тайно питался в течение последних двух дней, когда представлялись возможности: немного ящериц в одно время, холодной, густой крови змеи в другое. Он вспомнил ящерицу, хлещущую хвостом от боли. В ее теле было крови чуть больше, чем в рюмке. Конечно, недостаточно, чтобы прокормиться, но достаточно, чтобы не умереть с голоду. Он был голоден, это было правдой, но не настолько, чтобы посвятить всю свою волю и внимание борьбе со Зверем. Однако Бенито сомневался, что завтра вечером ему также удастся сохранить контроль. Ему нужно было поесть как можно скорее.

Он шел некоторое время и наконец сориентировался. Носферату (как он предполагал) выбросил его примерно в тридцати милях от Лас-Вегаса, так говорили указатели и дорожные знаки. Движение по шоссе 95 было все еще довольно интенсивным, но он пока не хотел ловить попутку. Бенито знал, что он, должно быть, выглядит как черт знает что. Наверняка скоро появится заправочная станция, где он сможет воспользоваться туалетом, чтобы привести себя в порядок, и, возможно, даже сесть на автобус до города. Бенито знал, что вегасские Ротштейны его не очень любят, но он и не собирался оставаться там надолго и открывать магазин. Всего одна ночь, может быть, две, и он сможет взять себя в руки и вернуться в Бостон, где ему самое место.

И действительно, сразу за следующей дюной Бенито увидел белые огоньки автозаправки. Он удвоил время, насколько мог, не напрягаясь. Не годилось бы появляться, израсходовав последние запасы жизненных сил и либо впадая в безумие, либо заставляя полицейских дорожного патруля на этот раз искать пропитанного кровью «безумца пустыни»! Примерно в десятой миле от заправки он сбросил скорость и прошел оставшуюся часть расстояния пешком.

Это было одно из тех ветхих дел-старое единоличное владение, которое, как предполагалось, исчезло в конце 50-х годов, когда все нефтяные конгломераты либо купили их, либо довели до банкротства. Это место выглядело так, как будто парень, который им управлял, - «Дэн», - гласила его табличка с именем, - вероятно, жил там, спал в офисе и наблюдал за Спрингером днем, пока дела шли медленно.

Бенито быстро обошел магазин, прихватив кусок мыла, бритву (его обнимала пятичасовая тень, и он брился каждую ночь после подъема-

то есть каждую ночь после подъема, когда его не задерживал отряд головорезов вампиров Носферату), и туристическую футболку, которая отличалась тем, что не была покрыта кто-знает-как-долго грязью и кровью пустыни. Затем он принес свою награду кассиру, который посмотрел на него с каким-то настороженным весельем.

— Ты вампир или наемный убийца? — спросил «Дэн» из-за прилавка.

— Прошу прощения? — Бенито недоверчиво посмотрел на служащего.

— Вампир или наемный убийца?

— Боюсь, я не понимаю, что вы имеете в виду.

— О, не бери в голову. Просто иногда у меня здесь бывают какие-то странные люди. Ты не поверишь, какую чушь они мне рассказывают.

— Ну, я могу заверить вас, что я не вампир и не наемный убийца. Я столкнулся с некой грубой компанией, и они бросили меня в пустыне, но, уделив немного внимания гигиене, я отправлюсь дальше в путь.

— Черт возьми, мистер, вы хотите, чтобы я вызвал полицию?

О, нет, ты этого не сделаешь. Я не сумасшедший из пустыни.

— Нет, в этом нет необходимости. Я не хочу испытывать судьбу.

Бенито не мог не улыбнуться, как бы иронично это ни звучало.

— Тогда ладно. Это будет двадцать четыре девяносто семь.

Дерьмо.

— Ам... — Бенито пошарил вокруг себя. Деньги! Боже упаси, чтобы проклятый Носферату оставил его в пустыне с каким-либо подобием достоинства.

— Двадцать четыре девяносто семь, — повторил «Дэн».

— Да, я слышал тебя. Просто дело в том, что... — Бенито оборвал себя. Не было смысла вдобавок к оскорблению от носферату унижаться перед этим смертным.

— О, да, «грубая компания». Я забыл.

Бенито поморщился.

— Послушай, приятель. У тебя честное лицо. Вот что я тебе скажу. Вы оставляете мне свои водительские права, и я позволю вам вернуться утром и вернуть мне деньги.

— Я, эм... Они даже не оставили мне мои водительские права.

— Ты хочешь позвонить по телефону? Чтобы твоя жена или приятели приехали и помогли?

«Дэн» определенно хотел продать этот товар. Тем не менее, телефонный звонок был очень кстати. Не то чтобы он знал чей-то номер в Лас-Вегасе, но он мог перезвонить Фрэнсису Джованни в Нью-Йорк или даже попросить его секретаршу, мисс Уиндхэм, откопать один из номеров

Ротштейнов.

— Э-э... хорошо.

«Дэн» передал ему телефон, и Бенито набрал номер своего бостонского офиса.

— Добрый вечер, Бостон Файнэншл; могу я вам чем-нибудь помочь?

Мисс Уиндхэм, слава Богу.

— Мисс Уиндхэм! Приятно слышать ваш голос!

— Мистер Джованни?

— Да, это я. Я приношу извинения за свое отсутствие. Там, должно быть, события определенно приняли странный оборот, я прав? — Бенито повернулся к «Дэну», на лице которого было выражение сочувствия, смешанное с дерьмовой ухмылкой. Он убрал телефон подальше ото рта и спросил:

— Могу я получить Вестерн Юнион здесь?

«Дэн» кивнул.

— О, все было ужасно с тех пор, как вас отозвали, сэр! Мистер Лоренцо был вне себя последние четыре месяца, и никто из нас не знал, вернетесь ли вы когда-нибудь.

— Четыре месяца?

Господи, Боже!

— С вами все в порядке?

— Я полагаю, мисс Уиндхэм, что все в порядке, насколько это возможно, учитывая обстоятельства. А теперь, не могли бы вы оказать мне услугу?

— Да, мистер Джованни. В чем дело?

— Мне нужно, чтобы вы перевели мне деньги. Я нахожусь в ... Скажи «Дэн», что это за место?

— Топливо Нуссбаума, — «Дэн» гордо просиял.

— Вы слышите это, мисс Уиндхэм? Топливо Нуссбаума за пределами Лас-Вегаса. Пожалуйста, переведите мне сто двадцать четыре доллара и девяносто семь центов. Спасибо.

— Да, мистер Джованни. Я возьму из кассы и переведу туда через полчаса.

— Еще раз спасибо, мисс Уиндхэм.

Это должно хватить, чтобы привести Бенито в порядок, посадить в такси и отвезти в город, где он мог бы обратиться либо в компанию, выпускающую кредитные карты, либо в местный отель, чтобы снять номер.

Верная своему слову мисс Уиндхэм, перевела деньги в течение тридцати минут. Бенито заплатил «Дэну» и одолжил ключ от туалета.

Суббота, 30 октября 1999 года, 10:54 вечера
За пределами Нового Орлеана, Новый Орлеан, Луизиана

— У меня есть к тебе вопрос. — Изабель ни с того ни с сего выступила со своим заявлением. В течение почти пятнадцати минут ни она, ни Чез ничего не говорили, так как были поглощены стоящей перед ними монументальной задачей. Время для планирования закончилось — они вдвоем, сильно уступающие друг другу, если все станет чем-то иным, кроме наблюдений или разговоров, сознательно направлялись в логово того, что вполне могло быть Мафусаилом. Немногие вампиры отнеслись бы к такому легкомысленно, и серьезность ситуации омрачила настроение в машине. Вполне возможно, они ехали навстречу своей Окончательной смерти. Столь же вероятно, что древние сородичи, которые спрятались в призрачном Мире Мертвых, расположенном рядом с пустынными болотами Луизианы, могли иметь в виду что-то совершенно непостижимое для них. Будет ли «это» использовать их как игрушки? Превратит ли их в пешек для одного из своих следующих маневров в Джихаде? Уничтожит ли их тела и поработит их души?

— Тогда, я думаю, тебе лучше спросить. Никогда не знаешь, будет ли у тебя шанс после этого, — ответил Чез, в его голосе явно слышалось фаталистическое настроение.

— У тебя были какие-то проблемы в последнее время, не так ли?

— Это твой гребаный вопрос? — Чез бросил на Изабель сердитый взгляд через плечо. Она заметила, как его рука на руле напряглась, костяшки пальцев побелели, а рука под курткой дернулась.

— Не будь ублюдком. Ты же знаешь, что тебе не обязательно идти за этим. На самом деле, я не совсем понимаю, почему ты идешь со мной. Не пойми меня неправильно... Я, конечно, ценю, что ты здесь, но в чем дело?

— Хорошо, это твой вопрос?

— Нет, но все равно продолжай и ответь на него. Это может дать мне немного информации, когда я, наконец, соберусь спросить. — Изабель улыбнулась, надеясь успокоить своего спутника.

— Ну, если бы это был фильм, сейчас была бы та часть, где я говорю тебе, что люблю тебя.

— О, Чез, не надо...

— Расслабься, расслабься. Я просто, блядь, шучу. Это все, что я могу делать, беситься и валять дурака.

— Ну, это мой второй вопрос. Или мой первый, на самом деле. Что заставило тебя потерять контроль над собой в школе Прадомма?

— Ах, это. Ничего. Просто какое-то долбанное дерьмо из тех времен, когда я был моложе.

— Ну...?

Чез облизнул губы и немного помолчал, прежде чем продолжить.

— Все дело в этой чертовой семье. Когда ты являешься частью команды, некоторые решения принимаются за тебя. У тебя не всегда есть шанс контролировать свою собственную судьбу.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Ну, у меня есть идея, но что конкретно ты имеешь в виду?

— Хорошо, но ты должна держать это в секрете. Это не общеизвестно.

— Пожалуйста, — Изабель закатила глаза.

— Хорошо. Еще до того, как они решили дать мне становление, я уже завел семью. Смертную. Хорошенькая жена, дом в Джерси, все, чем я владею, зарегистрировано на чужое имя, церковь по воскресеньям пара детей — обычная жизнь мелкого мафиози, понимаешь? А потом, совершенно неожиданно, появился Фрэнки Джи... Я работал на него время от времени, немного ковбойского дерьма, он был моим капо. Он говорил, что хочет взять меня на полный рабочий день, сделать частью команды. Теперь я знаю, что меня никогда не сделают частью, потому что я на одну шестнадцатую испанец или что-то в этом роде, а они хотят, чтобы я был на сто процентов итальянцем. Однако приблизиться к команде — это уже что-то. Это многое значит. Мне больше не нужно заниматься всякой ерундой. Я получу кусочек любого пирога, который подвернется, и я буду больше, чем какой-то уличный придурок. Люди придут ко мне, когда у них будут дела, которые им нужно будет проверить, и я смогу проверить с их помощью свои собственные. Это и значит «быть кем-то». Это значит быть защищенным от тех ублюдков, которые хотят ограбить маленьких парней, понимаешь? Я имею в виду, что в свое время я занимался мелким рэкетским дерьмом, и если один из парней, заработал он или нет, решил бы не платить, кто-то с командой позаботился бы о нем. Но когда ты «в команде» кто-то вроде Фрэнки Джи и его парней отшлепал бы твоего недруга и его приятелей. Он должен защищать своих парней, понимаешь?

— Но частью предложения Фрэнки Джи для меня была жертва. Ты отказываешься от безопасности своей повседневной работы ради больших результатов. Ты отказываешься от страховых союзов, пенсионных фондов и всего этого старого школьного дерьма... Я даже не знаю, понимают ли вообще люди в современном мире все это дерьмо... Прошло так много времени... Ты жертвуешь собой, и живешь лучшей жизнью ради этого.

— В этом конкретном случае, поскольку я был, кроме того, частью семьи, они хотели меня подставить. Сделать из меня гуля, понимаешь? Они дали мне тест, чтобы понять, стою ли я хоть гроша, и только тогда они смогут сделать меня сородичем. Так что я прошел этот тест с честью и все такое. Это было что-то простое, угон какого-то дерьмового грузовика, а затем беготня после этого, чтобы убедиться, что товары отправились туда, где они не вызовут никаких проблем у людей, которые их купили, и получить за них деньги. Ограбление было моим испытанием для всего этого мафиозного дерьма, а также проверкой, заслуживаю ли я быть частью

команды. Довольно просто, если ты меня спросишь.

— Они обратили меня позже в том же году. Я не знаю, как прошло твое *Объятие*, но первая часть моего была довольно заурядной. Они попросили одного из парней осушить меня, что было еще одной частью испытания для крутых парней. Я уверен, ты знаешь, как чертовски больно, когда один из нас пьет из какого-то бедолаги, а затем заканчивает работу брызгая кровью на твои губы. Помню, я подумал, что это довольно странная ситуация, потому что мы находились в подвале мясной лавки в Нью-Йорке. Это было около ста лет назад, и все это для меня было в новинку — ты понимаешь, что я имею в виду? Это не похоже на нынешние ночи, когда каждый гребаный панк, который когда-либо видел фильм или жуткого ребенка в черном, знает, чего ожидать. Я имею в виду, что наша семья намеренно все портит, понимаешь? Я имею в виду, что никогда не читал *Дракулу*, и у меня никогда не было ничего из этого дерьма с Энн Райс, чтобы рассказать мне, о чем вся эта история с вампирами. Я имею в виду, что вампиры, блядь, получают удовольствие от всего этого извращенного психологического дерьма — держать тебя в неведении, не давая тебе знать, что они планируют с тобой сделать. Я тоже виноват в этом. Я думаю, это избавляет от скуки этой гребанной вечной жизни. Это отвратительная игра.

— Ты немного меняешь тему, не так ли, Чез? — перебила Изабель.

Это на мгновение заставило его замолчать.

— Да, наверное, так и есть.

— Что же тогда случилось? Ты сбился после того, как тебя обняли.

— Ну, вот и все, видишь ли. Чертов Фрэнки и все эти разговоры о жертвах. Он, блядь, не говорил о том, что мне придется пожертвовать какой-то дурацкой привязанностью. Он хотел, чтобы я, блядь, принес себя в жертву, чтобы доказать, что то, чем я становлюсь, важнее того, кем я был. Эти ублюдки, как только они обратили меня, они покинули подвал и заперли гребанную дверь. Я весь схожу с ума от голода, бегаю по комнате, ищу что-нибудь. Я думаю, может быть, кровь просочилась сквозь пол из мясницкой наверху, или, может быть, крысы, собаки или какое-нибудь дерьмо спустится сюда, и я смогу наброситься на них.

— Потом я слышу, как что-то стучит в холодильнике. А это ведь Нью-Йорк начала века. У нас не было больших металлических шкафчиков для мяса с климат-контролем, у нас были большие металлические ящики, которые охлаждаются слой за слоем изоляции и буквально обрастают льдом, чтобы все дерьмо оставалось прохладным. Я совсем с ума схожу от голода, и мне приходит в голову, что то, что там стучит, вполне может быть живым, так что я, блядь, ныряю туда, как одержимый.

— Это мои гребанные дети. Это чертовы Рут и Аманда.

— Но какой, черт возьми, у меня был выбор? — Кровавые слезы текли по лицу Чеза. Он смотрел на дорогу в темноте перед собой, как будто мог просто уехать от всего, что видел в прошлом.

— Мне очень жаль, Чез.

— О, это еще не конец. Видите ли, они специально не сажали туда мою жену, чтобы, когда я успокоюсь и они меня выпустят, мне пришлось бы вернуться к ней. Ну, мне бы и не пришлось, но они не хотели, чтобы я это сделал. Если бы я убил свою жену, у меня не было бы другого выбора, кроме как продолжать жить своей неживой жизнью.

В машине повисла тишина.

Через несколько минут заговорила Изабель.

— И?

Чез покачал головой и вздохнул.

— Мне тоже пришлось убить ее. Я не мог позволить ей продолжать заниматься такой ерундой, как это, полностью изменив ее жизнь. Я имею в виду, как, черт возьми, ты реагируешь на такие вещи? Что касается меня, мне пришлось жить и смириться с этим, но это потому, что я, блядь, сам сделал это. Когда что-то подобное просто случается с тобой, что ты делаешь? Как, черт возьми, ты вообще можешь жить, вставая с постели, зная, что что-то столь же хреновое или еще хуже может произойти с тобой на следующий день, понимаешь? Моя чертова жена не сделала ничего, чтобы заслужить это, она вышла замуж за парня из мафии. Самое худшее, что могло с ней случиться, — это то, что я в конечном итоге умру, а она пойдет своим путем или снова выйдет замуж. Мои чертовы дети — они, блядь, не выбирали, чтобы родиться у нас с Анной. Они просто, блядь, родились не у того парня не в то время, и его гребанные больные коллеги поставили их на путь совершенно неправильного дерьма. Что касается меня, я, блядь, просыпаюсь с этим каждую ночь в течение ста лет, блядь, и пытаюсь смириться с этим, понимаешь? — Еще больше слез потекло по его щекам.

— Да, но ты не можешь...

— И это в основном то, почему я повсюду следую за тобой в этом деле. Может быть, это не самое альтруистичное дело, знаешь ли, помогать кучке ебанных вампиров разобраться в том, что их преследует, но это только начало? Это, возможно, имеет какое-то положительное значение. Фрэнки мертв. Гребаный Виктор мертв. Не похоже, что мне есть к чему возвращаться, кроме как, кто знает, сколько еще ночей причинять боль людям, когда мне этого хочется, и это, по крайней мере, позволяет мне чувствовать, что я что-то делаю.

— И это то, что меня взбесило прошлой ночью, когда я увидел, как все эти чертовы дети выстроились аккуратными маленькими рядами в гребанной школе Прадомма. Он убил тех детей. Он, черт возьми, сам решил это сделать. Он старался изо всех сил, отбирал отдельных блядских детей и выпивал их досуха. Когда я ложусь спать в конце ночи, это все, что я могу сделать, чтобы не встретить гребанный рассвет из-за какого-то дерьма, которое случилось сто чертовых лет назад, которое я не мог контролировать, и это то, что он может сделать, рационализировать и стать

чертовски счастливым, как будто его это ни в коем случае не касается. Мои дети и моя жена... Я бы уничтожил любого, кто прикоснется к ним. Но этого было недостаточно. В его случае он не придает этому ни малейшего значения.

— Сукин сын.

Изабель знала, что не может сказать ничего, что могло бы изменить состояние Чеза. Это был его личный демон. Без сомнения, когда он увидел Зверя, на нем было лицо его жены, искаженное маской предательства. Он говорил стереоголосами своих детей, спрашивая, почему, папа, почему, что мы сделали?

В этот момент зазвонил портативный телефон Изабель. Чез подскочил, когда цифровой сигнал зазвучал, вырванный из своих неприятных раздумий. Изабель быстро ответила: «Алло?»

— Где?

— Он был там все это время?

— Из Лас-Вегаса? — Она бросила многозначительный взгляд на Чеза.

— Верно. Прошлой ночью. Нет, сегодня утром?

— Хорошо. Спасибо тебе.

Изабель выключила телефон и снова посмотрела на Чеза.

— Ну, у меня есть еще одна причина, чтобы ты остался со мной.

— О, да? Здорово. В чем дело? — Сарказм действительно сочился из голоса Чеза.

— Наш человек Бенито ... он мертв.

Пятница, 29 октября 1999 года, 11:43 ВЕЧЕРА

Топливо Нуссбаума, За пределами Лас-Вегаса, штат Невада

Бенито вошел в ванную, неся горсть только что купленных принадлежностей. Вся прогулка от витрины магазина до туалета на обочине была недолгой. Ключ был прикреплен к огромному старому рулевому колесу, а руки Бенито были заняты тем, что держали туалетные принадлежности, которые он только что купил. Войдя внутрь, он проверил единственную помятую кабинку, чтобы убедиться, что он один.

Налив в грязную раковину тепловатой воды, Бенито посмотрел на себя в зеркало. Он был в полном беспорядке. Сначала о главном. Он снял рубашку и сунул ее в мусорное ведро. Намылил руки водой с мылом. Вымыл лицо и смыл грязь с рук, предплечий и шеи. Плеснул немного воды на волосы, чтобы размыть кровь и грязь пустыни, которые там скопились.

«Господи, если бы я работал на заправке посреди пустыни, я бы даже близко не подпустил себя к этому месту».

Прежде, чем приступить к ритуалу бритья, Бенито положил руки по обе стороны раковины и покачал головой. Что привело его сюда? Он смутно помнил, как разговаривал с вонючими неизвестными, которые похитили его, но они очень мало рассказали ему о себе. В этот момент он даже не был уверен, были ли они Носферату.

Вернувшись в настоящее, Бенито оглядел окружавшее его убожество. Дверь в уборную выглядела так, как будто ее выбили, а затем привинтили обратно к раме. Кто-то нацарапал на внутренней поверхности двери:

Р. О. Е.

О. Р. Е.

А на подоконнике, там, где раковина соединялась со стеной, стояла засаленная жестянка с использованной помадой. На полу валялась наполовину выкуренная сигарилла, выглядевшая такой сухой, что ей, должно быть, было не меньше десяти-двенадцати лет.

Даже свет нес в себе чувство страдания и отчаяния — два из шести светильников, освещавших комнату, покрытую линолеумом, выгорели, а остальные были настолько пожелтевшими, что изменили цвет лица Бенито с бледного на желтушный. Немытые корки дорожной и бензиновой грязи скапливались в углах, ползли по стенам кабинки и заполняли стыки между плитками. Стойка раковины «Formica» была исписана, сожжена сигаретами, испещрена другой таинственной дрянью и покрыта полузатертыми следами средства для чистки плитки.

Тем не менее, у Бенито было около получаса до того, как приедет его машина, и он предпочел бы провести его, придавая себе цивилизованный вид, чем выслушивая какую-нибудь неудачную историю или кинематографический сюжет, рассказываемый «Дэном». Он намылил лицо мылом и окунул бритву в покрытую рябью воду, готовясь срезать

щетину, которая украшала его лицо сегодня и каждую ночь после Объятий.

— Ужасное место для смерти...

Бенито огляделся. Он не слышал, как открылась дверь, и никого не заметил здесь, когда вошел в первый раз. Должно быть, кто-то снаружи.

— Элоди, Хазимель, Николай...

Эта тарабарщина нервировала полуодетого Джованни, хотя он узнал в последнем имя, которое было ему неприятно знакомо. Он развернулся, надеясь, что сможет «увидеть», откуда донесся голос, то ли через движущиеся тени под дверью, то ли, что менее вероятно, кто-то спрятался за чем-то в самой уборной. Но где?

— Целуй, как паук...

После этого последнего странного заявления Бенито услышал хлопок, и одна из четырех зажженных лампочек в туалете лопнула, осыпав его, раковину и пол каскадом тонкого зазубренного стекла.

— Что, черт возьми, здесь происходит?

Хлоп. Еще одна лампочка разбилась, оставив комнату освещенной только болезненным полумраком.

А затем дверь в кабинку медленно распахнулась, скрипнув на ржавых петлях. Бенито обернулся — чтобы посмотреть на это с недоверием — он проверил кабинку, чтобы убедиться, что внутри никого не было.

Из крошечного вестибюля выползла фигура, знакомая, но почему-то непохожая на Бенито. То, что когда-то было гладкой смуглой кожей, было пересечено сеткой багровых келоидных шрамов. Глаза фигуры не совпадали — один был таким же, каким Бенито видел его раньше, но другой выглядел так, как будто его вырвали и грубо вернули в глазницу. Чужой глаз действительно светился красным, светясь и тускнея с кажущимися случайными интервалами. Одежда, в которую была одета фигура, была рваной, грязной, выглядевшей так, как будто их владелец совершил переход от своего прежнего «я» к этому новому. Волосы были спутаны, пальцы длиннее и костлявее.

— Леопольд? — в ужасе спросил Бенито.

— То же самое... то же самое снова и всегда. Леопольд тебя знает. Леопольд... Так много ночей было потрачено впустую на тебя, Бенито. Так много времени... твоя кровь больше не кричит, как раньше. Затерянный среди отбросов, Леопольд... нет! Бенито! Ты торгуешь этими вонючими крысами? — очевидно, Леопольд бредил, вероятно, обезумев от того, что вызвало в нем эту ужасную перемену.

Бенито сделал шаг назад, остро осознавая странность ситуации. И вот он здесь, у черта на куличках, в туалете на заправке, который, как он предполагал, был пуст.

— Леопольд, о чем ты говоришь? — медленно спросил Бенито, надеясь не спровоцировать опустошенного каинита на какой-либо

опрометчивый поступок.

— Я же говорил тебе, это ужасное место для смерти! — Леопольд сплюнул, его здоровый глаз, если так можно было выразиться, зажмурился от боли. — Ты что, не слушаешь? Имена проклятых с трудом слетают с языка!

— Это чепуха, Леопольд. О чем ты говоришь? Тебе нужно, чтобы я тебя понял?

— Мне ничего не нужно!

«Хорошо, хорошо. Тебе ничего не нужно. Тогда чего ты хочешь?»

— Чего я хочу? Я хочу, чтобы ты умер, но это ужасное место.

Бенито знал, что не произнес свой последний вопрос вслух — или произнес? Леопольд пожирал мысли, которые вертелись у него в голове, приближаясь к нему все с большей и большей злобой. То, что несколько секунд назад выглядело несчастным и побежденным, теперь казалось уравновешенным и злобным монстром, питающимся страхом и беспокойством, которые изливались из самого Бенито.

— Ужасное место? Почему мне нужно...

Быстрее, чем Бенито успел заметить, Леопольд выбросил вперед руку, скрутив ее в мясистый полумесяц, увенчанный зазубренной корочкой кости. Зубец скользнул по руке Бенито, открывая плоть его живота и выплескивая иссохшие остатки его некогда жизненно важных органов. Кровь текла из раны, покрывая пол липким блеском. В глазах Бенито отразились ужасная боль и шок, и он отшатнулся назад, желая, чтобы то, что осталось от скудной жизненной силы в его теле, закрыло рану. Если Леопольд намеревался убить его, у него было очень мало шансов одолеть безумного каинита.

Инстинкт самосохранения взял верх. Независимо от преклонного возраста Бенито, его голод побуждал Зверя бежать. Он развернулся, направив всю свою вечную силу на дверь, сорвав ее с петель и отбросив на парковку. А потом он сбежал... — но поскользнулся в луже своей драгоценной жидкости, запятнавшей пол.

Леопольд, не теряя времени, приблизился к своей добыче. Его ребра вырвались из туловища, удлинняясь и пронзая Бенито, раздвигаясь и разрывая свою жертву на части. Четверть груди Бенито, часть, прикрепленная к его шее, чудовищно отделилась от туловища. Рука упала на землю, вырванная из сустава вторгшейся костью Леопольда и отсеченная, когда реберный червь изогнулся, чтобы вернуться в тело Бенито. Через несколько секунд то, что было Бенито Джованни, превратилось не более чем в разбросанные кучи крови, оскверняющие туалет в Неваде. Вскоре, после того как его настигла Окончательная Смерть, останки Бенито рассыпались в жирный пепел.

К тому времени, как пепел покрыл пол, Леопольд исчез, но растворился ли в ночи или вернулся в царство бессознательного, из

которого он застал Бенито врасплох, никто не мог сказать, потому что никто ничего не видел.

Через час прибыло такси Бенито. Водитель, гуль из шотландской ветви семьи Джованни, точно знал, на что смотрел. С осторожным выражением лица он сгреб достаточно пепла, чтобы позволить одному из опытных некромантов расследовать смерть Бенито Джованни; и умчался в ночь.

Дэн Нуссбаум почесал затылок и проклял того, кто сорвал его дверь с петель.

— Чертовы наемные убийцы-вампиры!

Воскресенье, 31 Октября 1999 Года, 12:21 УТРА

Поместье Бурбонов, За Пределами Нового Орлеана, Штат Луизиана

Остатки поместья Бурбонов — дома, где Оливер Прадомм пережил свое испытание со Слепым Томом и тем, что там обитало, — пришли в негодность более ста лет назад. Запуганная чудовищем, которое устроило себе убежище в подвале, вдова дома и ее слуги последовали примеру Оливера и вскоре после того, как он уехал, покинули поместье.

С тех пор болото приложило много усилий, чтобы вернуть землю, которая когда-то принадлежала только ему. Ползучие лианы поднимались по заболоченному холму к дому, окутывая его органической клеткой растительного мрака. Время и стихии разрушили фундамент и стены некогда гордого дома, оставив после себя бреши, гниль и ветхость. Хотя воздух отказывался двигаться на уровне земли, какой-то дрожащий ветерок проникал через разбитые окна и распахнутые французские двери верхнего этажа дома, двигая тяжелые бордовые шторы дома, так что они выглядели как вялые черные призраки в темноте ночи.

Изабель и Чез обошли вокруг огромного здания в поисках того, что осталось от подвала, который Прадомм описал в своем письме или дневнике. Вскоре они нашли его — грубое, прогнившее деревянное сооружение, лежащее поверх зияющего грота, который, без сомнения, образовывал сам подвал. Не успели они найти вход, как воздух ожил от пронзительного вопля. По территории пронеслись холодные порывы ветра.

— Духи беспокойных мертвецов, — призналась Изабель Чезу. — Эта штука внутри привязала их к дому, они служат часовыми или что-то в этом роде. Они, вероятно, злятся из-за своей зависимости от него... Я чувствую, что они не служат добровольно.

— Это может нам помочь? — спросил Чез с несвойственной ему надеждой в голосе. Со второй половины поездки на машине он был угрюм и замкнут, на него повлияли призраки, населявшие его собственное прошлое, и смерть сородичей, за поиски которых он был изначально ответственен. Все, кого он знал, кто был замешан в этом деле, вскоре сами оказались мертвы.

— Сомневаюсь, — призналась Изабель. — Сородичи под домом, вероятно, старше всех этих духов вместе взятых, и гораздо могущественнее. Даже если бы они действовали в унисон, монстр, вероятно, мог бы рассеять их взмахом руки или изгнать в другие миры. Я боюсь, что нам придется столкнуться с этим в одиночку и на его собственных условиях.

— Вот дерьмо, — добавил Чез. Изабель отметила, что, по крайней мере, это соответствовало его характеру.

Осторожно ступая в темноте, они вдвоем направились к деревянной двери, которая навряд ли защищала мир от существа внутри. Чез распахнул дверь на ржавой петле, которая издала металлический скрежет, мало чем

отличающийся от голосов беспокойных призраков, воющих вокруг них.

Под домом осадочные породы болот Луизианы образовали полосатую пещеру. Кое-где от пола до потолка грота тянулись огромные бревна или гроздь кипарисового дерева, служившие опорами для огромного здания над ним. Влажная растительность ползла по различным трещинам в потолке, волоха скользкую паутину по коротким выступам, которые также делали его поверхность шероховатой. Лужи неподвижной воды собирались во впадинах, которые покрывали неровный пол, и в неподвижном воздухе витал тонкий, приторный запах разложения. Фонарик Чеза освещал темноту слабым конусом, сквозь который проходил туман, как эфемерные тела призраков, которые, без сомнения, были изгнаны из самого убежища древних сородичей.

Затем голос поразил Изабель, прозвучав в ее голове, как церковный колокол. Он не был ни мужским, ни женским — тяжелый, необъяснимый гул пронесся в ее голове. Сородич, отдыхающий здесь, знал, что она и Чез прибыли, и он протянул телепатическое щупальце в ее разум.

— Зачем ты пришла? — оно спрашивало.

Изабель ответила вслух, чтобы Чез имел некоторое представление о том, что происходит.

— Мы пришли, чтобы спросить о ваших мотивах. Мы хотим знать, почему вы убили так много наших людей.

— Наглая гадюка, вы оба. Мои дела — это мои собственные дела. Вам ничего не нужно объяснять. Ты и тебе подобные, которые загнали нас так далеко под покров ночи... Я делаю то, что хочу.

— Но, почему? Это месть? Против тех, кто охотился на вас в прошлом?

Чез, к сожалению, не смог понять, что происходит.

— О чем, черт возьми, ты говоришь, Изабель?

— Это мон ... сородич. Он говорит со мной через мистический дар.

— Я чувствую гнев со стороны другого. Он видит алый ореол. Не приводи сердитого гостя в мой дом! Ты уже преступила, ты нарушила святость моего убежища. Самонадеянно и нагло!

— Это мой компаньон, Чез. Чез защищает меня. Мы не представляем для вас никакой угрозы, старейшина. Мы знаем, что вы можете уничтожить нас по своей прихоти. Мы оба пришли только за знаниями. Не зная причины вашего гнева, мы не сможем положить ему конец.

— Это чертовски пугает меня, Изабель.

— Пожалуйста, Чез. Мне нужно сосредоточиться. Ты уже сталкивался с подобными вещами раньше. Просто позволь мне поговорить с нашим хозяином.

— Твой защитник гневлив! Насколько он может обезопасить тебя? Он ожидал только этого...

— Что ты имеешь в виду, говоря, что ожидал этого? Ты знал, что мы придем?

— Я знал. Я знал. Я знаю о конце и о тьме. Но некоторые вещи все еще удивляют меня. Даже голоса из-за холода не могли сообщить о прибытии другого. Ему не может быть предоставлен тот же иммунитет, о котором просил человек в плаще. Уильям Берк! Возвращайся и скажи своему хозяину, что я выполню его просьбу, в точности!

— Уильям Берк? Что ты имеешь в виду, почтенный старейшина? — Изабель была озадачена поворотом слов невидимого старца. — Уильям Берк не путешествует со мной.

— Кто, черт возьми, такой Уильям Берк? — потребовал Чез, в его голосе послышалось рычание. — О, так что же это, черт возьми, такое?

Изабель наблюдала, как воздух вокруг Чеза затуманился — темный и плотный, вокруг него закружился черный вихрь. Легион потусторонних голосов завыл хором, звуча как сила штормового ветра. Однако воздух в комнате оставался пугающе неподвижным, что еще больше тревожило Изабель и Чеза. Надвигающаяся на него буря была неестественной, состоящей из потока призраков.

Казалось, что древний сородич почувствовал слабость Чеза, его близость к Зверю. Изабель смотрела, как ярость и боль исказили лицо Чеза. Его глаза ввалились, темнея, а рот разинулся, как у рыбы, вытщенной из воды. Он обнажил клыки. Его руки сжались в кулаки, а затем снова разжались, как будто он пытался схватить своих призрачных мучителей, которые с легкостью ускользнули от его хватки.

Бестелесный голос снова зазвучал в голове Изабель, злобный тон с оттенком веселья за ним.

— У этого запаха вспыльчивый характер. Мы послали ему предложение, чтобы посмотреть, как он отреагирует.

Шли бесконечные секунды, и Чез почувствовал, как его захлестывает эмоциональный прилив, который обрушили на него нападавшие. Простое разочарование от этого разожгло его гнев, но страсть призраков, которые кружились вокруг него, тянула его к безумию, подводному течению призрачного смятения и высвобожденной ярости.

«Отвали от меня нахрен,» — подумал он и ударил кулаком в пустоту.

— Чез, сохраняй спокойствие. Сохраняй спокойствие, — предупредила Изабель, но что, черт возьми, она могла сделать? Шторм продолжал кружиться. Чез мог видеть отдельные лица в призрачной буре, улыбающиеся, насмешливые и произносящие непристойности. Их визг эхом отдавался в его голове громче, чем его собственные мысли. Он снова нанес удар, а затем снова, так и не вступив ни разу в контакт. Леденящие когти вцепились ему в волосы, задрали куртку, потянули за руки и ударили его из-за завесы тьмы между мирами. Поток отдельных слов и проклятий вырвался из какофонии:

— Холодно, так холодно, подойди, прикоснись к нам, присоединяйся к нам, будь частью такой теплой ненависти, такой далекой от человека, по-настоящему потерянной!

Водоворот тел слился, соединившись, чтобы сформировать... что-то. Лицо. Чез вытянул руки перед собой, надеясь разогнать формирующееся лицо, но его руки снова прошли сквозь призраков. Облик стал более отчетливым, скелетная складка растянулась на выступающих костях. Оно стало более четким, а затем череп треснул, разразившись хмурым смехом, наполнив мертвый воздух своим визгливым весельем... А потом исчез. Однако хихиканье продолжалось, становясь слышным Изабель, которая закрыла уши, прежде чем оно оглушило ее. Смех растворился и немного стих, сменившись ревом рассеявшихся призраков. Глаза Чеза сузились до щелочек, когда он оцетинился.

— Что, черт возьми, так чертовски смешного? Какого хрена ты смеешься? Ты, блядь... трус! Где, черт возьми, тебя носит? — Он опустил плечи, выглядывая так, словно собирался вот-вот на кого-то наброситься.

— Чез! — крикнула Изабель. — Оставайся спокойным.

— Слишком поздно, слишком мало.

Чез прыгнул вперед, в тяжелую пустоту грота, за ним последовала Изабель. На несколько ярдов глубже в пещеру закружилась вихрь тьмы, и смех приобрел тембр. Чез вскипел. Изабель прыгнула, чтобы удержать его, но он швырнул ее на землю, потерявшись в муках безумия. Лежа на полу, Изабель посмотрела на Чеза, увидев, как мускулы его толстой шеи выпирают из-за воротника, как клыки торчат из разинутой пасти, и поняла, что он обречен. Он бросился вперед.

И остановился в воздухе, рухнув на пол.

Из вихря вышла болезненно худая фигура, больше всего похожая на ожившее пугало, в полтора раза выше человека. У него не было пальцев, только длинные когти, и клочья савана свисали с него, как капюшон самого Мрачного Жнеца. Фигура не показывала лица, одетая в паутинную черную вуаль, прикрепленную к идеальному кольцу маленьких гуманоидных черепов, у каждого из которых отсутствовала нижняя челюсть. Когда он шагнул вперед, вихрь закрылся, растворяясь в безликой темноте самой пещеры.

Тварь покачала головой, и смех продолжился. Костлявый палец указал на Чеза, другая рука капризно взмахнула. Он ходил с Богом. Он видел, как с неба льется кровавый дождь. Он избежал тысячелетней охоты, а затем еще одной. Он спал под плотью фараонов, а позже под их безжизненными костями. И этот «юнец» думал, что может уничтожить его? Не сегодня. Снова смех. Не сегодня.

Чез вскочил с земли, ревя, сжимая протянутые руки... и превратился в облако пыльного пепла. Несколько секунд спустя пепел осел полосой на полу грота перед фигурой.

Он продолжал смеяться.

— Пепел к пеплу, пыль к пыли.

На лице Изабель появилось страдальческое выражение. В отчаянии она опустилась на колени, ее руки оставили отпечатки на останках тела Чеза.

— В этом вся мощь. Это то, что я могу делать и буду делать. Вы не можете остановить это; никто не может. Однако это даст тебе фору. Я хочу, чтобы ты знала, и передала другим, и рассказала им. Человек в плаще хотел бы, чтобы ты вернулась к нему.

Мертвая фигура шагнула вперед и наклонилась, схватив Изабель за тонкую шею своей адски сильной хваткой. Он поднял ее, поднеся к тому месту, где должно было быть его лицо, и наклонил голову, как будто изучая ее. Затем он уронил ее на пол.

Он был здесь веками, и никто не нашел его, кроме нескольких проклятых. И посмотрите, что из этого вышло? Мертвец — ничего, кроме полоски пыли. Он ушел, утолив свою жажду на несколько ночей. Так было. И так будет всегда. Это вне времени, потому что память у него долгая.

— Отнеси это своим хозяевам.

— Но... — запротестовала Изабель.

— Нет, никаких вопросов.

Изабель обернулась и посмотрела через плечо назад, на вход в грот. Когда она снова посмотрела туда, где стояла фигура, все, что осталось, — это неподвижный черный воздух и слабый каскад пыли.

Четверг, 4 ноября 1999 года, 1:37 утра
Рейс 2226, авиакомпании Бритиш Айервэйс,
где-то над Атлантическим океаном

Внутри своей грубой сосновой коробки Изабель открыла глаза и уставилась на деревянную обшивку, которая защищала ее от внимания внешнего мира.

Неудача.

Полный провал.

Неспособность решить судьбу Бенито Джованни. Неспособность вернуть Джованни хоть какую-то надежду относительно нечестивой мощи заговора древних сородичей, которые, без сомнения, будут охотиться на них в грядущие ночи. Неспособность предотвратить войну сект, которая разыграется на улицах Бостона. Несмотря на то, что Джованни сохраняют свое превосходство в Бостоне, конфликт между вампирами Камарильи и Шабаша заставит Джованни на некоторое время уйти в подполье и потребует, чтобы любые действия с их стороны предпринимались очень осторожно.

И все же, утешала себя Изабель, разве все это не произошло бы с ней или без нее? Неужели Бенито нельзя заменить? Мог ли Амброджино действительно ожидать, что она заведет в тупик сородича, который вполне мог ходить в тени самого мифического Кейна — если предположить, что Кейн вообще когда-либо существовал? Разве выживание в Джихаде само по себе не было окончательным успехом? Разве мелкие трагедии, подобные этим, не разыгрывались каждую ночь, петляя между не-живых сородичей, как линии кровосмесительной родословной в ее собственном генеалогическом древе?

В конце концов, разве вся эта многовековая война не была простым отвлечением от неестественного акта восстания, от дневного отдыха, чтобы охотиться на смертных вокруг сородичей?

Единственная слеза крови скатилась из глаза Изабель, окрашивая мягкое дерево под ней.

Четверг, 4 ноября 1999 года, 1:37 утра

Лоджия Мавзолея Венеция, Италия

Амброджино откинул капюшон с головы и зажег свечу.

Иссохшей серой рукой он вытащил из колоды две карты.

Дурак.

Смерть.

А потом он посмотрел в зеркало. Без сомнения, кто-то «что-то» еще видел то же самое отражение с другой стороны полированного стекла.

Завтра вечером он встретится с Изабель в Лондоне.